

ФИЛИП БУРИНЕ (Philippe BOURRINET)

Итальянская Коммунистическая Левая (1912-1950)

Бордига

Дамен

LE COURANT «BORDIGUISTE»

1919-1999

Italie, France, Belgique

PHILIPPE BOURRINET

<http://www.left-dis.nl>

Диплом, Университет Париж-1 Пантеон-Сорбонна, в июне, 1980.

Контролируемый профессором **Жаком Дрозом** (1909-1998)

Предисловие

Итальянская Коммунистическая Левая (“Sinistra Italiana”) остается сегодня практически неизвестной – или, хуже того, известной неправильно – даже в стране, в которой она возникла, и в странах, в которых она развивалась в эмиграции.

Возникнув перед Первой мировой войной вокруг Бордиги, который был ее вдохновителем, она находилась в 1921 – 1925гг. во главе Коммунистической партии Италии. В этот период течение, возглавляемое Грамши, играло только второстепенную роль внутри партии, являясь ее правым крылом. Коминтерну, при всем оказываемом им давлении, было трудно избавиться от левого руководства КПИ, поддерживаемого большинством партии. Но в 1926г., после Лионского съезда, старое бордигистское большинство было постепенно исключено из партии. Вскоре после Лионского съезда Бордига был арестован. После освобождения он отошел от политической деятельности и всецело посвятил себя своей профессии инженера и архитектора. Он прервал свое молчание только в 1944г.

Поэтому Итальянская Коммунистическая Левая продолжала свою борьбу без Бордиги и за пределами Италии – в которой фашистские законы запрещали любую организованную политическую деятельность. Итальянская Левая сталалевой Фракцией КПИ в 1927г., затем Фракцией Коммунистической Левого в 1935г., и от своего основания в Пантене до роспуска в 1945г. она претендовала на идейное наследие партии, существовавшей под руководством Бордиги. После перехода в эмиграцию в 1926г. Итальянская Коммунистическая Левая постепенно потеряла все, что было специфически итальянского в ее происхождении и развитии. Это была группа итальянских рабочих – иммигрантов во Франции и Бельгии, которая продолжала изначальную традицию КПИ. Будучи иностранными рабочими, вынужденными покинуть родную землю и горячо преданными традиции Коммунистического Интернационала, они не имели «ни нации, ни национальных границ». «Итальянская» фракция была подлинно интернационалистской. Она существовала не только во Франции и в Бельгии, но и в США. Несколько лет она имела активистов в России. Ее сторонники были в далекой Мексике. Избежав замкнутости, столь сильной среди политических групп эмигрантов, она постоянно искала столкновения идей со всеми левыми группами, исключенными из Коминтерна: от троцкистов до левых коммунистов, порвавших с Троцким. Несмотря на серию разрывов с этими группами, ее упорство в поддержании международных дискуссий принесло плоды. В 1937г. была создана Бельгийская Фракция, возникшая в результате откола от возглавлявшейся Энно Лиги коммунистов – интернационалистов, а затем в 1944г. появилась Французская Фракция. Это показало неоспоримое распространение влияния Итальянской Коммунистической Левого – влияния, которое было, однако, более идеологическим, чем организационным. После того, как Итальянская Коммунистическая Левая перестала быть специфически «итальянской», в 1938г. она стала Интернациональной Коммунистической Левого. Было создано Интернациональное бюро фракций.

Итальянская левая была интернационалистской до мозга костей – как по своим политическим позициям, так и по своей деятельности. Для этой маленькой группы рабочих интернационализм означал отказ от предательства дела мирового пролетариата. В исторический период, исключительно тяжелый для маленьких революционных групп, оказавшихся все более изолированными от пролетариата, она была одной из очень немногочисленных организаций, решивших плыть против течения. Она отказывалась поддерживать демократию против фашизма; она отвергала защиту СССР и борьбу за «национальное освобождение». В период, когда над всеми областями общественной жизни

безраздельно господствовала война, Итальянская Коммунистическая Левая без устали призывала к революционному пораженчеству против всех империалистических лагерей – точно так же, как это делал Ленин в 1914г. Она неустанно пропагандировала необходимость мировой революции как единственного средства спасения мира, агонизирующего в кризисах, войнах и массовом терроре.

Несмотря на враждебность, которую она встречала в рабочей среде, огромное большинство которой следовало за лозунгами Народного фронта и «антифашизма», Итальянская левая выдвинула свой собственный лозунг: не предавать рабочий класс. Именно ради этого она, уже находящаяся в изоляции, сделала трудный выбор еще более изолировать себя, чтобы упорно защищать интернационалистскую позицию против войны. Во время войны в Испании она была единственной группой во Франции, которая отказалась поддерживать – даже «критически» – республиканское правительство и призвала к «превращению войны империалистической в войну гражданскую». В этом ее поддержало только меньшинство ЛКИ в Бельгии и маленькая группа в Мексике, так что ее изоляция стала тотальной – вплоть до изоляции даже от таких групп, как Коммунистический союз во Франции, ЛКИ в Бельгии и Революционная Рабочая Лига в США. Ценой, которую Итальянская Левая заплатила за непримиримую защиту своих позиций, стал раскол в ее рядах, что привело к значительному сокращению численности организации. Ослабленная в количественном отношении, Левая Фракция стала тем не менее после этого раскола более сильной идеологически. Когда вспыхнула Вторая Мировая война, которая, на ее взгляд, должна была произойти в более отдаленном будущем, Итальянская Левая, вместе с голландскими интернационалистами, Революционными Коммунистами Германии и французскими Революционными коммунистами, была одной из немногих групп, которые выступили против империалистической войны и движения Сопротивления. Против войны она выдвинула борьбу за пролетарскую революцию, которая сметет все блоки и военные фронты. Истреблению рабочих в войне она противопоставила призыв к их братанию поверх национальных границ.

Характеризуя позиции Итальянской Коммунистической Лево́й, некоторые историки и/или политические противники приклеивали к ней ярлыки «ультралевой» и «бордигистской». На самом деле, Итальянская Коммунистическая Левая не была ни «ультралевой», ни «бордигистской». С самого начала она защищала себя от этих ярлыков. Она не стремилась к «оригинальности» своих позиций; несмотря на критику, которой ее – наряду с Коммунистической рабочей партией Германии (КРПГ) – подверг Ленин в «Детской болезни левизны в коммунизме» – она была прежде всего левым крылом Коммунистического Интернационала. Она хотела продолжить революционную традицию первых двух конгрессов Коминтерна. Вот почему, несмотря на то, что она была одним из первых левых течений, возникших в Коминтерне, она покинула его в числе последних – и покинула не по своей доброй воле, а в результате исключения. Обвиняемая в ультралевизне Троцким, она несколько лет сотрудничала и дискутировала с троцкистским течением, пока не была исключена последним из Интернациональной Лево́й Оппозиции. Она возникла как непримиримое марксистское течение перед Первой Мировой войной, и осталась навсегда верна изначальной непримиримости Коминтерна, хотя сам Коминтерн позднее ушел в противоположном направлении, приняв тактику «объединенного фронта» и «рабочих государств».

Итальянская Левая сохранила свое существование как особое течение не потому, что стремилась быть «экстремистской», а потому, что ее политический опыт заставлял ее развиваться и ставить под вопрос прошлые схемы, которые оказывались устаревшими. Она верила, что опыт Русской революции не может превращаться в нечто священное, но скорее

должен быть подвергнут безжалостной критике. Для нее марксизм не был ни библией, ни сборником готовых рецептов; его нужно было обогащать в соответствии с опытом борьбы пролетариата. Она отказывалась превращать Ленина и Бордигу в иконы. Поскольку она верила, что необходимо подвести *итог* русской революции и всему последующему периоду, делая это без предрассудков и не подвергая кого-либо остракизму, она критиковала определенные позиции Ленина и Бордиги, которые тем не менее оставались для нее частью собственной истории. Будь это в вопросе о профсоюзах, о «национально - освободительных движениях» или о роли государства в переходный период, она не боялась делать теоретические новации, если считала это необходимым. Для периода 1926 – 1945гг. она не может быть охарактеризована ни как «ленинистская», ни как «бордигистская». Именно проделанный ею критический «итог» прошлого позволил ей пережить Вторую мировую войну и существовать до настоящего времени.

Продолжительное существование Итальянской Лево́й, ошибочно называемой «бордигистской», не может быть объяснено деятельностью отдельных личностей, таких, как Отгорино Перроне (Верчези), являвшийся одним из ее главных создателей и вдохновителей. При всех своих личных блеске и таланте, Перроне был прежде всего воплощением теоретической и практической деятельности каждого активиста. Его политические колебания, в частности, поражающее нас участие в «антифашистской коалиции» в Бельгии в 1944- 1945гг., показывают, что идеологическая последовательность Итальянской Лево́й зависела куда больше от организации как целого, чем от отдельных индивидов. Используя выражение, любимое самой Итальянской Фракцией, каждый активист утверждал себя через организацию, а организация утверждала себя через каждого активиста. Если она и прославляла «пролетарских вождей», таких, как Ленин, то делала это с целью показать, что эти вожди синтезировали органическую жизнь партии. Поэтому она пыталась, насколько это было возможно, придать анонимную форму деятельности активистов, имевших больше всего общего во взглядах. Поступая так, она действовала в соответствии с идеями Бордиги 1920-х годов. Бордига всегда стремился, чтобы жизнь партии основывалась не на пассивном следовании за вождями, но на политической программе.

Удивительно, что современные группы, претендующие на традицию Итальянской Лево́й, замалчивают свою собственную историю, хотя некоторые из их активистов принадлежали к Итальянской Фракции. Когда они вынуждены говорить об «Итоге», они представляют этот журнал как всего лишь издание маленькой группы итальянских эмигрантов, и молчат о позициях, в нем защищавшихся. Это верно, например, относительно Интернациональной Коммунистической Партии, представленной во Франции журналом “Programme Communiste”, а в Италии газетой “Programma Comunista”. Все время утверждая о своей полной преемственности с Итальянской Лево́й после 1921г., неизменности ее позиции и абсолютной верности позициям Ленина и Бордиги 1920-х годов, она тем не менее тщательно хранит политическое молчание о Итальянской Фракции между 1926 и 1945годами.

На самом деле в истории Итальянской Коммунистической Лево́й есть важный разрыв в 1943 – 1945гг., когда в Италии была создана Интернационалистская Коммунистическая Партия (ИнтКП). Это привело к роспуску Итальянской Фракции во Франции и в Бельгии, так как большинство ее активистов вступили по одиночке в новую партию, даже не зная ее программу. На радостях от присоединения к ИнтКП, имевшей тысячи активистов и руководимой столь уважаемыми лидерами, как Дамен, Бордига и позднее Перроне, многие из старых разногласий были забыты мгновенно, многие активисты вступили в ИнтКп в надежде увидеть старую партию Бордиги, восстановленную в нетронутым виде. Увлечение собственной силой привело к тому, что ИнтКП стала проводить сектантскую

политику, очень отличавшуюся от политики Фракции Коммунистической Лево́й во Франции и в Бельгии. Она отказалась от любых дискуссий и столкновения позиций даже с теми, кто, как РКГ – РК отказался поддержать империалистическую войну и сохранил интернационалистские позиции. На самом деле она даже исключила Французскую Фракцию, которая хотела сохранить традицию «Итога» и которая вывела итальянскую и бельгийскую фракции из спячки во время войны.

Через несколько лет новая партия в Италии пережила глубокий кризис, вылившийся в серию расколов и уходов. «Партия» увидела свои силы значительно сократившимися и стала маленькой организацией революционеров, которые упорно называли себя партией, хотя для того, чтобы быть настоящей партией, не имели ни средств, ни возможностей в период, когда они – точно так же, как в 1930-е годы, - находились в глубокой изоляции. В 1952г. тенденция Дамена, создавшая в 1943г. ИнтКп, отделилась от чисто «бордигистской» тенденции – после нескольких лет дискуссий с Бордигой, который формально даже не был членом партии. После этого чисто «бордигистская» тенденция вернулась к тезисам Бордиги и Ленина 1920-х годов, и поэтому с полной последовательностью отвергла все развитие теории, проделанное «Итогом», «Октябрем» и «Коммунизмом» в 1930-е годы.

Из всех существующих сегодня групп Итальянской Лево́й только Интернационалистская Коммунистическая Партия (“Battaglia Comunista”) – созданная тенденцией Дамена в 1952г. – претендует на преемственность с «Итогом». Во время раскола 1952г. большинство членов бывшей Итальянской Фракции 1926 – 1945гг. присоединились к тенденции Дамена.

Интернациональное Коммунистическое Течение (ИКТ), хотя и не возникло непосредственно из Итальянской Коммунистической Лево́й межвоенного периода, претендует на преемственность с «Итогом» и Французской Фракцией, которая после 1945г. пыталась развивать свои позиции в журнале «Интернационализм». Именно ИКТ опубликовало больше всего текстов «Итога» на разных языках.

Издание нами истории (точнее говоря, краткого очерка истории) Итальянской Коммунистической Лево́й покажется многим пустой тратой времени. Но Итальянская левая имела политическую важность и влияние, значительно превосходящие ее количественные размеры. Сегодня, когда вся мировая буржуазия больше, чем когда-либо, кричит про «смерть коммунизма», когда ложь, будто сталинизм и коммунизм – это одно и то же, достигла точки пароксизма, необходимо показать, что именно подлинные коммунисты боролись против этой лжи с самого начала, и что они смогли как сохранить, так и критически развить истинные достижения Октябрьской революции против всех искажений и извращений сталинистской контрреволюции.

Наличие сегодня множества групп, происходящих из более или менее мифической Итальянской Лево́й, историю которой они искусственно реконструируют, а на самом деле – просто скрывают, требует изучения малоизвестного периода существования Итальянской Лево́й в эмиграции в 1926 – 1945гг. – во Франции и в Бельгии (но также и в США), и в Италии, от Лионского съезда 1926г. до 1945г., когда произошло растворение Итальянской Лево́й в новой партии.

Мы не скрываем огромных трудностей, связанных с нашей работой. Ни в Италии, ни во Франции, ни в Англии практически не существует ни одного исследования об этом решающем периоде. В Италии бордигистское течение известно лучше, чем во Франции, но изучение его часто искусственно ограничивается периодом до 1926г. Понемногу переиздаются работы Бордиги, написанные в период, когда он возглавлял Коммунистическую партию Италии. Выходят многочисленные исследования,

посвященные этой партии и ее происхождению, в которых все больше говорится о важной роли Бордиги, а Грамши и Тольятти ставятся на должное место. Но подобные исследования часто ограничиваются личностью Бордиги, и мало говорят о течении, которое он помог сформировать. На несколько честных работ (в частности, работ Де Клементи) приходится много книг, написанных активистами Итальянской Коммунистической Партии или левацких групп, заведомой целью которых является показ «сектантства» и даже «инфантилизма» бордигизма – с целью противопоставить ему грамшианство. Такой революционер, как Бордига, и сегодня вызывает самые ожесточенные страсти, так как позиции, которые он защищал, воплощены в существующем до настоящего времени политическом течении.

Во Франции трудно найти какое-либо исследование о «бордигистском» течении до 1926г. В силу политической моды сталинистские или левацкие лидеры и идеологи, ищущие себе исторического предшественника, менее скомпрометированного, чем Сталин, придумали «грамшианство».

Не существует никакого исследования деятельности Итальянской Фракции в 1926 – 1945гг., кроме короткой заметки, опубликованной в журнале ИКТ «Международное обозрение». Несколько сборников текстов Итальянской фракции, изданных во Франции парижским издательством 10/18, а в Испании барселонским издательством “Encetera”, показывают рост интереса к деятельности “бордигистского” течения во Франции и в Бельгии.

При осуществлении нашего замысла мы опирались прежде всего на тексты и газеты, издававшиеся Итальянской и Бельгийской Коммунистической Левой в 1928 – 1939гг., Итальянской и Французской Фракциями с 1942г., ИнтКП в 1943 – 1945гг. Опубликованные на итальянском и французском языках, они показывают эволюцию течения в соответствии с развитием политических событий. Мы не пренебрегали внутренними бюллетенями, печатавшимися после 1931года в дискуссиях с Троцким, в 1937 – 1938гг. (“Il Seme Comunista”), в 1943 – 1944гг. (“Международные бюллетени Итальянской Фракции”), когда могли получить к ним доступ.

Если, к счастью, издания «Прометей», «Итог», «Октябрь», «Коммунизм» можно найти в разных библиотеках Европы (в Милане, Париже – Нантерре, Амстердаме, Брюсселе), то по-другому обстоит дело с архивами активистов левой фракции. Пустота в этой области заполняется постепенно благодаря архивам Перроне в Нантерре и Пьеро Корради в библиотеке Фолоники. Можно надеяться, что подобный пример будет иметь продолжение и сделает Итальянскую Левую более известной.

Мы не пренебрегали донесениями итальянской полиции, которые можно найти в архивах Перроне. После 1944 – 1945гг. активисты, преследовавшиеся фашизмом после 1922г., на короткое время получили доступ к касающимся их полицейским донесениям и документам. Нет нужды говорить, что архивы французской и бельгийской полиции будут недоступны еще долгое время.

Чрезвычайно полезными для нас оказались воспоминания Пьеро Корради о «Коммунистическом пробуждении» и о меньшинстве «Итога» во время испанской войны. Точно так же были полезны воспоминания живых активистов Итальянской Фракции. По понятным причинам мы ссылались на их псевдонимы, а не на настоящие фамилии, если только они давно уже не отошли от активной политической деятельности, например, в Италии.

Если мы в нашем исследовании иногда называли имена и псевдонимы умерших революционеров, то делали это не только из-за заботы историка быть настолько скупулезным и точным, насколько это возможно. Мы знаем, что Итальянская Коммунистическая Левая старалась действовать как организация, а не как сумма индивидов. Она проявляла себя в анонимных публикациях, а не выдвигала вперед знаменитые имена. Но все организации – и Итальянская Левая не была исключением – проходят иногда через период разногласий, которые кристаллизуются в тенденции, группирующиеся вокруг тех людей, которые являются наиболее известными и решительными выразителями этих тенденций. Итальянская Фракция больше, чем какая-либо другая революционная организация отказывалась скрывать возникавшие внутри нее разногласия за фасадом монолитного единства. Она всегда стремилась облегчить выражение политических разногласий, даже если их проявляли лишь немногие активисты.

Прежде всего мы надеемся извлечь Итальянскую Коммунистическую Левую из тотальной анонимности, и призываем ее живых активистов, а также семьи умерших, исправить возможные исторические ошибки, чтобы улучшить историю течения, которое должно стать известно, и сломать молчание об этой истории.

В конце предисловия мы выражаем признательность госпоже Анни Морелли, дочери сторонника Итальянской Левой, которая имела любезность послать нам заметки, которые она сделала о «бордигистах» в своей работе, посвященной итальянской эмиграции в Бельгии. Они оказались очень полезными, особенно та их часть, где говорилось о «Завтрашней Италии» и о роли Верчези в антифашистской коалиции.

Мы сознательно решили говорить прежде всего о политических позициях «бордигистского» течения, показывая его прогрессивную эволюцию, обусловленную историческим контекстом. Не пренебрегая социальной историей Итальянской Фракции или ее организационной историей, мы сочли особенно важным и необходимым выдвинуть на первый план ее политические позиции. Они отражают целый исторический период после Русской революции, период, богатый дебатами, которые, учитывая важность поднятых вопросов далеки от завершения.

История Итальянской коммунистической Левой может быть только политической, потому что как поднимавшиеся ею вопросы, так и дававшиеся ответы, были и остаются политическими. Мы горячо убеждены, что Итальянская Коммунистическая Левая не остается мертвым прошлым, но проникает в будущее благодаря богатству ответов, сделанных ею в 1930-е годы.

ФИЛИП БУРИНЕ, Париж-1 Пантеон-Сорбонна, в июне, 1980

Глава 1. Происхождение (1912 – 1926)

Все левые течения социал-демократических партий возникли внутри Второго Интернационала. По сравнению с реформистским течением Бернштейна, Жореса, Турати, Реннера, марксистское течение появилось со значительным запозданием. Оно было скорее левоопозиционной тенденцией, чем настоящей фракцией, организованной в международном масштабе внутри Интернационала. В начале 20 века революционное течение было организовано только на национальном уровне. Сперва, в 1903г. появились большевики в России и тесняки в Болгарии, а затем, в 1909г., от реформистской Социал – демократической рабочей партии Нидерландов откололась левая Социал-демократическая партия Нидерландов («трибунисты»), теоретиками которой были Гортер и Паннекук. В СДПГ, ведущей партии Второго Интернационала, пользовавшейся в нем всеобщим уважением и восхищением, течение во главе с Розой Люксембург не организовалось как фракция, хотя Р. Люксембург и создала особую партию в Польше – СДКПиЛ. Несмотря на то, что левые течения длительное время разоблачали «оппортунистическую опасность», они стали организовываться в международном масштабе только во время мировой войны.

Отчасти из-за национального развития капитализма, Второй Интернационал был организован как федерация национальных секций, без подлинно централизованной организации в мировом масштабе. Международное Бюро, существовавшее в Брюсселе под руководством Камиля Гюисманса, имело своей задачей координацию секций, а не политическое руководство ими. Третий Интернационал был первой в истории рабочего движения международной организацией, появившейся ранее, чем некоторые ее национальные секции.

Развитие оппортунистического течения и слабость непримиримых марксистских тенденций были не случайны. Гигантский рост мирового капитализма после 1871г. заставил значительные отряды рабочего движения поверить, что борьба за реформы и реальное улучшение жизненного уровня рабочего класса в развитых странах ведут к тому, что пролетарская революция не является более необходимой в этих странах – и уж тем более не является необходимой в мировом масштабе. До тех пор, пока пролетарии разных стран не столкнулись с реальностью мировой войны и мирового кризиса, мировое пролетарское движение казалось утопией, выдумкой немногих экзальтированных умов. Итальянское рабочее движение не избежало этой общей характеристики.

Рождение Итальянской социалистической партии

До 1870г. итальянское рабочее движение оставалось очень слабым. В это время в стране насчитывалось не больше 9 тыс. промышленных предприятий и 400 тыс. наемных рабочих. В 1871г. Энгельс, назначенный Международным Товариществом Рабочих секретарем по итальянским делам, подсчитал, что в итальянской секции Первого Интернационала, которая называлась «Федерация рабочих», имеется не больше 750 человек. На следующий год раскол между Мадзини и социалистами еще больше ослабил рабочую партию. Развитие анархизма, характерное для отсталых стран, и роспуск правительством итальянской секции МТР в 1874г. почти свели пролетарское социалистическое движение на нет. Бакунисты доминировали в локальных восстаниях в Романье в 1874г. и в Беневентино в 1877г.

Организованное социалистическое движение возрождается только в 1881г., когда по инициативе Андреа Косты была создана Революционная социалистическая партия Романьи. Ее программа основывалась на революционном марксизме:

«Революционная социалистическая партия Романьи является и может быть только революционной партией. Революция – это прежде всего насильственное физическое восстание масс против всех препятствий, которые существующие институты воздвигли на пути утверждения и осуществления народной воли.

Вот почему революция – это в первую очередь временная диктатура трудящихся классов, т.е. концентрация всей социальной (экономической, политической и военной) силы в руках восставших рабочих с целью разрушения всех преград, которые старый строй воздвиг против установления нового; с целью защиты, возбуждения, пропаганды революции; с целью осуществления экспроприации частных лиц и установления коллективной собственности и общественной организации труда».^[1]

Через год РСПР объединилась с «Рабочей партией», возникшей в Милане вокруг Турати. Эта последняя была «рабочистской» партией, которая принимала в свои ряды только наемных рабочих; враждебная всем программам и всем идеологиям, она отказывалась участвовать в выборах. В числе ее членов были типографский рабочий Ладзари и теоретик Бенедетто Кроче. Не было деления между партией и примыкавшими к ней профсоюзами, такими, как «дети труда» (“figli del lavoro”). Тем не менее, партия была непримиримо интернационалистской; во время войны в Эфиопии Коста провозгласил «ни человека, ни копейки на авантюры в Африке». В 1886г. Кафиеро перевел на итальянский язык «Капитал» и, несмотря на роспуск партии, продолжало издаваться «Итальянское обозрение социализма». В 1889г. был издан перевод «Коммунистического манифеста», и с 1891г. выходила «Социальная критика».

Рост численности пролетариата и развитие классовой борьбы сельскохозяйственных рабочих привели к созданию первых профцентров («палаты труда») и к основанию в 1892г. на съезде в Генуе Итальянской социалистической партии.

Создание ИСП было чрезвычайно важным, т.к. провело окончательную грань между социалистами и анархистами. Но новая партия была основана на реформистских позициях. Она пропагандировала «борьбу по профессиям» и «самую широкую борьбу

за завоевание общественной власти» и за завоевание «управления производством», умалчивая о диктатуре пролетариата. С этого времени партия участвовала в выборах, но на Болонском съезде она пошла еще дальше, согласившись участвовать в предвыборных блоках. Тем не менее, партия медленно продвигалась к основным позициям социализма; на съезде во Флоренции в 1896г. она отвергла идею организации, основанной на экономических и избирательных ассоциациях, признав только индивидуальное членство.

Очень скоро ИСП должна была пройти испытание на прочность. Распущенная в 1894г. в соответствии с «антисоциалистическими законами» правительства Криспи, партия продолжала свое развитие. В 1898г. на всем юге Италии вспыхнули голодные бунты, вызванные войной в Эфиопии, в том же году при безжалостном подавлении рабочего выступления в Милане погибли сто рабочих. Несмотря на репрессии, центральная газета ИСП «Аванти» превратилась в социалистический ежедневник, а на выборах в 1900г. правые потерпели поражение, тогда как ИСП совершила прорыв, набрав 13% голосов.

Но успех на выборах привел к победе возглавляемого Турати реформистского течения в партии. После того, как король Умберто был убит анархистом, Турати заявил в парламенте: «Мы солидарны с вашим горем». Римский съезд партии в том же году ознаменовался победой реформистского течения. Он провозгласил не только защиту конституции, но и полную автономию местных секций в вопросе выборов, т.е. допустимость для них вступать в предвыборные блоки с буржуазными партиями, а также предоставил полную автономию депутатам партии в парламенте. Позиция правительства, которое, после ряда массовых стачек, признало «право коалиций», еще более усилила реформистские тенденции. Как дополнение к реформизму, на Болонском съезде в 1904г. проявилась «революционно – синдикалистская» тенденция во главе с Артуро Лабриолой, которая пропагандировала необходимость всеобщей стачки и преобладание профсоюзов над партией. Это течение покинуло партию в 1907г.

-
1. Для изучения социалистического движения в Италии до 1918г. можно обратиться либо к работе Бордиги (“Storia della Sinistra comunista”) – незаменимому свидетельству революционера – либо к работе G. Arfe. Storia del socialismo italiano (1892 – 1926). 1966, Einaudi.

Левое крыло в партии (1913 – 1918гг.)

До этого времени в ИСП не существовало подлинно левого течения. Первое непримиримое марксистское движение появилось только в 1910г. Когда парламентская группа ИСП поддержала правобуржуазные силы, на Миланском съезде Ладзари резко критиковал парламентские действия единомышленников Турати. Он сказал даже: «Невелика беда, если итальянский пролетариат не будет более представлен в парламенте». Муссолини от имени левых социалистов Романьи осудил политический союз социалистов с республиканцами, однако в конце концов на Миланском съезде левое меньшинство во главе с Ладзари было разгромлено.

Настоящее усиление непримиримых социалистов стало результатом итальяно – турецкой войны из-за Ливии. Крайне правое крыло партии во главе с Биссолати, Бономи и Феличе (но также «революционный синдикалист» Артуро Лабриола!) заявило о своей солидарности с правительством. Однако в 1912г. вся социалистическая группа в парламенте голосовала против аннексии Италией Ливии. Непримиримая позиция укрепилась на съезде в Реджо – Эмилии, который исключил Бономи, Биссолати, Кабрини и Подреки – всех депутатов от ИСП, ходивших в Королевский Дворец, чтобы выразить свои сожаления в связи с покушением на короля. Это было победой левого крыла ИСП, издававшего «Классовую борьбу» в Форли и «Чердак» (последнее название было вызовом реформистам, которые утверждали, что марксизм должен быть «отправлен на чердак»). По инициативе Муссолини, съезд отверг автономию парламентской группы и преобладание парламентской деятельности в партии. Съезд заявил, что всеобщее избирательное право «может быть полезным только для того, чтобы показать пролетариату, что оно не является тем оружием, которым он может добиться своего полного освобождения». Более того, съезд заявил, что «партия не является витриной для знаменитостей». Поддерживая левых, Ленин прокомментировал этот раскол в следующих словах: «Раскол – тяжелая, болезненная история. Но иногда он становится необходимым, и в таких случаях всякая слабость, всякая «сантиментальность»... есть преступление... И партия итальянского социалистического пролетариата, удалив из своей среды синдикалистов и правых реформистов, встала на верный путь» («Правда», 28 июля 1912г.) Опираясь на поддержку Интернационала, Муссолини стал издателем «Аванти».

Но самую решительную борьбу против правых и центра в ИСП вела Федерация молодых социалистов. Созданная в 1903г., Федерация провела съезд в Болонье в 1907г., и поставила на нем в повестку дня необходимость антимилитаристской пропаганды. Желая сохранить чистоту партии, Федерация провозгласила, что активные католики и христианские демократы не могут быть членами организации. В своем органе «Авангард» она требовала исключения франкмасонов из партии. Но решительная победа левого крыла

Федерации состоялась на съезде в Болонье в 1912г. Именно на этом съезде впервые публично выступила маленькая группа непримиримых молодых социалистов из Неаполя. Они стали центром притяжения левого крыла Федерации молодых социалистов, а их неоспоримым лидером был Амадео Бордига.

Бордига родился в 1889г. под Неаполем. Его мать происходила из старинного знатного рода, а отец был профессором сельского хозяйства. Бордига вошел в социалистическое движение в 1910г. В Неаполе, после ухода революционных синдикалистов, социалистическая группа была пропитана франкмасонством и отличалась склонностью к автономии в избирательных делах и к союзу с республиканскими левыми партиями. Вот почему непримиримые марксисты во главе с Бордигой были вынуждены в 1912г. организованно выйти из неаполитанской секции партии, т.к. не считали эту секцию социалистической. Из этого раскола возник «Революционный социалистический кружок им. Карла Маркса», возглавлявшийся Бордигой и Гриеко. «Чердак» приветствовал этот раскол. Что касается реформистов, объединенных в «Неаполитанский социалистический союз», то они были вынуждены покинуть партию в 1914г. После этого Бордига, Бомбаччи и Гриеко воссоздали неаполитанскую секцию ИСП в количестве 16 человек.

На съезде социалистической молодежи в 1912 Бордига впервые выступил против «культурнического» течения во главе с Таской, которое хотело превратить «Авангард» в «по преимуществу культурный орган», а организации социалистической молодежи – в кружки самообразования, при помощи системы лекций и библиотек. Резолюция левого крыла, предложенная Бордигой, получила большинство голосов. В ней говорилось, что «при капиталистическом режиме школа является могущественным орудием консерватизма в руках господствующего класса, и стремится воспитать молодежь в духе лояльности и покорности существующему строю». Поэтому «воспитание молодежи должно происходить больше в действии, чем в учебе, регулируемой бюрократическими системами и нормами; воспитание может быть дано только в пролетарском окружении, воодушевленном классовой борьбой, понимаемой как подготовка самых высших завоеваний пролетариата».[1]

Всю свою дальнейшую жизнь Бордига понимал партию как инструмент революционного действия, закаленный в классовой борьбе.

Борьба Бордиги в защиту непримиримого марксизма в партии происходила вокруг четырех пунктов, которые он считал принципиальными для сохранения пролетарского политического характера партии:

- 1). **Антипарламентаризм.** Бордига всегда настаивал на подчинении парламентской деятельности революционным целям. Но до 1918г. он не был бойкотистом. В 1918г. он даже написал направленную против анархизма статью, озаглавленную «Против бойкотизма».

2). **Революционный синдикализм.** Бордига был решительным сторонником подчинения профсоюзной деятельности партийной. Он выступал против революционных синдикалистов, желавших подчинить партию профсоюзам. Именно поэтому он станет противником Грамши, Таски, Тольятти и «ординовизма», которые считали, что партия должна основываться на экономических действиях вообще и на фабричных советах в частности.

3). **Реформизм.** Бордига был самым решительным сторонником (до 1914г. – вместе с Муссолини) исключения из партии франкмасонов (что в 1914г. и было достигнуто) и правой тенденции с ее пассивным отношением к классовой борьбе. Очистить партию, чтобы обеспечить ее революционную чистоту – это всегда было любимым лозунгом «бордигизма».

4). **Война и антимилитаризм.** Находясь перед угрозой войны, непримиримая марксистская тенденция в Федерации молодых социалистов всегда была на переднем крае борьбы с милитаризмом. В 1912г. она приветствовала Базельский манифест Второго Интернационала, где содержался призыв к превращению войны империалистической в войну гражданскую. В «Голосе Каstellамаре ди Стабиа» Бордига писал: Когда будет объявлена мобилизация, мы провозгласим всеобщую бессрочную стачку; на объявление войны мы ответим вооруженным восстанием. Это будет социальная революция». Чтобы поддержать данную принципиальную позицию, Бордига стал издателем брошюры «Солдатская копейка», подготовленной всей молодежной Федерацией.

Но надежда Бордига на то, что война превратится в революцию, не осуществилась. Хотя «Красная неделя» в Анконе привела к волне массовой борьбы по всей стране против репрессий и войны, решение профсоюзного руководства призвать к возвращению на работу сломало движение.

Как среагировала на войну Итальянская социалистическая партия, возглавляемая ее левым крылом? Большинство социалистических партий поддержало войну. В «Аванти» Муссолини первоначально написал, что он отказывается от перемирия с итальянской буржуазией. Бордига выступил против проведения различия между «оборонительными» и «наступательными» войнами. В 1914г. он критиковал идею нейтралитета в рядах рабочего класса. «Для нас нейтралитет означает энергичную социалистическую интенсификацию классовой борьбы против буржуазного государства, углубление всех классовых антагонизмов, которые являются подлинным источником любой революционной тенденции». Левые заявили, что находятся «на своем социалистическом посту». Бордига писал в другой своей статье: «Мы должны быть и мы будем на своем посту, против всех войн, за пролетариат, который может в них только все потерять, которому в них нечего приобрести или защищать». Но в этой же статье подчеркивалась слабость пролетарского ответа на войну:

«...во всех странах господствующий класс смог убедить пролетариев, что он воодушевлен мирными чувствами, что он был вынужден начать войну, чтобы

защитить страну и ее «высшие интересы». На самом деле, буржуазия во всех странах одинаково виновата в войне или, точнее, это капиталистический строй виновен в ней из-за своего стремления к экспансии, которое порождает гонку вооружений» (статья «На нашем посту» в «Аванти» за 16 августа 1914г.)

ИСП не сохранила такую непримиримую позицию. Муссолини отрекся от своего революционного прошлого, поддержав войну. Он стал интервенционистом в октябре 1914г., когда опубликовал в «Аванти» статью, озаглавленную «От нейтралитета пассивного к нейтралитету активному и действительному». Исключенный из партии, он начал издавать газету «Итальянский народ» (“Il popolo d’Italia”) – на субсидии Антанты, которые он получал при посредничестве французского депутата – социалиста Марселя Кашена, будущего лидера Французской коммунистической партии. По вопросу о войне позиция центристского крыла ИСП во главе с Ладзари не отличалась ясностью. Перед угрозой вовлечения Италии в войну руководство ИСП заявило: «мы не будем ни поддерживать войну, ни ее саботировать», что означало двусмысленность по отношению к лозунгу о превращении войны империалистической в войну гражданскую и приняло форму нейтралитета по отношению к итальянской буржуазии. Когда Италия вступила в войну, «Социалист Неаполя» вышел под шапкой: «Война решена. Долой войну!». «Аванти» провозгласила, что она «против войны, за антимилитаристский международный социализм».

Колебания ИСП вправо и влево не способствовали развитию в ней левой фракции в ходе войны. На конференции в Циммервальде было представлено не левое крыло ИСП, но ее правое крыло в лице депутата Модильяни. Бордига, дважды – в 1915 и 1916гг. – призванный в армию, смог организовать левую оппозицию в ИСП только в 1917г.

-
1. “Invariance”, “Le Fil du temps” и “Programme Communiste” дают все необходимые ссылки на работы Бордига в их многократных переизданиях. См., например, “Le Fil du temps”, N 13, nov. 1976 и “Programme communiste”, N° 48 – 56.

Бордига и Коммунистическая партия Италии

Так была открыта дорога к созданию Коммунистической партии. В марте 1920г. вспыхнула всеобщая забастовка в Турине, продолжавшаяся 10 дней. Распыление борьбы и пассивность ИСП, поддерживаемая легалистскими профсоюзами, вынудили различные оппозиции в ИСП работать вместе и спустя короткое время объединиться. 1 мая 1919г. вышел первый номер «Ордине нуово», руководимой Грамши, Тольятти и Таской. Контакты ординовистов с «бордигистским» течением с необходимостью были тесными: туринская группа ИСП была бойкотистской и возглавлялась сторонником Бордига рабочим Джованни Боэро. Грамшистская тенденция, однако, стояла за участие в выборах. Она противопоставляла «Совету» изоциренную смесь из идей Ленина и делеонистского революционного синдикализма. Она считала, что «профсоюзы показали себя ничем иным, как формой капиталистического общества», и должны быть поэтому заменены фабзавкомками и советами. Позднее «Ордине нуово» призывала к рабочему управлению на предприятиях и, казалось, недооценивала роль Коммунистической партии, ограничивая ее чисто экономическими задачами. Для «Совета» решающим был вопрос о партии, без которой классовая борьба не могла выйти на правильный путь. Бордига был сторонником Советов, но он настаивал, что они могут приобрести революционное содержание, лишь если будут образованы на основе «местных секций Коммунистической партии». Для него диктатура пролетариата могла быть реализована только через диктатуру партии, потому что Советы «не были по существу своему революционными органами». Кроме этих теоретических вопросов, по которым Бордига вел непрерывную полемику, фундаментальное расхождение с «Ордине нуово» было из-за ее неспособности порвать с максимализмом и колебаний по вопросу о конституировании себя во фракцию, имеющую целью быстрый разрыв с возглавляемым Серрати центром ИСП.^[1]

В конце 1920г. «Ордине нуово» приблизилась к фракции Бордига, которая имела теперь большинство не только в Неаполе, но и в Турине, Милане и Флоренции. Крах захвата заводов в сентябре 1920г. нанес жестокий удар теориям Грамши о «экономическом управлении» и «рабочем контроле». Правительство Джолитти проделало искусный маневр, продекларировав «рабочий контроль» и позволив стачке в Турине выдохнуться самой по себе. Революционные события продемонстрировали отсутствие Коммунистической партии, способной поддержать движение и руководить им. Это поражение убедило и Бойкотистскую Фракцию, и «Ордине нуово», что больше невозможно ждать и действовать по одиночке. В Милане была создана Объединенная Коммунистическая Фракция. Она издала манифест, призывающий к созданию Коммунистической партии путем исключения туратистского правого крыла; она отказалась от бойкота выборов, приняв решения Второго Конгресса Коминтерна.

Раскол старой партии, еще не принявший открытую форму, был окончательно решен на конференции в Имоле в декабре 1920г. Здесь была отвергнута немецкая модель создания Коммунистической партии, основанная на слиянии коммунистов и левых социалистов. «Теперь наша работа как фракции неизбежным образом закончена». Участники конференции единодушно заявили, что они не могут более оставаться «в старой партии, чтобы выполнять утомительную работу переубеждения, которая в любом случае завершена, потому что иначе пролетариат будет обречен на неподвижность до

следующего съезда». Выводом был «немедленный уход из партии и со съезда (ИСП), как только наша резолюция получит большинство или меньшинство. Отсюда последует... разрыв с центром».

21 января 1921г. Имольская резолюция получила на съезде ИСП треть голосов: 58783 против 172487. Сразу после этого была основана Коммунистическая партия Италии, секция Коммунистического Интернационала. Перед этим Бордига заявил на съезде ИСП, что «социалистическая партия остается тем же, чем была перед войной: лучшей партией Второго Интернационала, но не партией Третьего Интернационала». Серрати формально принял 21 условие, но был неспособен «перевести его в действие. Мы забираем с собой всю честь вашего прошлого», - сказал Бордига перед уходом со съезда. Бойкотистская фракция растворилась в новой партии, которая отвергла существование в своих рядах автономных фракций и намеревалась действовать «в строжайшем единодушии и дисциплине».

Каковы были идейные основы новой партии, возглавляемой Бордигой? Они были изложены в «Тезисах Бойкотистской Коммунистической Фракции» в 1920г. В этих тезисах говорилось, что коммунистическая партия должна действовать как «генштаб пролетариата в революционной войне», потому что «только организовавшись в политическую партию, пролетариат может стать классом, борющимся за свое освобождение». Отвергая единый фронт с другими партиями, которые не разделяют коммунистическую программу, и отвергая подчинение партии простым экономическим действиям, тезисы подчеркивали, что высшей целью любой коммунистической партии является насильственный захват власти, установление диктатуры партии.

Советы, возникшие в ходе революции, могут иметь революционный характер, лишь если большинство в них завоевано коммунистической партией, иначе они будут представлять «серьезную опасность для революционной борьбы». В повседневной борьбе, посредством пропаганды, «интенсивной работы изучения и критики, коммунисты должны прикладывать все усилия для эффективной подготовки к неизбежной вооруженной борьбе против всех, кто защищает принципы и власть буржуазии».

«Римские тезисы», подготовленные Бордигой и Террачини ко 2-му съезду КПИ в 1922г., подтверждают эту концепцию. Эти тезисы стали основой «бордигистского» течения. Они показали, что мировая война открыла новый исторический период, когда «капиталистическое общество распадается на части, а классовая борьба может закончиться только вооруженным конфликтом между рабочими массами и властью различных капиталистических государств». Партия – это синтез программы и воли, инструмент для претворения их в действие. Партия характеризуется органической преемственностью с фракцией, из которой она возникла. Она не может создавать объединения с другими партиями или фракциями, не ставя под угрозу «твердость своих политических позиций и прочность своей структуры». Как единая партия, она должна стать единым руководителем профсоюзов и всех рабочих экономических ассоциаций. Наконец, партия – это не сумма индивидов, а дисциплинированный коллектив. Она должна развивать непрерывную критику других партий и разоблачать их практические действия, когда они отражают опасную и ошибочную тактику.[2]

Но коммунистическая партия была создана слишком поздно. Развитие фашистского движения ограничило возможность ее действий и поставило ее в состояние обороны. Она организовала вооруженные группы, чтобы защищать свои помещения от фашистских нападений, что иногда у нее получалось с успехом. Но чтобы остановить фашистское наступление, КПИ могла рассчитывать только на массовую экономическую борьбу, а она после сентября 1920г. пребывала в упадке. КПИ не могла надеяться на союз с ИСП, т.к.

последняя приняла политику «нейтрализма», подписав «договор о умиротворении» с Муссолини. Ее призывы «вернуться к законности» показывали только бессилие ИСП, которое она скрывала за максималистским языком. Поэтому КПИ вела свою собственную политику, отвергая любой единый фронт «с элементами, чьей целью не является вооруженная революционная борьба пролетариата против существующего государства». Аналогичную политику партия проводила и по отношению к антифашистским коалициям. Чтобы сохранить революционное мировоззрение внутри пролетариата, чтобы сохранить его классовую независимость, партия не могла пойти на союз с «народными смельчаками». Последние, как и ИСП, призывали вернуться к «демократическому строю». Выйдя из фашизма, они предлагали «восстановить внутренний мир». Они заявляли себя патриотами и принимали в свои ряды только бывших фронтовиков и бойцов штурмовых батальонов. КПИ отказалась от сотрудничества с ними не из-за «сектантства» или «пуризма». Как революционная партия, она не могла позволить себе ни малейшей двусмысленности по вопросу о демократии или свернуть пролетариат с пути, ведущего к его цели, которой была не защита «демократического» государства, но его разрушение.

На самом деле, как подчеркивал Бордига, именно демократия поощряла развитие фашистского движения. Правительство, которое ИСП считала недостаточно «сильным», послало декретом от 20 октября 1920г. 60 тысяч демобилизованных офицеров в тренировочные центры, с обязательством вступить в группы «сквадристов». Всегда, когда фашисты сжигали помещения профсоюзов, ИСП и КПИ, армия и жандармерия были на стороне фашистов. И эти вооруженные силы были силами либерального и демократического государства.

На Четвертом Конгрессе Коминтерна Компартия Италии изложила то, что она считала наиболее существенными уроками исторического опыта фашизма.

- Фашизм не был продуктом мелкой буржуазии или обуржуазившихся помещиков. Это был продукт поражения, которое потерпел пролетариат и которое отбросило колеблющиеся мелкобуржуазные слои в сторону фашистской реакции: *«Когда мелкая буржуазия увидела, что ИСП не способна использовать ситуацию, мало – помалу она потеряла веру в возможности пролетариата и повернулась к противоположному классу. Именно в этот момент началось наступление буржуазии. Она использовала в свою пользу новое состояние умов мелкой буржуазии».*
- Фашизм не был «феодальной» реакцией. Он возник раньше всего в больших промышленных городах вроде Милана, где Муссолини основал свою партию в 1919г. Промышленники поддержали фашистское движение, которое представляло себя в качестве «великого объединенного движения господствующего класса, готового на службе ему использовать все средства, все частные и местные интересы различных групп капиталистов – и аграрных, и промышленных».
- Фашизм не был противоположностью демократии. Он был ее необходимым дополнением в момент, когда «государство больше было не способно защищать власть буржуазии». Фашистская партия дала буржуазии «объединенную партию, централизованную контрреволюционную организацию».

В других своих работах Итальянская Коммунистическая Левая показала, какие практические выводы в отношениях с ИСП должны быть извлечены из этого анализа фашизма.

- Именно левое крыло буржуазии, и в первую очередь социал-демократия, открыло дорогу фашизму, усыпив рабочих защитой «демократических свобод» и «демократического государства». Вместе со всей Итальянскойевой, Бордига считал, что Всеобщая Итальянская Конфедерация Труда (ВИКТ) – которая в 1921г. во время стачки металлистов

в Ломбардии, Венеции и Лигурии ограничила борьбу рабочих региональными рамками – была главным фактором в демобилизации рабочих и в сдаче их беззащитными наступлению фашизма. Суммируя свою позицию, Бордига сказал, сославшись на немецкий опыт 1919г., что это «была дорога, ведущая к носкизму».

- Антифашизм был худшим продуктом фашизма, потому что он утверждал, будто союз с либеральными или левыми партиями спасет пролетариат от ударов объединенной буржуазной реакции. Антифашизм поддерживал худшие иллюзии про «демократическую» левую, которая без боя сдала власть Муссолини в 1922г.

Коммунистическая Левая видела выход в пролетарском наступлении против капитализма, наступлении, возникающем из экономической борьбы. Против объединенного наступления буржуазии, итальянский пролетариат должен был дать ответ на своей собственной почве, поднявшись на стачечную борьбу. Вот почему «бордигистское» руководство КПИ, отвергая политический единый фронт, выступало за объединенный профсоюзный фронт с социалистическими и анархистскими профсоюзами. КПИ примкнула к «Трудовому Союзу», созданному по инициативе профсоюза железнодорожников и объединившему в феврале 1922г. все профсоюзы. Однако компартия, столкнувшись с политикой локальных стачек, проводимой Трудовым Союзом, должна была заявить, что последний остается «инертным и пассивным; он не только не начал борьбу, но даже не сказал ясно, что готов сделать это, и не продемонстрировал, что он хочет готовиться к борьбе». На самом деле, во время великой стачки в августе 1922г., которая охватила всю страну, Трудовой Союз приказал рабочим вернуться к работе.^[3]

Несмотря на горький опыт, КПИ, а позднее – ее левое меньшинство, никогда не ставили под вопрос лозунг единого профсоюзного фронта. В этой позиции было очевидно отсутствие логики. Если профсоюзы возглавлялись политическими партиями, они неизбежно проводили политику этих партий. Поэтому трудно было увидеть разницу между политическим единым фронтом и профсоюзным единым фронтом. В отличие от Немецкой Лево́й, Итальянская Левая не отказывалась от работы в профсоюзах, которые она продолжала считать «оппортунистическими» рабочими организациями.

Именно вопрос единого фронта привел к все более резким разногласиям между «бордигистским» руководством КПИ и руководством Коминтерна. На своем Третьем Конгрессе Коминтерн постановил проводить тактику единого фронта во всех странах; он даже участвовал в совещании трех Интернационалов в Берлине, созванном с целью организации единого фронта. На Четвертом Конгрессе Коминтерна делегация КПИ выступила против тактики единого фронта и заявила, что она *«не будет участвовать в работе объединенных органов различных политических организаций...она также будет избегать подписания совместных деклараций с другими политическими партиями, когда эти декларации противоречат программе КПИ и будут представлены пролетариату как результат переговоров, имеющих целью найти общую линию поведения»*.

КПИ также отказалась поддерживать лозунг «рабочего правительства», который был конкретизацией политического единого фронта.

«Говорить о рабочем правительстве, заявляя, что мы не исключаем возможность, что оно может возникнуть из парламентской коалиции, в которой будет участвовать Коммунистическая партия – означает отвергать на практике политическую программу коммунизма, т.е. необходимость готовить массы к борьбе за диктатуру пролетариата».^[4]

[1] А. Леонетти опубликовал сборник работ, в которых содержится дискуссия о Советах между Бордигой и Грамши, "Dibattito sui consigli di fabbrica", 1973. "Programme Communiste" в № 71, 72 и 74 опубликовала работы о этой дискуссии на французском языке, с точки зрения, критической по отношению к Грамши и «грамшизму».

[2] О истории возникновения Итальянской Компартии существует очень ясно написанная работа "G. Galli. Storia del Partito Comunista Italiana", вышедшая в 1958г. Программные тексты КПИ можно найти в "Le Fil du temps", N° 8, oct. 1971.

[3] Теория фашизма, разработанная Итальянской левой, изложена в сборнике работ Бордиги "Communisme et fascisme", ed. Programme communiste, 1970. См. также цикл статей «КПИ перед лицом фашистского наступления» в "Programme Communiste", N° 45 - 50.

[4] См. "Relazione del PCd'I al IV congresso dell'Internazionale Comunista, novembre 1922", ed. Iskra, 1976.

Большевизация» и ответ Коммунистической Левой

Но основное разногласие между руководством КПИ и руководством Коминтерна выкристаллизовалось вокруг проблемы слияния КПИ и левого крыла ИСП, после того, как последнее исключило из своей партии правое крыло Турати. Коминтерн хотел создать в Италии массовую партию по образцу немецкой ОКПП. Он считал, что Серрати и Ладзари были честными революционерами, от которых тенденция Бордиги обособилась в силу своего сектантства. Исполнительный Комитет Коммунистического Интернационала, хотя и утверждал, что реформисты и центристы – это «железный шар, привязанный к ногам партии» и «агенты буржуазии в рабочем классе», приказал КПИ пойти на немедленное слияние с ИСП, чтобы создать объединенную Коммунистическую партию. С этой целью был создан Организационный Комитет, куда от КПИ вошли Бордига и Таска, от ИСП – Серрати и Маффи, а от Исполкома Коминтерна – Зиновьев. Таким образом, Коминтерн поддержал правое крыло КПИ (которое было маленьким меньшинством, на Римском съезде получившем только 4 тысячи голосов против 31 тысячи за левых), в целях «укрощения» бордигистского руководства. Правое крыло состояло из всех старых «ординовистов», кроме Грамши и Тольятти, которые все еще поддерживали большинство партии. Было решено исполнять директивы Зиновьева.[1]

Арест Бордиги, который находился в тюрьме с февраля по октябрь 1923г., привел к тому, что Исполком КПИ возглавили представители правого крыла партии. В это же время Грамши и Тольятти подчинились Исполкому Коминтерна; они взяли под контроль руководящие органы партии, будучи готовы вести решительную борьбу против «бордигистов». Сидя в тюрьме, Бордига написал проект манифеста о разрыве с Коминтерном, однако затем отказался от этой идеи, не желая идти на преждевременный разрыв до того, как выскажет свои позиции внутри итальянской партии и Коминтерна.

Что касается слияния с ИСП, ради чего Исполком Коминтерна хотел устранить бордигистское руководство, то оно не состоялось. ИСП отказалась принять условия объединения и исключила группу Серрати и Маффи, существовавшую вокруг журнала «Красные страницы». Эта группа – «третьеинтернационалисты» или «терцини» – вошла в конце концов в Компартию Италии, приведя с собой 2 тысячи членов ИСП, которая в результате репрессий, но прежде всего в результате деморализации насчитывала только 20 тысяч членов.

Зиновьевская большевизация не смогла устранить от руководства КПИ бордигистскую непримиримую тенденцию, которую поддерживало большинство партии. ИККИ попытался нейтрализовать ее неоспоримого лидера, предложив Бордиге вернуться в Исполком КПИ. Бордига отказался ввиду существовавших разногласий. Он также отказался от предложенного ему поста депутата – на подобное предложение, которое являлось оскорблением для убежденного бойкотиста, он ответил коротко и резко: «Я никогда не стану депутатом, и чем меньше вы будете строить касающиеся меня планы, не спрашивая меня, тем меньше потеряете времени» (письмо Бордиги Тольятти от 2 февраля 1924г.).

В мае 1924г. в Комо прошла подпольная конференция КПИ. Она означала убедительную победу левых. 35 секретарей партоорганизаций из 45, 4 межрегиональных секретаря из 5 одобрили тезисы, предложенные Бордигой, Гриеко, Репосси и Фортикьяри. Эти тезисы

говорили, что партия была создана в неблагоприятный период, однако фашизм, «разгромив пролетариат, ликвидировал политические методы и иллюзии старого пацифистского социализма», поставив альтернативу «диктатура пролетариата или диктатура буржуазии». В частности, эти тезисы критиковали Коммунистический Интернационал за навязывание КПИ слияния с ИСП и двусмысленность по вопросу о характере итальянского максимализма (т.е. тенденции Серрати). В политической области, ведя решительную борьбу против фашизма, партия должна также осуществлять «решительную критику так называемых антифашистских буржуазных партий, а равным образом социал-демократических партий, избегая любых блоков или союзов». Но прежде всего левое крыло КПИ обрушило решительную критику на «большевизацию», которая навязывала бюрократически-централистский способ функционирования партии. Выходивший в Неаполе орган левого крыла «Прометей» показал, что на протяжении всей истории рабочего движения «революционная организация характеризовалась разрывом с дисциплиной и иерархической централизацией предыдущей организации». Партия основывалась на добровольном членстве, дисциплина могла быть только результатом, а не предпосылкой ее здорового функционирования. Иначе эта дисциплина превращалась в «банальное правило механического подчинения».

Но, парадоксально, на Пятом Конгрессе Коминтерна Бордига выступил как наиболее решительный сторонник применения дисциплины, хотя и не отказывался от своей предшествующей критики. «Мы хотим подлинной централизации, настоящей дисциплины», - объяснял он, чтобы показать, что не собирается, как ему приписывали, организовывать левую фракцию в Коминтерне. Его отказ от предложения Зиновьева стать вице-председателем Коминтерна может показаться непоследовательным. Однако подобное предложение не было невинным: оно являлось ничем иным, как попыткой подкупить основателя итальянской партии. Однако Бордига не был Тольятти.

После этого началась открытая война между «бордигистской» тенденцией и русским руководством Коминтерна. 1925 год был решающим.

1925 год был годом «большевизации» коммунистических партий. Это также был год, когда развернулась активная борьба РКП(б) и Коминтерна против троцкистской левой оппозиции: в январе Троцкий должен был уйти в отставку с поста Народного комиссара по военным и морским делам. Это был также год, когда прежнее левое руководство Рут Фишер и Аркадия Маслова начало вытесняться из Компартии Германии, а Карл Корш приступил к организации своей фракции. Все это было началом решительной борьбы Коминтерна против левых тенденций, к выгоде центристского руководства, подчиненного Сталину.

Больше вследствие необходимости ответа на подобную политику, чем по своей собственной инициативе, Итальянская Левая была вынуждена организовываться в тенденцию и вести борьбу против Грамши - Тольятти и русского руководства.

В марте - апреле 1925г. Расширенный пленум ИККИ поставил устранение «бордигистской» тенденции в повестку дня Третьего съезда КПИ. Он запретил публикацию статьи Бордига, благоприятной Троцкому («Вопрос Троцкого»). Большевизация итальянской секции Коминтерна началась со снятия Фортикьяри с занимаемого им поста секретаря миланской парторганизации. В апреле левое крыло КПИ в лице Дамена, Репосси и Фортикьяри создало «Согласительный комитет» в целях координации своих действий.[2]

Грамшистское руководство КПИ решительно атаковало этот комитет, разоблачая его как «организованную фракцию». На самом деле, левое крыло КПИ все еще не хотело организовываться во фракцию, оно не желало дать Грамши и Тольятти предлог для своего исключения из партии, в которой оно все еще составляло большинство. Бордига сначала отказался присоединиться к Комитету, т.к. не хотел нарушать даже навязанную дисциплину. Только в июне он примкнул к Дамену, Репосси и Фортикьяри. Он взял на себя задачу написания «платформы» левых, которая стала первой систематической критикой «большевизации». Он осудил политику «маневров и мелких выгод», которая пыталась создать массовую партию на искусственной основе, т.к. «отношения между партией и массами зависят от объективных условий ситуации». Он осудил систему производственных ячеек как «отрицание централизации Коммунистической партии». В статье, опубликованной в тот же день, что и платформа, Бордига подчеркнул, что функцией этих ячеек было задушить внутреннюю жизнь партии и «заключить рабочих в узкие границы предприятия». Во имя борьбы против «интеллигентов», власть партийных функционеров была усилена. Представляет интерес подробно рассмотреть аргументы левых, критикующие большевизацию:

- Замена территориальных ячеек производственными означает упразднение органической жизни революционной партии, которая должна быть «органическим коллективом с единым руководством». Подобная замена являлась отрицанием централизации и бюрократическим триумфом федерализма, при котором партия будет разбита на обособленные ячейки.
- Большевизация способствовала партикуляризму и федерализму. Партия становилась суммой рабочих – одиночек, привязанных к их профессиональной ячейке. Следствием этого неизбежно будут корпоратизм и рабочизм, ломающие органическое единство партийного коллектива, который должен выходить за пределы всех профессиональных категорий.
- Вместо ограничения роли «интеллигентов» в партии, система производственных ячеек будет иметь противоположный эффект: *«Рабочий в производственной ячейке неизбежно будет иметь тенденцию обсуждать только экономические вопросы, интересующие рабочих данного предприятия. Интеллигент будет продолжать вмешиваться в эти дискуссии, но уже не благодаря убедительности своего красноречия, а благодаря монополии на решение возникающих вопросов, предоставленной ему партийным центром»*. Более того, «пролетаризация» партийного руководства, заявленная как цель большевизации, столь мало существовала на самом деле, что новое руководство КПИ, в отличие от старого, не имело ни одного рабочего в своем Исполкоме.
- Наличие руководителей – выходцев из рабочего класса не было гарантией пролетарского характера партии, потому что «лидеры из рабочего класса показали себя по меньшей мере столь же способными к оппортунизму и измене, как и интеллигенты, и, в общем, они более податливы к буржуазным влияниям».

Под угрозой исключения из партии, «Согласительный комитет» должен был самораспуститься, подчиняясь дисциплине. Это было началом конца Итальянской Левой как большинства в партии. В результате кампании рекрутирования, начатой грамшистским руководством, численность партии выросла с 12 до 30 тысяч. Новые члены были в основном молодыми рабочими и крестьянами, впервые вошедшими в политическую жизнь; как признавал Тольятти, «уровень их политических способностей и зрелости был скорее низким». Именно в этой радикально преобразованной партии, [3] Лионский съезд смог окончательно снять сторонников Бордига с руководящих постов; на этом съезде левые получили только 9,»% голосов. Но, чтобы помешать левой тенденции создать фракцию или даже новую партию, Грамши ввел 3 членов Итальянской Левой в ЦК КПИ.

Известные «Лионские тезисы» были написаны именно в связи с Лионским съездом КПИ. Они будут направлять политику Итальянской Лево́й в эмиграции.

Эти тезисы прежде всего осуждали политику Грамши, которая разоблачалась как псевдомарксистская смесь Кроче и Бергсона. Они критиковали предлагавшийся Грамши союз с антифашистскими партиями во время убийства Маттеоти и лозунг «федеративной рабочей республики» как отказ от марксизма.

Далее, тезисы давали в концентрированной форме «бордигистскую» концепцию партии. Чтобы вести классовую борьбу к окончательной победе пролетариата, партия должна действовать на 3-х уровнях:

- Теория. Марксизм обогащает себя, будучи применяем к сложным ситуациям. Он не может быть сведен к «неизменному и фиксированному катехизису», являясь «живым инструментом для постижения законов исторического развития и следования этим законам».
- Организация. Партия создается не по доброй воле маленькой группы людей, но в ответ на объективно благоприятную ситуацию. «Революция – это не вопрос организации», и партия является одновременно «фактором и продуктом исторического развития». Тезисы отвергали поэтому волонтаризм и фатализм.
- Действие. Партия участвует в классовой борьбе как партия, независимая от всех прочих партий.

Далее «бордигистская» платформа отвергала ту разновидность дисциплины, которая заменяла добровольное подчинение военным законом покорности авторитету. Она подчеркивала опасность вырождения партий Интернационала в результате «большевизации». Перед лицом этой опасности, «тезисы» не предполагали образование фракции, так как реальная угроза проявлялась «в форме искусного проникновения, прикрывающегося демагогической и объединительной фразой» и «действовала сверху, чтобы подавить инициативу революционного авангарда».

Какие исторические перспективы возникали из этой дегенерации? Они были мрачными по двум причинам:

- Стабилизация капитализма. Хотя тезисы признавали, что «кризис капитализма все еще продолжается», на их взгляд, «частичная стабилизация» вела к «ослаблению революционного рабочего движения практически во всех экономически развитых странах».
- Опасность контрреволюции в России. От революционной политики России и Коминтерна зависят субъективные условия будущей революции. Однако России угрожает капитализм изнутри, из ее экономики, где буржуазные элементы (государственный капитализм) сосуществуют с социалистическими. Перед угрозой подобной эволюции, которая приведет к «потере ее пролетарского характера», русская революция может быть спасена «только всеми коммунистическими партиями и всем Интернационалом».

Именно с этой целью Бордига принял участие, в последний раз, в работе Шестого Расширенного пленума Исполнительного Комитета Коммунистического Интернационала (февраль – март 1926г.).^[4] Для него это предоставило возможность провести долгую беседу с Троцким и заверить его в полной солидарности Итальянской Лево́й в борьбе против теории о «социализме в одной стране». В нескольких чрезвычайно твердых выступлениях на пленуме Бордига предпринял атаку на Сталина. Он смело защищал необходимость «сопротивления слева против опасности справа», причем «международном масштабе». Он

не предлагал создание фракций, но и не исключал такую возможность. Бордига напомнил, что «история фракций – это история Ленина» и что фракции – не болезнь, а симптом болезни. Они были реакцией «защиты против оппортунистических влияний».

Это был последний бой Бордига и Итальянскойлевой внутри Коминтерна. После этого Итальянская Левая организовывается постепенно во фракцию Коммунистической партии Италии. После своего исключения из партии и в результате распыления по нескольким странам под ударами фашистской реакции, она оказалась одинокой и изолированной в своей борьбе за исправление политики Интернационала. Без контактов с Троцким, который шел своим собственным путем, без поддержки левых фракций Интернационала, лишенная возможности ведения пропаганды в Коминтерне и внутри партии в Италии, она обнаружила себя в положении очень ограниченного оппозиционного меньшинства.

[1] Резолюцию об Италии можно найти в “Les quatre premiers congrès de l’Internationale communiste”, reprint, ed. François Maspéro, (1971, Paris).

[2] Кажется, что Дамен и прежде всего Репосси выступали, в отличие от Бордига за немедленное создание левой фракции: «... левые элементы должны не занимать посты, но организоваться во фракцию, чтобы вести работу среди масс и вернуть КПИ к здоровой деятельности» (Письмо Репосси товарищам, цитировано в работе “D. Montaldi. Korsch e i comunisti italiani”, 1975).

[3] P. Togliatti. La formazione del gruppo dirigente del PCI, 1962. Эту работу полезно сравнить со статьей “S. Merli. Le origini della direzione centrista del PCd’I” в “Revista storia del socialismo”, 1964, а также с исследованием этого же автора “Il PCI. 1921 – 1926. Annali Feltrinelli, 1960”.

[4] Выступление Бордига на Шестом Расширенном пленуме Исполкома Коминтерна можно прочитать на французском языке в “Programme Communiste”, N° 69 – 70, май 1976.

Отношения с Карлом Коршем

Первым вопросом, возникшим перед Итальянской Левой, было установление контактов с Немецкой левой оппозицией, которая в это время вела работу по объединению международных левых оппозиций. Эти контакты начались уже в 1923г., когда члены тенденции Бордига, находившиеся в Германии, пребывали в непосредственном контакте с левым крылом КПГ. Некоторые из них, например, Паппаларди (см. 2-ю главу), даже вышли из КПИ и сформировали первую организованную оппозицию в итальянской эмиграции.

Но наиболее тесные связи существовали с Карлом Коршем, которого Бордига знал со времен Пятого Конгресса Коминтерна. Исключенный из КПГ 1 мая 1926г. из-за своей оппозиции внешней политике русского государства, которую он называл «красным империализмом», Корш основал оппозицию из нескольких тысяч человек, «Непримиримую Левую» (“Die Entschiedene Linke”), которая издавала журнал «Коммунистическая политика». В тезисах этой группы Корш характеризовал русскую революцию как буржуазную, причем, на его взгляд, ее природа становилась все более ясной «с откатом мировой революции». Его группа, в отличие от Итальянской Левой, «отказалась от всех надежд на революционное отвоевание Коминтерна».^[1]

Организационные цели группы не были ясны, «Коммунистическая политика» не считала себя партией или фракцией, ее членами могли быть беспартийные или члены КРПГ. Тем не менее, она утверждала, что «в современной ситуации, историческая задача всех марксистов состоит в создании заново подлинно революционной классовой партии на национальном и интернациональном уровне, в создании нового коммунистического Интернационала». Но она подчеркивала, что «в настоящий момент невозможно осуществить эту задачу». Без существования подлинно коммунистических партий, группа не видела иного выхода, кроме как призыв к новому Циммервальду:

«Формула, которую мы приняли для нашей политической и тактической линии в настоящее время, это создание Циммервальда и Циммервальдской Левой. Под этим мы понимаем, что в период краха Третьего Интернационала мы должны проводить ту же тактику, которую проводил Ленин в период краха Второго Интернационала» (Письмо Корша итальянской оппозиционной группе в эмиграции от 27 августа 1926г., цитировано в работе Монгальди «Корш и итальянские коммунисты»).

Подобное предложение было сделано Итальянской Левой. Бордиге, который проживал тогда в Неаполе, было направлено письменное приглашение на интернациональную конференцию левых оппозиций, проводимую в Германии. «Коммунистическая политика», ознакомившись с протоколами Шестого расширенного пленума ИККИ, напечатанными на немецком языке в Гамбурге, верила в быстрое установление общности идей и действий двух левых оппозиций.

Ответом Бордиги и Итальянской Левой – поскольку Бордига в то время поддерживал постоянный контакт с последней – был недвусмысленный отказ. Этот отказ был следствием политических расхождений, а не сектантской замкнутости.

Основные расхождения вращались вокруг природы русской революции и перспектив работы коммунистических левых оппозиций:

- Природа Советской России. Она определялась как пролетарская, несмотря на то, что существовала реальная угроза контрреволюции: *«Ваш способ выражения, - писал Бордига Коршу, - кажется мне неправильным. Нельзя говорить, что русская революция была буржуазной революцией. Революция 1917г. была пролетарской революцией, хотя было бы ошибкой возводить во всеобщие ее «тактические» уроки. Проблема поставлена сейчас таким образом: что будет с диктатурой пролетариата в одной стране, если революция не произойдет в других странах? Может быть, контрреволюция; может быть, процесс перерождения, симптомы и проявления которого внутри Коммунистической партии нужно раскрыть и определить. Нельзя просто говорить, что Россия – это страна, где развивается капитализм».*
- Отказ от раскола. *«Мы не должны быть сторонниками раскола партий и Интернационала. Мы должны позволить эксперименту искусственной и механической дисциплины дойти до своих пределов, подчиняясь этой дисциплине во всех ее процедурных абсурдах, пока это будет возможно; никогда не отказываясь от нашей политической и идеологической критики и никогда не подчиняясь господствующей ориентации».*
- Отказ от оппозиционных блоков. *«Я считаю, что одним из недостатков Интернационала являлось то, что он был блоком локальных и национальных оппозиций».*
- Критическая оценка прошлого. *«В общем, я думаю, что приоритет должен быть сейчас не за организационными маневрами, а за выработкой политической идеологии международной левой оппозиции, основанной на красноречивом опыте Коминтерна. Пока это не будет сделано, всякая международная инициатива трудна».*

Исходя из всего этого, Бордига отверг подписание совместной декларации, т.к. не думал, что оно будет возможно на практике. [2]

Весь дух Итальянской Левого отражен в этом письме Бордига Коршу. Прежде всего, здесь проявилась верность русской революции и Коммунистическому Интернационалу, который Итальянская Левая помогала создавать. В этом заключалось ее фундаментальное различие с другими левыми оппозициями – различие подхода и метода. Итальянская Левая никогда не покидала поле боя до последней возможности. В теоретической борьбе она стремилась извлечь все возможные уроки из поражения. Это был подход, аналогичный подходу Розы Люксембург, для которой поражения были богаты уроками для будущих побед. Это была прежде всего политическая борьба в ее концепции революционной организации, определяющей себя через ясность цели, принципов и тактики, связанных в единое целое теорией.

В отличие от групп, преждевременно провозглашавших создание новых партий и нового Интернационала, Итальянская Левая всегда отталкивалась от метода. Пока Коммунистический Интернационал еще не умер и подавал признаки жизни, она была предана ему, как часть предана телу. Ее концепция была унитарной: раскол был злом, которого нужно было стараться избегать, чтобы не рассеивать силы, стремящиеся к международной централизованной организации. Только когда смерть Интернационала стала очевидной, можно было создавать автономную организацию. Основание фракции старой партии, сохраняющей ее революционную программу, было предварительным условием создания новой партии, которая могла быть провозглашена только в период революционного подъема. Создание Интернационала подчинялось тем же законам: только реальное существование революционных партий в нескольких странах создавало условия для Интернационала.

Такой органический взгляд на партию сохранялся до Второй мировой войны. Как орган Интернационала и партии, Итальянская Левая хотела развиваться соответственно естественным законам этого органа, не делая преждевременных расколов и не подгоняя свободное органическое развитие.

К 1926г. Итальянская Левая фактически завершила разработку своих основных фундаментальных принципов. Она отвергала:

- Единый фронт и лозунг «рабоче – крестьянского правительства».
- Антифашизм и любую политику, уходящую с поля классовой борьбы
- Социализм в одной стране.
- Защиту демократии.

Другие теоретические вопросы, такие, как русский вопрос и формирование фракций, еще не были по-настоящему развиты. Это Итальянской Левого предстояло сделать в эмиграции.

Можно задать вопрос, почему тенденция Бордиги потерпела поражение внутри итальянской компартии. Это на самом деле остается необъяснимым, если мы забудем, что итальянская партия была секцией Коммунистического Интернационала. Не рядовые члены партии устранили от руководства Бордигу, но это сделал Коминтерн, при посредстве Грамши и Тольятти и используя свой иерархический авторитет. Преобладающее влияние РКП(б) в Коминтерне, который сам стал инструментом русского государства, привело к изгнанию всех левых оппозиций. В этих условиях сопротивление было очень ограниченным. Не только революционная волна откатывалась назад, но и престиж Коминтерна, несмотря на его перерождение, оставался огромен, и парализовал волю оппозиции.

Все эти причины объясняют, почему поражение было неизбежным, несмотря на все симпатии, которыми «бордигистское» руководство пользовалось в партии. Возможно, его колебания, сопротивляться или нет, его полумеханическое подчинение дисциплине и отказ организовать фракцию ускорили поражение. Но если мы можем объяснить прошлое, мы не можем переделать историю по принципу «что было бы, если бы...».

[1] D. Montaldi, op.cit. Непримиримая Левая, которая объединяла наиболее непримиримых левых противников Сталина, была на самом деле создана 2 апреля 1926г. на конференции в Берлине, принявшей «платформу левых». Она выступала против раскола в КПГ и Коминтерне. Вследствие своей крайней разнородности Непримиримая Левая раскололась скоро на несколько частей:

а). Группа во главе с Иваном Кацем, сильная в Нижней Саксонии, отделилась от группы Корша 16 мая 1926г.; вместе с Всеобщим Рабочим Союзом – Единство Ф. Пфемферта она создала 28 июня «Спартакровский Союз левокоммунистических организаций», издававший газету «Спартак». «Союз Спартака №2» исчез весной 1927г.

б). Группа во главе со Шварцем, коммунистическим депутатом рейхстага, основавшим Непримиримую Левую вместе с Коршем, отделилась от последнего 28 сентября. Она стала издавать газету «Непримиримая Левая», взявшую изначальное название организации. Непримиримая Левая объединилась с КРПГ в июне 1927г.; это привело к тяжелому кризису в партии, так как Шварц отказался уйти из парламента.

с). Группа во главе с Коршем, которая после сентябрьского раскола стала называться Коммунистическая политика, по имени журнала, которая она издавала с 1926г. Враждебная к КРПГ, она выступала за «коммунистическую профсоюзную политику». Она выступала за создание «независимых коммунистических партий» и независимого от Коминтерна Интернационала. Будучи пропагандистской группой, члены которой могли

одновременно входить в рабочие партии, основанные на классовых позициях (в КРПГ, например), в рабочие союзы или в революционно – синдикалистские организации, «Коммунистическая политика» фактически исчезла в декабре 1927г.

[2] См. “Programme communiste”, N° 68, декабрь 1975.

Эволюция Бордига после 1926г.

В конце 1926г. после обыска, которому его дом был подвергнут фашистами, Бордига был арестован и осужден к 3 годам заключения, которое отбывал сперва в Устике, а затем в Понце. В тюрьме вместе с Грамши он организовал партийную школу, в которой руководил научной секцией. Скоро среди заключенных возникли разногласия. Когда 38 из них, включая Бордигу, против 102 других, заявили протест против антитроцкистской компании, руководство КПИ в Париже решило исключить основателя партии. Это произошло в марте 1930г., после донесения сталинистского ударника Джузеппе Берти.

В то время, как Итальянская Левая, в итальянских тюрьмах и в эмиграции, продолжала борьбу, Бордига постепенно отходил от политической жизни, всецело уйдя в свою профессиональную работу инженера – архитектора.

Многие были удивлены его молчанием и объясняли последнее постоянным надзором фашистской полиции: за Бордигой повсюду следовали два полицейских агента.

В 1930-е годы Троцкий спросил Альфонсо Леонетти, ставшего троцкистом и хорошо знавшего Бордигу с тех пор, как еще в 1924г. входил в редколлегию «Прометей»: «Почему Бордига ничего не делает?». Леонетти ответил: «Бордига думает, что все прогнило. Мы должны ждать новую ситуацию, чтобы начать все заново». (Письмо Леонетти Франко Ливорси за 1 апреля 1974г.).

Это свидетельство подтверждается донесением полиции от 26 мая 1934г. (ACS, CPC 747), где говорится о разговоре Бордига с его шурином. Бордига сказал: «Необходимо отойти в сторону и ждать... Ждать не это поколение, но будущее поколение». Бордига был измучен и разочарован жизнью политического борца, как можно видеть, в частности, из его разговора 3 июля 1936г. (ACS 19496, Division degli affari generali e riservati): «Я счастлив жить вне жалких и незначительных событий политического активизма... его повседневные события не интересуют меня. Я сохраняю свою веру. Я счастлив в своей изоляции».

Несмотря на все усилия активистов Итальянскойлевой связаться с ним, Бордига отвергал всякие контакты, ограничиваясь чисто неформальными связями при посредничестве старых активистов Итальянскойлевой, таких, как Индорико Тарисиа или Антонио Натанджелло. Последнего в 1939г. Бордига попросил передать свою солидарность товарищам в Милане вместе с советом оставаться верными себе, без уклонов и колебаний, и быть готовыми к любому повороту событий (ACS, папка Бордига, Центральный политический архив).

Как можно видеть, разделяя идею о контрреволюционном характере исторического периода, Бордига и его товарищи в изгнании пришли к противоположным выводам: Бордига – к мысли о невозможности организованной работы в этот период, его товарищи – о абсолютной необходимости такой работы в качестве левой фракции, отделившейся от старой партии. Эта разница имела огромное влияние – учитывая большой авторитет Бордига – на ориентацию, взятую интернационалистским движением в Италии после Второй Мировой войны. Кажется, Бордига ожидал, что война кончится новым революционным подъемом: «Если Гитлер заставляет отступать отвратительную власть Англии и Америки, делая мировое капиталистическое равновесие более неустойчивым,

тогда да здравствует палач Гитлер, который вопреки своей воле создает условия для всемирной пролетарской революции». И Бордига добавил: «Все войны заканчивались революциями. После поражения придет революция» (26 мая 1936года, там же).

Убежденный, что революция произойдет в результате войны, Бордига возобновил свою политическую деятельность в 1944г., во Фракции итальянских коммунистов и социалистов (см. ниже). До этого он отверг все предложения сотрудничества, сделанные ему сперва Бомбаччи – который основал «левый» профашистский журнал, а затем американцами.^[1]

С 1926 по 1945 годы Итальянская Левая должна была идти своим путем, без человека, который являлся ее лучшим выразителем.

Ведя свою деятельность в нескольких странах, Итальянская Левая не была ни «итальянской», ни «бордигистской». Возникнув в Италии, она приобрела международный характер. Кристаллизовавшись благодаря теоретической и политической работе Бордиги, она стала анонимной. Такое преобразование произошло в полном соответствии с «Римскими тезисами», которые определяли организацию как единый коллектив.

Итальянская Левая в эмиграции всегда отвергала навешиваемый на нее ярлык «бордигизма», потому что он способствовал культуре «великих людей» и не соответствовал действительности, по крайней мере до конца войны... Теоретическая и политическая эволюция Итальянской Левая, обусловленная ее опытом, выходила за пределы работы, проделанной Бордигой, и развивала эту работу на новую ступень, поэтому обостренная реакция Итальянской Левая в 1933г. полностью понятна:

«Несколько раз, внутри итальянской партии, в присутствии товарища Бордиги, а также внутри Интернационала и левой оппозиции, мы утверждали, что не существует ни «бордигизма», ни других «измов», которые стали подлинными спектаклями, после того, как внутри коммунистической партии воцарилась биржа путаницы и политической глупости. Единственный раз, когда наши товарищи употребили слово «бордигизм» – так это в нашей платформе на французском языке. По этому вопросу мы объяснялись много раз. Мы говорили, что этот термин был ошибкой, хотя он был употреблен только для того, чтобы среди многочисленных оппозиционных групп французской партии уточнить традиции политического течения, которое издало платформу.

«Бордигизм», как сведение нашего политического течения к личности Бордиги, является наиболее грубым извращением мнения самого товарища Бордиги, который, вслед за Марксом, разрушил понятие личности как таковой, и показал, что только коллектив и социальные организмы придают значение самой личности» («Итог», №2, «Не «бордигизм»»).

Если в нашем исследовании мы используем в разных местах термин «бордигизм» или говорим о «бордигистском течении», то делаем это не из злого умысла. Это скорее вопрос удобства, а не концепции, будто Итальянская Левая относилась к Бордиге как к фетишу. Однако для послевоенного периода, когда бывшие члены Итальянской Фракции, из энтузиазма и иногда без всякого критического духа присоединялись к «партии Бордиги» или устраивали раскол «во имя Бордиги», использование термина «бордигизм» – иногда как ругательного – в определенной степени оправдано.

[1] Во время войны, в мае – июне 1944г., пронемецкий оратор Эррио, а равным образом, некоторые газеты, утверждали, будто Бордига поддерживал наступление «Красной Армии» в Европе как победу «пролетарской революции». Это заявление, смутившее членов Итальянской Фракции в Бельгии и Италии, не является правдоподобным. Нужно помнить атмосферу того времени – господство слухов и самых невероятных фальсификаций информации. На этот счет, однако, Интернационалистская коммунистическая партия никогда не издала официального опровержения (о политических позициях Бордига см. последнюю главу).

Коммюнике Итальянской Фракции в Марселе можно найти в ее «Дискуссионном Бюллетене» №7 (июль 1944г.). В нем говорилось «Мы не думаем, что товарищ, имеющий такие идеологические способности, как Бордига, может придерживаться позиции, которая при всей ее по видимости радикальной фразеологии, может являться только позицией интернационального капитализма и его союзника, «социализма в одной стране», позволившего капитализму бросить пролетариат в империалистическую войну. Современные условия не позволяют нам узнать правду быстро и точно».

Глава 2. От «Коммунистического пробуждения» к «Рабочему Коммунисту»

Итальянская Коммунистическая Левая не осталась равнодушна к существованию других левых течений в Коммунистическом Интернационале в 1920-е годы. Считая себя органической частью Интернационала, она была знакома с тезисами, отстаивавшимися КРПГ и ее теоретиками Гортером и Паннекуком. В «Иль Совет» публиковались фундаментальные тезисы Германской Лево́й. Было естественным существование определенного схождения позиций двух левых течений против атак Коммунистического Интернационала на «экстремизм», определявшийся Лениным как «детская болезнь». В вопросах бойкотизма, отрицания Единого фронта с социал-демократией (тактику которого Коминтерн принял на своем Третьем Конгрессе), в общем отказе от слияния с немецкими «независимыми» и итальянскими «максималистами» заключалось очевидное схождение позиций Германской и Итальянской Лево́й.

Однако это схождение было весьма относительным и длилось недолго. После Второго Конгресса Коминтерна (1920г.) Бордига – убедившийся, что Интернационал поддерживает создание Компартии Италии путем раскола с реформистами и максималистами, и глубоко преданный новой всемирной партии революции – отложил в сторону свою оппозицию по вопросу о выборах. Он выдвинул идею, что расхождение с тезисами Ленина и Бухарина об участии в выборах – дело тактики, а не принципов.

Для Бордиги, который, несмотря ни на что, оставался бойкотистом, первоочередной задачей было создание подлинной Коммунистической партии, входящей в Интернационал. Во время итальянских выборов 1921г. новая партия применила тактику Коммунистического Интернационала и выдвинула своих кандидатов:

«По очевидным причинам необходимости интернациональной дисциплины в тактике, Компартия Италии должна участвовать и будет участвовать в выборах. Как бойкотисты, мы должны также дать пример дисциплины без увеливаний или колебаний. У КПИ поэтому нет причин для дискуссий, будет ли она участвовать в выборах. Она должна участвовать».

В действительности, Итальянская Левая отказалась от бойкотизма, на основе которого она образовалась в 1918г. «Как марксист, я прежде всего централист, и только во вторую очередь бойкотист», - писал Бордига в «Коммунисте» 14 апреля 1921г.

Через несколько лет Бордига станет одним из наиболее энергичных сторонников электоралистской «тактики» и дойдет до того, что станет критиковать растущую тенденцию итальянских рабочих не ходить на выборы:

«У каждого коммуниста есть только один долг: бороться с тенденцией к неучастию в выборах, которая проявляется у многих рабочих как ошибочный вывод из враждебности к фашизму. Действуя таким образом, мы можем осуществить превосходную пропаганду и внесем вклад в создание решительного революционного сознания, которое хорошо послужит нам, когда придет подходящий момент – момент, вызванный фактами, а не только нашим желанием бойкотировать буржуазный парламент с целью совершенно его разрушить» (А. Бордига в «Рабочее государство», 28 февраля 1924г.).

Таким образом, Итальянская Левая дистанцировалась от интернациональной оппозиции парламентаризму, которая проявилась в Коммунистических рабочих партиях Германии, Голландии, Болгарии, Англии (последнюю возглавляла Сильвия Панкхерст), в возглавляемой ван Оверстратеном Компартии Бельгии, в Австрии и Польше. Поэтому для Итальянской Левой не мог встать вопрос создания оппозиции, а тем более фракции в Коминтерне из-за данной проблемы, и она держалась в стороне от «Амстердамского бюро», созданного в 1920г. в Западной Европе и находившегося под влиянием идей КРПГ и Панкхерст. Точно так же она дистанцировалась от «Венского бюро», группировавшегося вокруг журнала «Коммунизм» и находившегося под влиянием идей Лукача.^[1]

^[1] Об истории КРПГ см.: Hans Manfred Bock. Syndikalismus und Linkskommunismus (1918 – 1921). Meisenheim am Glan, Hain, 1969; Fritz Kool. Die Linke gegen die Parteiherrschaft, Freiburg, 1970; D. Autier et J. Barrot (Gilles Dauvé). La Gauche communiste en Allemagne, Payot, Paris, 1976.

Бордига и КРПГ до 1926г.

Фракция Бордига с 1920г. относилась к КРПГ с крайними недоверием и сдержанностью. Она видела в бойкотизме КРПГ синдикалистский, анархистский уклон, аналогичный испанской НКТ и американским ИРМ:

«Мы разделяем мнение лучших марксистских товарищей из КППГ, считающих бойкотизм КРПГ смешанной мелкобуржуазной тенденцией, подобной прочим синдикалистским тенденциям; тенденцией, возникновение которой является результатом потери революционной энергии немецким пролетариатом после красной недели в Берлине и Мюнхенских дней [речь идет о жестоко подавленных буржуазией выступлениях берлинского пролетариата в январе 1919г. и Баварской советской республике в апреле 1919г. – Прим. пер.]. Результатом этих поражений явился бойкотизм синдикалистского типа, т.е. отрицание полезности политического действия пролетариата и партийной борьбы, которые, по пристрастию и привычке, смешиваются с предвыборной деятельностью» («Иль Совет», №11, 11 апреля 1920г., статья «Германская Коммунистическая партия»).

Занятый борьбой с туринской группой «Ордине нуово», которая пропагандировала создание фабзавкомов и отводила партии второстепенное место, Бордига был склонен смешивать КРПГ с группой Грамши. В действительности, Германская Левая призывала к созданию фабрично-заводских комитетов («производственные советы») и «союзов» («Всеобщий рабочий союз»), что могло создавать видимость того, будто она концентрирует свою работу только в экономической сфере. Но в противоположность Грамши, она решительно боролась против профсоюзов, разоблачала их контрреволюционную сущность и призывала к их разрушению с целью создания рабочих Советов. Вследствие этого, может казаться, что она недооценивала или отрицала необходимость политической партии в пользу «идеи Советов». Но на самом деле было не так: КРПГ определяла себя как централизованную и дисциплинированную партию:

«Пролетариату необходима высокоорганизованная партия – ядро. Каждый коммунист индивидуально должен быть безупречным коммунистом – такова наша цель – и должен быть лидером на своем рабочем месте... Его действия должны соответствовать принятым всеми коммунистами решениям. И здесь должна царить строжайшая дисциплина. Отдельный коммунист не может ничего изменить – иначе он будет подвергнут санкциям или исключен» (Из выступления представителя КРПГ Яна Аппеля (Хемпеля) на Третьем Конгрессе Коминтерна).

В чем на самом деле заключалась разница двух левых течений Коммунистического Интернационала, так это в том, что одно отстаивало

диктатуру партии, а другое – диктатуру Советов. Одно хотело привести пролетарские массы к победе путем развития партии, другое работало над тем, чтобы массы руководили собою сами, освободившись от всех видов «господства вождей». Против партии большевистского типа, которую Бордига хотел создать в Италии, КРПГ выдвинуло идею партии, "которая уже не будет партией в традиционном смысле слова. Она не будет партией вождей. Ее главная работа будет состоять в том, чтобы помочь – насколько позволит ее сила – немецкому пролетариату пойти по дороге, которая приведет его к освобождению от любого господства вождей» (Декларация Учредительного съезда КРПГ, Берлин, 4-5 апреля 1920г.).

Вот почему Бордига, очень внимательно следивший за ситуацией в Германии и эволюцией немецкого коммунизма после его раскола на КПП и КРПГ на съезде в Гейдельберге в октябре 1919г., мог только с недоверием относиться к партии, которая, казалось, работала только над тем, чтобы самораствориться в пламени революции:

«Политическая партия, говорит оппозиция [в КПП], не имеет преобладающего значения в революционной борьбе. Эта последняя должна развиваться в экономической области без централизованного руководства... [Эта тенденция] отвергает политическое действие и действие партии вообще, другими словами, она отвергает политическую партию как главный инструмент революционной борьбы и диктатуры пролетариата» (Бордига. «Тенденции внутри Третьего Интернационала» в «Иль Совет», №15, 23 мая 1920г.).

Таким образом, Итальянская Левая не видела разницы между КРПГ и анархистами и синдикалистами ИРМовского типа. Она считала теорию КРПГ «анархистской критикой, приводящей к обычному страху перед вождями». Плохо информированная, она верила, что национал-большевистская линия Вольфгайма и Лауфенберга содержалась в зародыше в концепции КРПГ и была «результатом мелкобуржуазного уклонения от марксизма» («Иль Совет», №15). Она смешивала КРПГ со Всеобщим рабочим союзом Германии – Единство, возглавлявшемся Отто Рюле, для которого «революция не была делом партии» и который отрицал, что вообще может существовать пролетарская партия – партия может быть только буржуазной и только врагом рабочего класса.

Тем не менее, Бордига установил контакт с КРПГ и исправил свое первоначальное суждение, которое основывалось прежде всего на аргументах КПП, бюрократическим способом исключившей свое левое крыло:

«Партийное руководство стояло одновременно за работу в профсоюзах и участие в выборах. Конференция, созванная в июле в Гейдельберге, одобрила позиции руководства. Оппозиция поставила под сомнение правомочность конференции и потребовала созыва новой конференции – после широкого обсуждения обоих спорных вопросов в партийных организациях.

Руководство, напротив, назначило съезд партии на октябрь 1919г., причем признание делегатов съезда проводилось по строгому критерию: делегаты, не имевшие по вопросам о парламентаризме и профсоюзах мандата, соответствующего линии руководства партии, должны были быть исключены.

Только те, кто имел то же мнение, что и ЦК партии, могли участвовать в съезде, в частности, ряд партийных чиновников, а оппозиция была исключена из партии. Товарищи из КРПГ говорили мне – достаточно справедливо – что они не имели намерения создавать новую партию, но они были исключены из КПП в результате несправедливой процедуры, в то время, как если бы съезд был созван правильным образом, они получили бы на нем большинство.

В апреле 1920г., видя, что все их усилия исправить ситуацию в КПП безнадежны, они провели Учредительный съезд КРПГ».

Более того, Бордига не преминул отметить пролетарский характер новой организации и ее боевитость, контрастирующую с пассивностью КПП во время капшовского путча:

«Новая организация в значительной степени является намного более боевитой и революционной, и развивает гораздо более широкую деятельность среди масс; ее сторонниками являются рабочие, которые не терпят ни отсутствия непримиримости, которое иногда показывает старая партия, ни уклон этой старой партии к парламентаризму, приближающий ее к независимым социал-демократам, которые используют эту тактику КПП, чтобы завоевать доверие в глазах пролетариата и Коммунистического Интернационала» (Бордига. «Ситуация в Германии и коммунистическое движение» в «Иль Совет», №18, 11 июля 1920г.).

Сохраняя свои оговорки относительно позиций КРПГ, Бордига надеялся, что Коммунистический Интернационал сможет разрешить кризис, реинтегрировав КРПГ в КПП. Для него главной опасностью в Германии были независимые социал-демократы, как в Италии главной опасностью был Серрати, - и он ясно видел сходство позиции Коминтерна в германском и итальянском вопросах: в обеих этих странах Коминтерн стремился интегрировать в свои ряды центристские течения, угрожая левому крылу созданием массовых партий, объединяющих коммунистов с центристами.

Надежды Бордиги не реализовались ни в одном из случаев. КПП объединилась с левым крылом НСДПГ; КПИ должна была принять серратинских «третьеинтернационалистов». Третий Интернационал после своего конгресса в 1921г. исключил КРПГ, которую сперва принял как сочувствующую партию.

Контакты КПИ и КРПГ закончились. До конца жизни Бордига сохранил в основном враждебное отношение к КРПГ: он всегда считал ее, как и ее голландских преемников, «анархистами». Даже в вопросе об оппозиции внутри Коммунистического Интернационала он не мог допустить схождения своих взглядов со взглядами КРПГ.

КПИ хотела быть лучшей партией Интернационала, «самой ленинистской» по вопросу о партии против зиновьевского «тактического оппортунизма». С целью не давать никаких оснований для обвинений в «ультралевизне», но прежде всего по более глубоким причинам, «бордигистское» руководство КПИ тщательно дистанцировалось от Германской Лево́й вплоть до своего собственного отстранения в 1926г. Отвергая Единый фронт, большевизацию, внешнюю политику русского государства, оно принимало в их основе тезисы Второго конгресса Коммунистического Интернационала.

После Всемирного Конгресса Коминтерна в 1921г. Бордига продолжал свои атаки против КРПГ по профсоюзному вопросу. КРПГ на самом деле не была «синдикалистской» организацией, поскольку выступала за разрушение старых профсоюзов и создание Всеобщего рабочего союза, стоящего на политической платформе диктатуры пролетариата – но это не мешало Бордиге разоблачать «синдикализм» КРПГ:

«Профсоюз, даже коррумпируемый, остается рабочим центром. Выход из социал-демократических профсоюзов соответствует концепции немецких синдикалистов, которые хотят создавать органы революционной борьбы, имеющие профсоюзный, а не политический характер» (Бордига. «К вопросу о парламентаризме» в «Рассенья комуниста», 15 августа 1921г.).

В конце концов, создание гортеровского Коммунистического Рабочего Интернационала (КРИ) в 1922г. означало решительную невозможность сохранения даже неформальных контактов между двумя левыми течениями. После того, как КРИ определил Россию как главного врага мирового пролетариата, а Октябрьскую революцию – как буржуазную революцию, идеологический разрыв между Германской и Итальянской Лево́й был завершен. (См. спецвыпуск «Пролетария», 1922г., «Тезисы Первого Конгресса КРИ» (на нем. яз.)).

Паппаларди и итальянские бордигисты

Несмотря на возникшую пропасть, отдельные активисты левого крыла КПИ сохранили индивидуальные контакты с Германскойевой. Инициатором этих контактов был Микеланджело Паппаларди (в донесениях полиции упоминается также как Паппалардо). Он родился в 1896г. и входил в бойкотистскую фракцию с самого ее возникновения. В 1922г. он эмигрировал в Австрию; в 1923г. занимался революционной работой в Германии, где был представителем КПИ при КПГ. В это время у него были долгие дискуссии с КРПГ. 10 ноября 1923г. он подал заявление о выходе из КПИ, которое было удовлетворено Исполкомом 30 ноября в письме, посланном Таской (Валле). Переехав во Францию, Паппаларди поселился в Лионе, откуда он переписывался с Бордигой, призывая его создать левую фракцию в КПИ и Интернационале. Вместе с небольшой группой итальянских рабочих – иммигрантов он представил французский перевод «Лионских Тезисов» на 5-м съезде ФКП в Лиме (20 – 26 июня 1926г.) под названием «Платформа левых, проект тезисов, представленных группой «левых» (бордигистов) 5-му съезду ФКП». Согласно свидетельству бывшего члена «Коммунистического пробуждения» (П. Корради), Бордига проконтролировал этот перевод.

Члены Итальянскойевой на самом деле имели тесные контакты с французским коммунистическим движением с самого его возникновения. Бордига представлял Интернационал на Марсельском съезде ФКП в 1921г. Дамен, которому грозило тюремное заключение после вооруженного столкновения с фашистами, был послан как официальный представитель КПИ во Францию для организации групп итальянских коммунистических иммигрантов и координации их политической деятельности. Он был назначен директором еженедельного издания «Юманите» на итальянском языке и оставался им вплоть до своего нелегального возвращения в Италию в 1924г. Поэтому бордигистские идеи не были чем-то неизвестным внутри ФКП. Подавляющее большинство итальянских эмигрантов даже в 1926г. придерживались позиций старого руководства КПИ; в некоторых секциях (Париж, Лион, Марсель) они были в большинстве. Это испугало новое руководство КПИ во главе с Таской и Тольятти, которое эмигрировало во Францию в 1926г. после полного подавления партии фашистским правительством и невозможности для нее продолжать свою деятельность в Италии. Новое руководство КПИ вступило в контакт с ФКП, побуждая ее исключить «бордигистов» или заставить их отречься от своих позиций.

Определенная их часть все еще оставалась в ФКП и пыталась отстаивать позиции Бордиги до тех пор, пока сохранялась такая возможность. Они находились в тесном контакте с автономной итальянской коммунистической группой, созданной исключенными товарищами в нескольких французских

городах, а также в Швейцарии, Бельгии и Люксембурге. С помощью своей платформы, они до 1929г. пытались сохранить контакты с французскими коммунистами и идеологически влиять на них изнутри партиячек. Это осуществлялось ценой огромных усилий, как можно судить по предисловию к тезисам Бордиги:

«Не имея возможности открыто выразить свою точку зрения в официальной прессе партии, мы решили донести наши идеи до умов французских коммунистов с помощью наших собственных средств» (подпись: группа членов ФКП).

Изгнанная из Интернационала, Итальянская Левая не желала самоизолироваться. Испытав неудачу своих надежд на создание интернациональной фракции, она стремилась продолжать политическую работу в коммунистическом движении всех стран, в которых условия изгнания вынуждали жить итальянских коммунистов. Итальянская коммунистическая Левая считала себя не «итальянской» – разве что в том смысле, что она возникла в Италии – а интернациональной. Ее естественным призванием была интернациональная работа – везде, где она существовала; ее единственным отечеством был Интернационал, объединяющий пролетариев всех стран единым идеалом, единой целью – освобождением во всемирном коммунизме.

Вопросы, возникшие во Французской компартии, поэтому не могли интересоваться только французских рабочих, тем более, что эти последние не знали богатый политический опыт итальянского пролетариата после войны, особенно по вопросам о фашизме и партии. «Платформа левых» добавила к «Лионским тезисам» целую главу о «французских вопросах», где говорилось о перспективах французского капитализма и политической ориентации ФКП.

Эта глава определяла экономическую ситуацию во Франции как ситуацию кризиса, который проявляется в инфляции и трудностях государственного бюджета. Она говорит, что этот кризис «не является еще кризисом производства и промышленности в целом, но он не преминет вскоре стать таковым».

Далее подчеркивалось непрерывное обострение социальной напряженности и «начало периода безработицы, которая еще более ухудшит положение рабочего класса». Рассматривая буржуазную политику в этом контексте, документ предсказывает изменение ориентации этой политики на основе итальянского опыта: «Весьма возможно, что по мере роста экономического кризиса и развития наступления капиталистов, произойдет полное изменение программы в политической области. Эта фаза крайне правой политики будет иметь сходство с итальянским фашизмом, поэтому оценка итальянского опыта весьма полезна для анализа современной французской ситуации».

Однако итальянские «бордигисты» не предсказывали немедленного наступления фашизма во Франции, поскольку «здесь отсутствует фундаментальное условие, т.е. значительная революционная угроза, которая

создает для буржуазии впечатление, что она находится на краю пропасти». Воспитанная итальянским опытом, где фашизм создал антифашизм на основе Единого фронта, Итальянская Левая заранее отвергала всякую возможность антифашистского союза:

«Что необходимо прежде всего понять – это то, что фашистский план направлен в первую очередь против пролетариата и социалистической революции, и поэтому именно рабочие должны остановить и отбить фашистское наступление. Ошибочно видеть в фашизме крестовый поход против буржуазной демократии, парламентского государства, мелкобуржуазных слоев и их политиков и партий, находящихся у власти... Согласно подобной идее, пролетариат может только забить тревогу и взять «инициативу»... в антифашистской борьбе, борясь вместе с другими слоями, чтобы защитить преимущества «левого» правительства и считать крах фашизма во Франции своей славной целью».

В этот период, который «бордигисты» считали нестабильным и неопределенным, «французский пролетариат благодаря своей многочисленности и историческим традициям является центральным элементом современной ситуации и социальной борьбы». Это необходимым образом требует развития революционных тенденций внутри ФКП. Относительно подобной перспективы, автор «французских вопросов» был в высшей степени пессимистичен. «Партия была создана в Туре на слишком широкой основе... В своем нынешнем положении ФКП оставляет желать много лучшего по своей марксистской идеологической подготовке, по своей внутренней организации, своей политике и формированию руководящего центра, способного понимать ситуацию и предъявляемые ею требования». Итальянская Левая критиковала здесь прежде всего внутренний режим в ФКП – печальным результатом его неадекватности может стать усиление «традиционного недоверия французских рабочих к политическому действию и к партиям».

Чтобы изменить эту ситуацию, левые отстаивали решительную политику оппозиции против тезисов Коминтерна о «рабочем и крестьянском правительстве», «едином фронте» и «антифашистской борьбе». Они предлагали развитие прочной сети коммунистических фракций в профсоюзах, которые будут работать в целях профсоюзного единства и решительно участвовать в экономической борьбе, причем эта экономическая борьба явится основой политической борьбы против всех буржуазных партий, правых и левых, против государства, а не за «ропуск фашистских лиг государством».

Куда идет ФКП? На этот вопрос текст, написанный Бордигой, не дает решительного ответа. Он просто указывает, что «большевизация» на деле привела к стагнации. Бордига не считает эту ситуацию следствием правой опасности: исключение течения, возглавлявшегося Сувариним, послужило «дымовой завесой, прикрывающей удары, нанесенные против интернационального левого течения». Перед лицом «оппортунизма и

ликвидаторства во французской партии», Бордига не видел в ФКП левого крыла. Он отрицал синдикалистские тезисы группы Монатта «Пролетарская революция» как «откровенно ошибочные и опасные».

Бордига не скрывал «трудности такой ситуации». Он считал, что прежде всего все коммунистические активисты должны улучшить внутренний партийный режим.

Очевидно, что Итальянская Левая не изменила свои позиции, несмотря на свое поражение на Лионском съезде. Она считала, что областью ее деятельности преимущественно остаются коммунистические партии. Она не считала их безнадежно потерянными для дела коммунизма. Поэтому бордигисты исключали всякую возможность создания новой партии и считали себя членами Коммунистического Интернационала. Их позиция сильно отличалась от позиции Германскойевой, провозгласившей банкротство Коминтерна и необходимость создания новых коммунистических партий.

Очень скоро, вследствие вызванного политикой Сталина и Бухарина в отношении Гоминдана поражения революции в Китае, часть Итальянскойевой в эмиграции, прежде всего во Франции, изменила свою позицию и заявила о невозможности исправления Коминтерна, после чего быстро сдвинулась к позициям КРПГ, чему содействовали в том числе контакты с Коршем.

«Коммунистическое Пробуждение» (1927 – 1929)

Под влиянием Папаларди, значительное меньшинство отделилось от итальянской «бордигистской» группы, находившейся под влиянием Отторино Перроне (Верчези). Последний, бежав из Милана, приехал в Париж, где, не теряя времени, вступил в борьбу со сторонниками Папаларди. Раскол был завершен в июле 1927г. В ноябре того же года появился первый номер «Коммунистического Пробуждения»,^[1] «внутреннего бюллетеня групп коммунистического авангарда», чьим центром был Лион. Они определяли себя как «группу непримиримых коммунистов».

Цели «Пробуждения» не были ясны. Оно не занимало определенной позиции по вопросу создания новой партии или нового Интернационала. Оно стремилось «к единству левых в международном масштабе». Эта позиция, близкая к позиции Корша, выражалась с большой осторожностью: «новая международная организация невозможна до тех пор, пока процесс развития левой линии в международном масштабе не будет завершен». На самом деле, группа не видела возможности внутренней или внешней оппозиции по отношению к Коммунистическому Интернационалу, создание которого в 1919г. она считала преждевременным:

«Процесс рождения нового Интернационала, который пытались довести до конца в Циммервальде, еще до великой русской революции, кончился преждевременным завершением в 1919г., когда под воздействием первоначально пролетарского великого исторического движения была предпринята попытка форсировать историю революционного движения».

«Коммунистическое Пробуждение» поддерживало позицию Р. Люксембург, выступившей против создания Коммунистического Интернационала, и сожалело, что делегат Первого Конгресса Коминтерна от КПГ Эберлейн не проголосовал против его создания. Согласно «Коммунистическому пробуждению», результатом провозглашения Коммунистического Интернационала стало «формальное единство» вместо «реального». Это «имело фатальные последствия для развития подлинной всемирной коммунистической партии и уничтожило всякую возможность возрождения Коммунистического Интернационала».

«Коммунистическое Пробуждение» доказывало, что причиной этого была исключительная роль России в Интернационале. Оно все еще оценивало русскую революцию как «грандиозную», особенно в период военного коммунизма, но видело начало ее упадка во введении нэпа в 1921г. Оно критиковало идеализацию нэпа «перронистами», которые все еще поддерживали позицию Ленина в этом вопросе. Нэп был для «Коммунистического Пробуждения» «первым идеологическим проявлением класса или нескольких социальных слоев, не принадлежащих к рабочему классу». На вопрос о том, каков именно был этот «класс» или «социальные слои», группа Папаларди не давала ответа. Она утверждала в 1927г., что перерождение русского государства – совершившийся факт, и что из-за «бюрократизации государственной машины» диктатура пролетариата более не существует:

«Бюрократизация государственной машины, полное отделение государства от рабочего класса, непролетарские идеологические проявления в аппарате – все это означает, что

диктатура пролетариата перестала быть реальностью в стране величайшей революции рабочего класса».

За вопросом о «перерождении» скрывалась на самом деле проблема государства, «которая не нашла полного и окончательного решения в русской революции». Позднее мы увидим, что этот вопрос был одной из главных тем в теоретических дискуссиях внутри Итальянской Лево́й.

Провозглашая «невозможность вернуться в прошлое, к позициям, которые уже были преодолены», «группы коммунистического авангарда» в вышедшем в январе 1928г. №2 своего издания все еще сохраняли приверженность традиции Бордиги. Они даже характеризовали себя как самых верных продолжателей «великого вождя итальянского коммунизма» против «т.н. бордигистов или перронистов, которые отделились от нашей группы в июле 1927г.».

Они верили, что бордигистская «чистота» означает отрицание «теоретической области ленинизма, т.е. неоленинизма». Это было иллюзией с их стороны, поскольку Бордига всегда провозглашал себя в качестве самого верного последователя Ленина, даже когда находился в оппозиции против политики Коминтерна.

Вот почему вскоре «Коммунистическое Пробуждение» перешло к критике самого Бордиги, обвиняя его в стремлении любой ценой остаться в Коминтерне, «с целью сохранить контакт с массами», что имело следствием поддержку Бордигой «тактической линии компромисса», которую отстаивал Ленин. «Коммунистическое Пробуждение» упрекало Бордигу за то, что он пренебрегал фракционной работой и не создал фракцию:

«Два года назад... мы сказали товарищу Бордиге, что необходимо открыто создать фракцию, потому что, как мы сказали, большевизация уже совершила дело социал-демократизации Коминтерна, и мы не видим никакой возможности организовать, если мы будем придерживаться дисциплины, открытое сопротивление среди рядовых членов Коминтерна...».

Отношение «Коммунистического Пробуждения» к возглавляемой Троцким левой оппозиции было намного яснее. Папаларди считал троцкистскую оппозицию продолжателями «ленинизма» и безоговорочными защитниками русского «рабочего государства»:

«Мы не попали под идеологическое влияние Троцкого. Мы не отрицаем прошлых революционных заслуг этого товарища...но даже против него и его последователей...мы настаиваем, что изображать в качестве рабочей демократии трагическую карикатуру на пролетарскую демократию при правительстве сталинистов – это оппортунистическая тактика».

Отрицая «троцкистское наследие» и критикуя «товарища Бордигу», могли ли «группы коммунистического авангарда» сблизиться с позициями Корша, в марте 1926г. начавшего издавать «Коммунистическую политику»? 2 текста Корша были опубликованы в «Коммунистическом пробуждении»: «10 лет классовой борьбы в Советской России» (№1) и «Марксистская Левая в Германии» (№4). Это, однако, не привело к общности взглядов между двумя организациями: «Нет нужды говорить, что публикация нами текстов Корша не предполагает ни нашего органического слияния с его группой, ни подчинения нашей бескомпромиссно левой линии коршевским директивам в области идеологии и действия, тяготеющим к опасному эклектизму». «Пробуждение» даже опубликовало

предостережение в адрес немецкой группы: «Этот эклектизм может сбить наших немецких товарищей с подлинно революционной линии и направить их назад к устаревшему максимализму».

Папаларди, написавший критическую статью о «коршизме», обвинял «Коммунистическую политику» в том, что она ставит под вопрос пролетарский характер русской революции. Он доказывал, что «буржуазная контрреволюция в новой России началась в то же самое время, что и пролетарская революция», но отрицать существование пролетарской революции означает одновременно отрицать существование контрреволюции в России, потому что «очевидно, что если вы отвергаете пролетарский характер Октябрьской революции, вы также отвергаете ее зависимость от мирового кризиса капитализма».

Но прежде всего «Пробуждение» критиковало Корша за то, что он был интеллигентом и в 1926г. пошел на компромисс с Масловым и Рут Фишер, за то, что он повел пошедших за ним рабочих в пустоту, что кончилось быстрым исчезновением его группы и вхождением разных ее частей либо в «Ленинский союз», либо в социал-демократию. Последний номер «Коммунистического Пробуждения» (февраль 1929г.) призывал Корша вернуться к своим любимым философским исследованиям.

На самом деле, из-за своего рабочизма и презрения к политическим дискуссиям, группа «Коммунистическое Пробуждение» стремительно самоизолировалась в революционной среде, в то время, когда «перронисты» создали Левую Фракцию КПИ (см. ниже) и оппозиционные группы развивались во всей Франции. «Мы не боялись и не боимся временной изоляции от пролетарских масс», - утверждало «Пробуждение». Отделяя себя от сектантства, орган «групп коммунистического авангарда» определял себя как секту.

Идеологически эти группы были абсолютно изолированными. Они были единственными во Франции, кто призывал рабочих выйти из Коммунистического Интернационала, а не бороться внутри него или вне него за победу в нем левых фракций («Вон из Московского Интернационала!»).

В то время они были единственными, кто отказался от лозунга «защиты СССР», считая этот лозунг «формулой Священного Союза в России». В конце 1928г. «Пробуждение» занимало в этом вопросе практически те же позиции, что и КРПГ:

«...пролетарская диктатура, вместо того, чтобы отмереть в марксистском смысле, была постепенно уничтожена чудовищным аппаратом, внутри которого выросла каста с идеологией новой буржуазии. И все это без Термидора, без повторения событий исторического прошлого».

«Прометей», в своем двенадцатом номере, резко критиковал позицию «Пробуждения». «Прометей» писал, что термин «каста» не является марксистским, и подчеркивал противоречия в теории, которая одновременно утверждает, что русское правительство не является «чисто капиталистическим правительством» и в то же время, что оно – «буржуазное правительство». Определив пролетарскую природу русского государства «на основе социализации», «Прометей» начал дискуссию, в которой он предложил участвовать и активистам «Пробуждения».[2]

Открытое отношение «Прометей», равно как и его верность тезисам Ленина и бордигистской традиции в русском вопросе, привели к отколу от «Пробуждения» нескольких активистов, включая Пьеро Корради. Эти активисты вернулись во Фракцию

Итальянской Левой. Эти товарищи, хотя и воспитанные Папаларди, считали себя «ленинистами», и не видели смысла работать в группе, которая отказывалась формировать Фракцию. Конгресс в Пантене в феврале 1928г., на котором была провозглашена Левая Фракция КПИ, покончил с их колебаниями, как вспоминал об этом 50 лет спустя Пьеро Корради. С этого времени, идеологически и организационно единственной Итальянской Левой была группа вокруг «Прометей».

Но тенденция Папаларди не исчезла после этого раскола. Она даже испытала приток новых активистов, среди которых был Андре Прудомо, владелец книжного магазина в доме №67 по улице Бельвилль. Эти новые активисты придали группе менее «итальянский характер», но занимали более двусмысленные позиции по отношению к анархизму.

В августе 1929г. появился первый номер «Рабочего Коммуниста», определявшего себя как орган «коммунистических рабочих групп». Штаб-квартира издания находилась в книжном магазине Прудомо в Париже.^[3]

[1] Из-за отсутствия информации Жан Рабо (Tout est possible, Denoël, Paris, 1974, pp. 77-80) утверждает: 1). Что Прудомо и Дотри были инициаторами «Коммунистического Пробуждения»; 2). Что это последнее стало выходить в феврале 1929г., тогда как на самом деле тогда вышел его последний, пятый номер.

[2] Ответ «Пробуждению».

[3] Рапорт итальянской полиции (13 декабря 1930г.) указывает, что «рабочая фракция – это маленькая группа из 15 человек», секретарем ее является Людовико Росси, а наиболее значительными членами – Антонио Бонито (Дино) и Альфредо Бонсиньори. Этот рапорт касается только Лиона (Casellario politico centrale, Archivio centrale dello Sato, Roma, № 441/030600).

Влияние КРПГ: «Рабочий Коммунист» (1929 – 1931)

Термин «коммунистические рабочие» означал ссылку на традицию КРПГ. «Рабочий Коммунист» не рассматривал себя в качестве части традиции Итальянской Лево́й: эту традицию он считал традицией более низкого уровня по сравнению с традицией Германской Лево́й.

«Мы участвовали в революционном движении, менее совершенном, чем наши немецкие товарищи... Для нас, укорененных в бордигистской традиции, потребовало много усилий вырвать из нашего мышления систему предрассудков, скрывавших от нас реальность, реальность, извлеченную непосредственно из опыта нашими немецкими товарищами» (Статья «Завоевать или разрушить профсоюзы?» в «Р.К.», №2-3, октябрь 1929г.).

В то время, как в своем втором номере (январь 1928г.) «Коммунистическое Пробуждение» все еще критиковало «элементы, подобные Паннекуку в Голландии и Панкхерст в Англии» за создание Четвертого Интернационала, «этой абсурдной смеси разношерстных элементов», «Рабочий Коммунист» совершил акт покаяния и оценивал себя как «запоздалую ветвь подлинно марксистской лево́й, представителями которой в 1919г. были в Англии Панкхерст, а в Голландии – трибунисты Гортер и Паннекук» («Р.К.», №1).

Группа Папшларди напечатала по частям в своей газете памфлет Гортера «Ответ товарищу Ленину», в котором в конденсированном виде излагались позиции Германской Лево́й. Эта публикация подчеркивала антиленинистскую ориентацию «коммунистических рабочих групп»:

«Гортер был прав, а Ленин ошибался. Ленинская линия привела к тягчайшим поражениям, к созданию массовых партий, ставших оплотом оппортунизма и контрреволюции в рабочем классе» («Р.К.», №1).

Были установлены контакты с голландскими и немецкими товарищами из «Группы интернациональных коммунистов» (ГИК), а также с ВРСГ и КРПГ. Данные контакты не увенчались слиянием в одну организацию. Эти группы весьма осторожно относились к самому принципу подобного слияния и предпочитали взаимное сотрудничество и обмен материалами в своей «коммунистической рабочей прессе».

КРПГшная «антиленинистская» тенденция не осталась изолированной интернационально: группы, защищающие те же программные позиции, были созданы в 1930г. в Австрии и Дании («Mod Strömen»). Но основа у всех у них оставалась хрупкой: немногочисленные и изолированные от рабочего класса, в котором доминировали социал-демократическая и сталинистская идеологии, они не были ни однородными, ни объединенными в единую интернациональную организационную общность – подобное объединение они считали преждевременным или бесполезным с тех пор, как обожгли пальцы с попыткой создания Коммунистического Рабочего Интернационала в 1922г.

Несмотря на свою ограниченность пределами Франции и немногочисленность (15 – 20 активистов), «коммунистическая рабочая» организация сделала более известными

позиции Германской Лево́й – позиции, на которых традиционно стояло клеймо «инфангизма» и «экстремизма».

Сотрудничество Мясникова и «Русской рабочей группы» в «Рабочем Коммунисте» подтвердило антиленинистскую ориентацию этого последнего. Старый рабочий – большевик,^[1] Мясников находился в оппозиции Ленину с 1921г. по вопросам о нэпе и «рабочей демократии» в РКП(б) и Советах. Он призывал к широчайшей свободе критики и организации в последних. Он критиковал тактику единого фронта как «тактику сотрудничества с отъявленными врагами рабочего класса, подавившими революционное движение пролетариата с оружием в руках» и как тактику, «находящуюся в открытом противоречии с опытом русской революции». Он также критиковал любые запреты на стачки в России и требовал, чтобы «пролетариат мог реально участвовать в управлении экономикой» посредством профсоюзов и фабзавкомов. Считая, что Советская Россия и РКП(б) все еще сохраняют пролетарский характер, группа Мясникова создала «рабочую группу» большевистской партии, «на основе программы и устава РКП(б), с целью осуществления решительного давления на руководящую группу самой партии».^[2]

Мясников был исключен из партии в 1922г. Вскоре после этого Манифест его группы был переведен на немецкий язык КРПГ, которая добавила к нему свои критические комментарии о профсоюзах и о пролетарском характере РКП(б). Мясников был арестован в 1923г., подвергнут пыткам и сослан в Армению, откуда в 1928г. он сумел бежать через Иран в Турцию. После энергичной компании, Корш и «Рабочий Коммунист» добились, чтобы в начале 1930г. Мясникову был разрешен въезд во Францию. В это время он более или менее придерживался позиций КРПГ и отвергал усилия Троцкого по созданию международной левой оппозиции как обреченные на неудачу либо на то, чтобы сыграть на руку буржуазии.^[3]

Опыт Русской Лево́й, неленинистской и находящейся в оппозиции к Троцкому, критически относившейся к опыту русской революции, привел «Рабочий Коммунист» к энергичной защите тезисов Германской Лево́й, которая первой начала критику РКП(б) и Коминтерна. Сходство взглядов «РК» и КРПГ существовало по пяти вопросам:

1). Парламентский вопрос. В отличие от Бордиги, который считал антипарламентаризм вопросом тактики, «РК» считал его делом принципа и отстаивал бойкот парламента. Тем не менее, в отличие от КРПГ, он отделял себя от синдикалистского антипарламентаризма, «который не имеет ничего общего с радикальными тенденциями марксистского и коммунистического антипарламентаризма».

2). Национальный вопрос. В этом вопросе, даже более отчетливо, чем Голландская Лево́я, которая занимала нерешительную позицию, утверждалось, что невозможно поддерживать национальные движения, которые «могут служить только предлогом для развязывания международных конфликтов и даже устраиваются искусственно с целью развязать войну». Приняв тезисы Розы Люксембург, «РК» отверг позицию Ленина, согласно которой «пролетариат даже может считаться поборником национальной защиты, потому что это – единственный класс, который борется до конца, особенно против всякого национального угнетения».

На самом деле, статья «Империализм и национальный вопрос», появившаяся в №2-3 «Рабочего Коммуниста» настаивала: «Пролетариат развивает свою борьбу, делает свою революцию как класс, а не как нация. Сразу после победы пролетариата в нескольких странах, государственные границы должны исчезнуть».

Не может быть «прогрессивной национальной буржуазии» в колониальных и полуколониальных странах, потому что в этих регионах буржуазия «по своей сущности и по своей структуре является созданием империализма» («РК», №9-10, март 1930г.). Вот почему не может быть даже тактической защиты лозунга о «праве наций на самоопределение», как в 1917г., когда за этим лозунгом скрывались интересы национальных буржуазий: «Катастрофический опыт показывает, что когда пролетариат «защищает свою страну», свою «угнетенную нацию» – это имеет только один результат – усиление его собственной буржуазии». Поэтому «РК» отверг троцкистский лозунг о «Соединенных Штатах Европы» как являющийся частью той же националистической линии: «Марксисты – коммунисты не хотят строить Соединенные штаты Европы или мира, их целью является Всемирная республика рабочих Советов» («РК», №2-3).

3). Вопрос о профсоюзах. Здесь «коммунистические рабочие группы» приняли позицию КРПГ, т.е. отказ от всякой деятельности в профсоюзах с целью «завоевать» их и отказ от всякой попытки создавать новые профсоюзы, даже революционные:

«Профсоюзы не могут быть завоеваны для революции; революционные профсоюзы не могут быть созданы» («РК», №1).

Основываясь на немецком опыте, где профсоюзы были на стороне Носке, группа Папаларди призвала к разрушению профсоюзов. Это означало не просто разрушение отдельных профсоюзов, но разрушение самой профсоюзной формы, которая изжила себя «из-за модификаций, которые исторический процесс внес в формы классовой борьбы» («РК», №1). Пролетарская борьба не может осуществляться посредством профсоюзов, потому что исторический процесс «превратил эти бывшие органы классовой борьбы в покорные орудия в руках капитализма».

Означало ли это, что «Рабочий Коммунист» отрицал всякое вмешательство в классовую борьбу? Нет, потому что «участие во всех видах частичной борьбы пролетариата является бесспорной необходимостью». Существование постоянных органов борьбы стало невозможно: «Создание постоянных организаций, основанных на низших формах классового сознания и классовой борьбы, более не имеет смысла в эпоху, когда революция может начаться в любой момент» («Завоевать или разрушить профсоюзы?» в «РК», №4-5). В действительности это был весьма спонтанистский подход, рассматривавший революцию как постоянную возможность. Борьба найдет свои спонтанные органы в «фабричных комитетах», которые не будут постоянными организациями. «РК» критиковал германский ВРС за превращение фабричных комитетов в «формы, заменившие классические профсоюзы». Для «РК», экономическая борьба может быть только борьбой, связанной с борьбой за власть. Формой пролетарской власти были рабочие Советы.

4). Партия и Советы. Отказавшись от «бордигизма», активисты «коммунистической рабочей левой» были все более склонны считать партийный вопрос вторичным, отказываясь изучать конкретные условия возникновения партии:

«мы не спешим создать новую партию, расширить нашу организационную базу... наша цель – создание подлинно революционной партии и, чтобы достичь этой цели, мы готовы длительное время быть сектой» («Выйти из болота!» в «РК», №1, август 1929г.).

В виде реакции на позицию Бордиги, который утверждал, что сознание может существовать только в партии, и что партия должна повести за собой класс с целью

установить свою собственную диктатуру, диктатуру Коммунистической Партии, после захвата власти, «РК» выдвинул люксембургистскую позицию:

«Роль партии – это не роль вечного господства, ее роль – роль воспитания, содействия достижению рабочим классом зрелости его политического сознания» («Недавний прогресс материалистической диалектики у Троцкого и его эпигонов» в «РК», №1).

Здесь нужно указать, что на деле воспитательная роль, приписанная партии, сводила ее функции к функциям маленького исследовательского кружка, а не органа борьбы, развивающего политическое сознание рабочих. «РК» считал, что это сознание является стихийным – партия просто накладывается на него.

В действительности, здесь развивалась «советистская» концепция, ставившая советы на место партии. «Рабочий Коммунист» избегал слова «партия», предпочитая ему словосочетание «пролетарские элиты», «чья роль все более и более будет поглощаться массами, по мере того, как мы будем продвигаться к победе» («О роли пролетарских элит в классовой революции» в «РК», №7-8).

5). Россия и государство. Признавая, что русская революция была пролетарской, «Рабочий Коммунист», как и «Коммунистическое Пробуждение» видел происхождение контрреволюции в нэпе и в подавлении Кронштадта в 1921г.:

«Основы нынешнего вырождения восходят к нэпу, к компромиссу между пролетарскими и буржуазными элементами русской революции, что создало пропасть между русской революцией и революцией на западе, что создало экономическую основу для обуржуазивания пролетарского аппарата, функционеров, служащих и т.д.»

Таким образом, природа пролетарского государства превратилась в свою противоположность. Посредством государственного капитализма бюрократия, которую «РК» все еще называл кастой, превратилась в буржуазный класс:

«Существует объективная основа для превращения этой касты в класс. Этой объективной основой является государственный капитализм... и его отношения со свободным рынком, созданные нэпом» («РК», №1).

В действительности, существовало 2 тесно связанных фактора, обусловивших этот процесс: внешний фактор (отсутствие революции на Западе, что оставило Советскую Россию изолированной) и внутренний фактор (государственный капитализм), оба эти фактора действовали вместе, открывая дорогу контрреволюции. В своем анализе «РК» не отделял два эти фактора друг от друга. Но он считал второй фактор более опасным, т.к. большевистская партия осталась во главе государства и не поддержала кронштадтских повстанцев:

«В 1921г. для русских коммунистов был возможен выбор одного из двух путей: либо отчаянная и героическая борьба против внутренних и внешних сил реакции и, «очень возможно», поражение и смерть в борьбе, либо компромисс с буржуазными силами, отказ от революционной позиции без всякого сопротивления, мягкое поглощение коммунистических сил новыми буржуазными отношениями производства, введенными нэпом».

«Рабочий Коммунист» извлек 2 фундаментальных урока из русского опыта:

«Пролетарская диктатура... не может ни развивать социализм, ни сохранять саму себя, если она не развивает пролетарскую революцию на международной арене. Это особенно верно для неразвитых в промышленном отношении стран».

Другой урок состоял в том, что диктатура пролетариата – это «диктатура советов», а не «диктатура партии», она представляет собой «антигосударственную организацию сознательного пролетариата». («РК», №12, октябрь 1930г., на итальянском языке).

Далее мы увидим, что все эти тезисы обсуждались во Фракции Итальянской Лево́й, часто с теми же заключениями. Но существовало фундаментальное различие между двумя ветвями Итальянской Лево́й: одна из них рассматривала свою работу в долгосрочной перспективе, работу с помощью организации, участвующей в классовой борьбе; она проводила свою теоретическую работу внутри подобной организации и систематическим образом. Другая ветвь не понимала важности развития политической организации, считала этой второстепенной задачей и полагала, что сознание кризиса может развиваться во всякое время, и революция возможна в любой момент. Она развивала свои теоретические позиции менее глубоким образом, полагаясь на интуицию и опираясь на теоретический вклад Германской Лево́й. Отсутствие революции, которую она ожидала в результате кризиса 1929г., и растущее влияние анархистских позиций, отстаиваемых Прудомо и его женой, привели к роспуску группы в конце 1931г. Прудомо и его жена ушли еще до этого – «Рабочий Коммунист» в своей статье на итальянском языке приветствовал их уход как уход «интеллигентной мелкой буржуазии», искавшей привилегий и славы и «желавшей въехать в мировую историю на горбу рабочего класса» («Прудомо и его жена бегут с поля боя – тем лучше!» в «РК», №13, январь 1931г.).

Этот раскол, который на самом деле не был расколом, повлек тяжелые финансовые последствия для газеты. Прудомо был очень богат и владел книжным магазином, являвшимся центром работы организации. Издание скоро прекратилось. «Спартак», который начали издавать супруги Прудомо вместе с Дотри, постигла та же участь в следующем году. Группа Паппаларди распалась: сам он тяжело заболел и до своей смерти в 1940г. не занимался активной политической деятельностью. «Спартак» и выходившая в 1932г. «Международная рабочая корреспонденция» имели только эфемерное существование. Они были изданиями супругов Прудомо вместе с Дотри, интересовавшихся сперва «советистскими», а затем анархистскими идеями, но не политическим органом революционной организации.^[4]

На самом деле, смерть «Рабочего Коммуниста» была результатом политических, а не случайных факторов. Хотя он проделал долгий путь и со значительной смелостью поставил под вопрос схемы прошлого, он не достиг политической и организационной последовательности. Он был скорее федерацией исследовательских групп, а не реальной политической организацией, обладающей программой и оценкой настоящего ради подготовки будущего. Хотя он признавал необходимость партии, он двигался в сторону итальянских анархистов^[5] из «Анархистской борьбы», призывая к созданию анархизма, «обновленного с ног до головы, превзошедшего самого себя и свои традиционные антагонизмы» («РК», №11, сентябрь 1930г.). Благодаря своему рабочизму, он изолировал себя от политической среды, хотя уже был изолирован от рабочей среды. Изоляция Германской Лево́й, ее кризис в конце 1920-х годов, ее слабость на организационном уровне, трудности в поддержании интернациональных контактов не позволили ему продержаться длительное время.^[6]

[1] R. Sinigaglia. Mjasnikov e la rivoluzione russa (Jaca Book, Milano, 1973).

[2] Манифест Рабочей группы РКП(б) был опубликован в *Invariance*, №6, 2-я серия, 1976г. – вместе с комментариями КРПГ. «Коммунистическое пробуждение» также опубликовало в январе 1928г. манифест «Накануне Термидора» группы Т. Сапронова и В. Смирнова, связанной с группой Мясникова. Эта последняя создала эфемерную Рабочую Коммунистическую партию России, входившую в гортеровский Коммунистический Рабочий Интернационал.

[3] «Есть только две возможности: либо троцкисты объединятся под лозунгом «война дворцам, мир хижинам», под знаменем рабочей революции – это первый шаг, необходимый для того, чтобы пролетариат стал господствующим классом – либо они будут медленно отступать и перейдут индивидуально или коллективно в лагерь буржуазии. Таковы 2 альтернативы. Третьего пути нет» («РК», №6, январь 1930г.).

[4] Прудомо очень скептически относился к возможности революции. Он считал пролетариат новым «Спартаком», чья борьба может быть только «отчаянной битвой за высшие революционные цели». Позднее Дотри присоединился к кружку Суварина, «Социальная критика», а затем – к «Контрнаступлению» Г. Батая.

[5] Тот же полицейский рапорт, который мы цитировали выше, указывает, что «рабочисты» «движутся в сторону анархистов, вплоть до того, что работают вместе». Указывалось на «участие в пропаганде в пользу преследуемых анархистов в Сен-Приесте» и в работе «анархистского кружка имени Сакко и Ванцетти». В заключение говорилось: «Они утверждают, что не отвергают никакие средства борьбы, включая террористические акты».

[6] Раскол между ВРС и КРПГ в 1929г. привел к распаду Германской Левой. «Сохранившаяся» КРПГ продолжала строго отстаивать позицию о необходимости партии и отвергала любой революционный синдикализм, в т.ч. в форме «всеобщих рабочих союзов». В декабре 1931г. остатки ВРС и ВРС-Единство объединились в Коммунистический Рабочий Союз, характеризовавшийся теоретической слабостью и активистской ориентацией на непосредственные действия.

В этих условиях, влияние Германской Левой во Франции могло только падать. После развала «Рабочего Коммуниста», в 1931г. возникла группа «Спартак». Состоявшая в большинстве своем из немецких активистов (8 человек), она могла издавать газету «Спартак» только за счет денег Прудомо, который благодаря этому мог публиковать свои статьи без всякого контроля редакции. По этой причине Прудомо был исключен из группы в сентябре 1931г. – за «недисциплинированность» и «отсутствие политической и организационной сознательности» (письмо Гейнриха в КРП Голландии, 6 сентября 1931г., в архиве Канне-Мейера в Институте социальной истории в Амстердаме). Без публикаций, группа «Спартак» скоро исчезла.

Тандем Прудомо – Дотри издавал журнал «Международная рабочая корреспонденция» с 25 сентября 1931г. до июня 1933г., сотрудничая с голландскими «коммунистами рабочих Советов» и с английскими анархистами. С 1933г. Прудомо и Дотри эволюционировали к антифашизму. Уроки революционной непримиримости Германской Левой были забыты.

Глава 3. Возникновениелевой Фракции КПИ

В действительности, Левая Фракция КПИ возникла в июле 1927г., после раскола, когда из нее ушло меньшинство, ориентированное на позиции Германской Левой. Но в то время у Фракции еще не было собственной прессы, в которой она могла бы развивать свои позиции. Не была она еще и конституирована официально как организация. Изгнанные из КПИ, ее активисты находились во Франции, в Бельгии, Люксембурге, и даже в США и России. Не имея возможности вести работу в Италии из-за принятых Муссолини в 1926г. исключительных законов, они были рассеяны по отдаленным странам. Эта трудная ситуация не сломала их волю. Считая себя членами единой международной общности, рабочего Интернационала, они не были деморализованы изгнанием. Напротив, они были готовы к приобретению нового богатого политического опыта в тех странах, в которых они оказались. Внимательно следя за политической ситуацией в Италии, они в то же время естественным образом приняли участие в политических дискуссиях, которые начали развиваться после исключения Троцкого из Интернационала и появления оппозиционных групп в этом последнем. Итальянская Левая гордилась тем, что состоит из рабочих – мигрантов; это доказывается выступлением Бордиги на VI Расширенном пленуме Исполкома Коминтерна, где он сравнил итальянцев с «избранным народом», с евреями:

«В определенной степени мы играем международную роль потому, что итальянский народ – это народ эмигрантов – экономических и социальных, а теперь, после победы фашизма – и политических... Здесь есть сходство с евреями: если мы потерпели поражение в Италии, то мы можем утешиться тем, что евреи тоже сильнее не в Палестине, а вне ее».

Чтобы выжить как политическое течение, активисты «Заграничной» Итальянской Левой, как они себя называли, должны были организовать в целях осуществления политической работы, возможности которой были полностью уничтожены в Италии. Они жили в основном во Франции и в Бельгии. Молодежь этих стран в значительной своей части погибла в ходе Первой Империалистической войны, с которой вернулись немногие, а их тех, кто вернулся, многие стали инвалидами. Французское и бельгийское правительства призвали итальянскую рабочую силу, тем более, что итальянские рабочие – мигранты уже находились в этих странах с конца 19 века и отличались большой приспособляемостью. Итальянские рабочие были для французских и бельгийских капиталистов низкооплачиваемой, но квалифицированной рабочей силой в ведущих отраслях экономики (металлургия, угледобыча, строительство).

Активисты: рабочие – мигранты

Подавляющее большинство Итальянской Фракции состояло из рабочих. Это не может удивлять нас. Под руководством Бордиги КПИ привлекла к себе целое поколение молодых рабочих, воодушевленных русской революцией и революционным движением в Италии после войны. Они закалились в революционной борьбе и не прошли через деморализацию бесславного поражения. Напротив, они мужественно сопротивлялись наступлению итальянской буржуазии, объединившейся вокруг Муссолини, – сопротивлялись часто с оружием в руках. Идеологически они остались верны непримиримому марксизму, отстаивавшемуся Бордигой. Даже когда этот непримиримый марксизм был лишен своих позиций в руководящих органах партии, рабочая «база» партии осталась ему верна. Мало кто из рабочих поддержал руководство Грамши и Тольятти, которых Коминтерн авторитарным образом поставил во главе партии. В самой Франции в 1926г. несколько тысяч итальянских коммунистов внутри партийных ячеек придерживались позиций Итальянской Лево́й.

Воспитанные в великой революционной традиции, закаленные в борьбе, обученные Бордигой теоретической непримиримости, эти итальянские рабочие сумели высоко поставить себя в революционной среде благодаря уровню своей политической культуры. С их ясным и четким мышлением, они смогли не запутаться в общем хаосе, который развивался тогда, в частности, в среде французской левой оппозиции. Во Франции, где политические и теоретические традиции коммунистического движения были очень слабы, их голос долгое время, вплоть до войны, оставался изолированным. С другой стороны, в Бельгии, как мы увидим, голос этих революционных итальянских рабочих, имел куда больший отзвук в среде местной левой оппозиции, которая развивалась на основе антипарламентаризма и в контакте с Голландской Лево́й.

Было бы пустой тратой времени пытаться перечислить поименно всех активистов оппозиции. Не потому, что их было слишком много (после 1928г. не больше 100 человек – первоначальная тысяча сократилась до этого уровня в течение нескольких месяцев), но прежде всего потому, что Итальянская Лево́я всегда отказывалась персонифицировать свою политическую деятельность. У Бордиги ее активисты научились, что члены организации должны быть безымянны и действовать в качестве только членов партийного коллектива, превосходящего все личности и индивидуальности. На первом месте была организация, и Фракция всегда выражала себя не через индивидов, а через коллективные органы (исполнительные комитеты, федерации и т.д.).

Тем не менее, создание центральных органов и прежде всего борьба тенденций внутри Фракции выдвинули некоторых индивидов на первый план. Следует упомянуть таких ее активистов, как Энрико Руссо (известный как Кандиани), механик из Неаполя, бежавший из Италии в 1926г.; Пьеро Корради (Пьеро), сперва машиностроитель, а затем таксист; Отелло Риччери (Пиччино), рабочий – ювелир из Флоренции, эмигрировавший в 1925г.; Бруно Бибби (Альфредо Бьянко), входивший в коммунистические антифашистские «боевые дружины»,

прибывший во Францию в 1924г.; Фердинандо Борсакки (Пьери), механик – автомобилестроитель из Флоренции; Бруно Цеккини (Россо), родом из Венеции, активист «боевых дружин» КПИ в Милане, в 1931г. бежавший во Францию из ссылки с Липарских островов.

В 1927г. всем этим революционерам едва исполнилось 25 лет; почти все они были молодыми рабочими, вступившими в КПИ в юности, многие еще на ее Учредительном съезде в Ливорно в 1921г.; они имели за собой богатый революционный опыт и закалились в борьбе как с фашистскими репрессиями, так и с правым крылом партии. Имена вышеперечисленных молодых рабочих, отобранные нами среди всех членов Фракции, отражают ее общую историю и дают, так сказать, образ ее типичного «среднего» активиста – если такое определение вообще применимо для организации, все члены которой были активными революционерами, очень часто вплоть до своей смерти.

В передовых рядах Фракции имелись и другие активисты, по профессии скорее «интеллигенты», чем рабочие. Они были не так молоды (за 30, а иногда и за 40 лет); некоторые из них еще в довоенный период были членами ИСП. У них был за плечами долгий революционный путь, многие из них раньше входили в руководящие органы КПИ. Эрсильо Амброджи (Массимо), о котором мы еще услышим, представлял Левую в правом ЦК КПИ, избранном в 1926г.; юрист по профессии, он был в эмиграции много лет – в России, в Германии, затем снова в России, откуда он поддерживал контакты с Фракцией. Вирджилио Вердаро (Гатто Маммоне) было уже больше 40 лет в 1927г., когда он вместе с Амброджи оказался в России. Он уехал оттуда во Францию в 1931г. Член ИСП с 1901г., учитель истории в лицее во Флоренции, он всегда находился на левом фланге социалистического движения; в 1920г. вместе с Бордигой и Г. Боэро он был секретарем Исполнительной комиссии Бойкотистской Фракции. И Амброджи, и Вердаро находились в контакте как с итальянской, так и с русской реальностью, и занимали ответственные посты в организации.

Еще 2 активиста, которые не являлись наемными рабочими, выполняли ответственную работу внутри организации. Джованни Торньелли (Неро) был предпринимателем в Венсане; бывший депутат муниципалитета в Турине, он являлся казначеем организации. Марио де Леоне из Неаполя, стоявший близко к Бордиге в 1920-е годы, после эмиграции во Францию открыл торговлю бакалейными товарами в Аннемасе, недалеко от швейцарской границы, и мог действовать оттуда как представитель фракции меньшинства во время событий в Испании, приведших к серьезному кризису внутри Фракции.

Некоторых из этих революционеров ждала трагическая судьба. Таков был случай Фаусто Атти, активиста КПИ из Ливорно, эмигрировавшего в Брюссель. Он был одним из основателей Интернационалистской Коммунистической Партии в 1943г. и за это в 1945г. был убит тольяттистскими сталинистами в Болонье. Судьба других сложилась иначе, и после того, как Фракция самораспустилась в 1945г. в связи с возникновением новой партии, они играли

в этой последней ведущую роль: Альдо Леччи (Марио Марини, Туллио), Джованни Боттайоли (Бутта) и др.

Отторино Перроне

Наиболее известным из представителей Фракции являлся, бесспорно, Отторино Перроне (Верчези), так что политические противники часто называли активистов «Прометей» и «Итога» «перронистами». Перроне родился в 1897г. в Аквиле, во время Первой Мировой войны служил в артиллерии. В 1920г. он вступил в ИСП и был назначен секретарем Палаты Труда в Венеции. В 1922г., получив задание организовать пропаганду в Падуе, он стал редактором выходившей в Триесте коммунистической газеты «Трудящийся». В 1923г. ему было поручено реорганизовать работу партии в Венеции и Аквиле. Он поддержал Бордигу на Римском съезде КПИ (1922г.). Известный своими организаторскими талантами, именно он подготовил нелегальную конференцию КПИ в Комо в мае 1924г. Полиция, зная о его роли, подвергла его домашнему аресту в Аквиле. Это не помешало ему поехать вместе с Бордигой на V Конгресс Коминтерна в июле того же года. Он был арестован на швейцарской границе при возвращении из России и снова отправлен в Аквилу. В 1925г. он был членом Согласительного Комитета, созданного Даменом, Фортикьяри и Репосси. Уехав в Милан, он занялся организацией связи между бордигистской эмиграцией и бордигистами внутри Италии. В это время он был также секретарем коммунистической профсоюзной федерации. На Лионском съезде КПИ он произвел сильное впечатление своим энергичным отстаиванием позиций Бордиги. После того, как он вернулся в Милан, фашисты подвергли его дом обыску и разгрому, а сам он был арестован. Выйдя на свободу, он стал подлинным организатором левого течения после ареста Бордиги. В ноябре 1926г. Перроне приговорили к 2 годам домашнего ареста, но он сумел бежать во Францию через Швейцарию. В Париже он являлся официальным представителем партии, и объединил вокруг себя активистов ее левого крыла. В оппозиции против линии Паппаларди, он отстаивал в июле 1927г. создание Левой Фракции, но в августе того же года был выслан из Франции и с этого времени жил в Бельгии, в Брюсселе, где нашел себе работу служащего в социалистическом профсоюзе, работу, на которой его юридические и бухгалтерские способности (он был доктором права), а равным образом его длительный профсоюзный опыт сослужили ему хорошую службу. Являясь членом правления профсоюза, он находился в постоянном контакте с профсоюзным миром.

Благодаря своему большому политическому опыту, выдающимся литературным и ораторским талантам, безграничной страсти к исследованию теоретических и политических вопросов, Верчези долгое время был движущей силой, мотором маленькой организации, которая доверяла ему первостепенную политическую ответственность и обязанности. Его влияние на активистов, вне всякого сомнения, было причиной большого числа политических согласий и разногласий, которые проявились позднее. При

возникновении всех крупных разногласий тенденции меньшинства или большинства стремились кристаллизироваться вокруг него.

Сколько насчитывалось членов Фракции? На этот вопрос трудно было ответить во время конференции в Пантене в 1928г. Возможно, не более 200. Но в это время, когда реорганизация «прометеистов» продвигалась очень медленно, без реальной централизации, не было четкой линии, отделяющей членов от сторонников. Скорее всего, местные группы сами свободно решали, кто является реальным полноправным членом организации. В циркуляре ЦК Фракции от 20 января 1931г. содержится убедительная просьба к местным организациям выяснить точное число своих членов, чтобы можно было урегулировать вопрос о взносах. С этого времени стала проводиться четкая грань между активистами и близкими сторонниками. В том же году в письме Бьянко отмечалось, что во Франции, Бельгии и США насчитывается 60 активистов, но «невозможно указать точное число для Германии, Швейцарии, России и Италии», несмотря на необходимость точного подсчета численности организации для определения количества мандатов на конференцию Международнойлевой Оппозиции, намеченную на этот год.

Организация Фракции: Франция, США, Бельгия

Из неформально организованной оппозиции, Итальянская Левая превратилась в 1928г. в централизованную организацию, независимую от Компартии. Ее центральные органы (Центральный комитет, затем Исполнительная комиссия) были построены по модели коммунистических партий. Большие «национальные» (Бельгия, Франция) и провинциальные (Париж, Лион, Брюссель, Нью-Йорк) федерации состояли из местных секций, избравших федеральный комитет. Следует отметить, что Фракция отвергла систему производственных ячеек, навязанную компартиям во время «большевизации», систему, которую Коммунистическая Левая всегда критиковала за удушение внутренней жизни партии. Приняв территориальную, а не «фабрично – заводскую» модель организации, Итальянская Левая хотела содействовать развитию реальной политической жизни в своих рядах, что было невозможно при узком и корпоративном духе, возникающем в случае привязки партийной организации к рабочему месту.

В момент формального основания Левого Фракции на съезде в Пантене в апреле 1928г. существовало 4 федерации: в Брюсселе, Нью-Йорке, Париже и Лионе, причем последняя координировала также работу в Марселе и в Италии. Изолированные товарищи, как Марио де Леоне в Аннемасе и Амброджи в Берлине не входили ни в какую федерацию, но находились в тесном контакте с Центральным комитетом. Имелись группы в Люксембурге и в Москве – последняя до депортации Амброджи и Вердаро. В это время Парижская федерация была разделена на 3 группы (или секции): одна в самом Париже, с 20 членами, и 2 в пригородах: в Брезане (7 человек) и в Фонтене (8 человек). Лионская федерация, возглавляемая Альдо Леччи, насчитывала 20 членов. Нью-йоркская федерация, не издававшая журнал на английском языке, но распространявшая «Прометей», имела в своем составе 9 человек; группа в Филадельфии, находившаяся в контакте с американской секцией, имела статус сочувствующей. Наконец, Брюссельская федерация, в которую входил Верчези, насчитывала 9 членов и руководила работой в Люксембурге.

В конце 1928г. временный ЦК был заменен ЦК из 7 человек: 3 из Брюсселя (Кандиани, Пьери и Верчези), 3 из Парижа (Пери, Бьянко и Неро) и 1 из Лиона (Туллио). Внутри ЦК был Исполнительный комитет из трех парижан с Бьянко как секретарем. В 1931г. Вердаро вернулся из России и был кооптирован в ЦК; Исполком был перенесен в Брюссель, Вердаро стал его секретарем. Будучи безработным, он являлся единственным оплачиваемым партработником Фракции. Он был заменен на своем посту секретаря только в 1939г., после того, как уехал в Швейцарию. В Парижской федерации к этому времени Луиджи Даниэлис (Джиджи) стал секретарем вместо исключенного Бьянко. Даниэлис стал также ответственным за администрацию.

Учредительная конференция в Пантене

На каких политических позициях произошло создание Фракции в Пантене? Решение Пантенской конференции серьезно проанализировать ситуацию, созданную «оппортунистическим» курсом, было обусловлено исключением Троцкого из РКП(б) и провозглашением на Пятнадцатом съезде этой последней линии на «строительство социализма в одной, отдельно взятой стране».[1] Конференция заявила, что Коминтерн «не смог изгнать оппортунизм из своих рядов». Своей целью она провозгласила не создание новой партии, но возвращение в Интернационал, очищенный от «центризма». Она призвала к проведению VI Конгресса Коминтерна с Троцким в качестве председателя. Как и в 1919г. и с той же целью изгнания из партии ее правого крыла, Итальянская Левая создала Фракцию со своими собственными органами и с собственной дисциплиной. Таким образом, она преодолела колебания, имевшиеся у нее в 1925г. в вопросе о создании Фракции – тогда она все еще считала, что нужно строго придерживаться дисциплины Коммунистического Интернационала. Хотя Фракция солидаризовалась с Троцким, она имела собственную позицию, выраженную в тезисах Бордиги и Второго Конгресса Коминтерна; она отвергала решения Третьего и Четвертого конгрессов Коминтерна, сторонниками которых была троцкистская оппозиция. Наконец, нужно отметить, что она объявила себя не «Итальянской Фракцией», а «Левой Фракцией Коммунистического Интернационала».

Все эти позиции в сжатом виде были выражены в итоговой резолюции, принятой единогласно:

« Резолюция Конференции.

1. Создать Левую Фракцию Коммунистического Интернационала.
2. Избрать временный Центральный Комитет.
3. Издавать раз в 2 месяца журнал «Прометей».
4. Организовать левые группы, задачей которых будет ведение беспощадной борьбы против оппортунизма и оппортунистов. Эта борьба будет вестись на основе «Коммунистического Манифеста», тезисов первых двух конгрессов III Интернационала, Римских тезисов, тезисов национальной конференции КПИ, тезисов, представленных Бордигой для V Конгресса Коминтерна, тезисов, представленных Левой для Лилльского съезда французской секции Коминтерна, а также на основе всех работ т. Бордиги.
5. В качестве непосредственной цели:
 - А). Восстановление в рядах Коммунистического Интернационала всех тех, кто, будучи исключен из него, сохраняет приверженность «Коммунистическому Манифесту» и принимает тезисы Второго Конгресса Коминтерна;
 - В). Созыв VI Конгресса Коминтерна под председательством Льва Троцкого;
 - С). Включение в повестку дня VI Конгресса Коминтерна вопроса об исключении из него всех, солидаризирующихся с решениями XV съезда РКП(б) («Прометей», №1, май 1928г.). »

Конференция в Пантене, создав собственную организацию Итальянской Левой, дала ей возможность после этого открыто участвовать в делах Международной Левой Оппозиции. Первые группы, выступавшие за сопротивление сталинской политике, стали появляться в 1928г., после волны исключений из компартий. Из-за того, что русская оппозиция была обезглавлена, на первое место вышли европейские и американские группы. В Германии, чье коммунистическое движение имело наибольшее значение за пределами СССР, в марте 1928г. был создан Ленинский союз во главе с Г. Урбансом; короткое время его членами были Рут Фишер и Маслов. Он объединял несколько тысяч человек – исчезновение группы Корша оставило свободное место для его деятельности. Намного раньше, в 1924г., греческая оппозиция, известная как «археомарксисты», была исключена из партии и создала организацию, насчитывавшую более 2 тысяч человек. В Бельгии оппозиция возникла в 1928г., после того, как ЦК КПБ резко осудил репрессии против Троцкого в России. После своего исключения из партии ван Оверстратен, основатель Компартии Бельгии, и Адемар Энно – оба они были секретарями КПБ – создали оппозицию, которая выступала за «2-ю партию». В том же году возникла американская оппозиция во главе с Джеймсом Кенноном, Максом Шахтманом и Мартином Аберном; ее слияние с «троцкистской» группой в Бостоне привело к созданию «Коммунистической Лиги Америки», куда входило 500 человек, как американцев, так и канадцев (среди последних – основатели канадской Компартии Морис Спектор и Джек Мак-Дональд). Поражение революции в Китае в 1927г. привело к образованию оппозиционных групп вокруг Чен Дусю и Пэн Шуцзе. Но свою наибольшую силу оппозиция обнаружила во Франции: устранение Трена от руководства партией привело к созданию Ленинского союза (затем – Коммунистического объединения), который оказал влияние на небольшие группы рабочих в Баньоле и Курбеуа (лидером там был Гастон Даву). В марте 1928г. Пьер Навиль начал издавать «Классовую борьбу», в которой защищал позиции Троцкого. В конце того же года оппозиция рабочих, исключенных из ФКП, возникла в «15 районе» (Путо, Сюренин, Нантерр, Курбеуа, Ла Гаренн).[2]

Как видим, оппозиционные группы росли по мере роста исключений из коммунистических партий. Происходя из разных источников, будучи создаваемы как рядовыми коммунистами, так и отставными партбюрократами, эти оппозиционные группы не были однородны. Они делились на 2 крыла: правая оппозиция, наиболее известными представителями которой были суваринский «демократический кружок», созданный в 1925г. во Франции, и Коммунистическая партия Германии (оппозиция) (КПГ(о)) во главе с Брандлером и Тальгеймером, - и левое крыло. Очень часто левая оппозиция не дифференцировала себя четко от правой оппозиции. Их общим знаменем было отвращение к сталинизму.

Во Франции, где Международная Левая Оппозиция была наиболее многочисленной и служила полем притяжения для всех оппозиционных групп, в конце 1927 – 1928гг. была сделана попытка собрать вместе все течения левой и правой коммунистической оппозиции. 20 ноября 1927г. начал издаваться

журнал «Против течения», «орган коммунистической оппозиции», чьими инициаторами были Паз, Лорио, Жан Баррю, Люси Кольяр и Дельфасс. 2 года этот журнал пытался выступать в качестве подлинного представителя всей оппозиции. Издававшая его группа колебалась между левой и правой оппозициями и выступала за объединение до дискуссии, даже до принятия общей платформы. Более похожая на клуб, чем на организованную фракцию, она хотела сперва «собрать всех вместе», и лишь затем начинать дискуссию.

[1] «Мы собираемся создать Фракцию в условиях, когда любое другое решение кризиса невозможно, и когда любой другой способ действия сделает для нас невозможным активное участие в революционной борьбе» («Прометей», №1, май 1928г., Брюссель).

[2] Об исключении «оппозиции» см. книгу Рабо (см. выше) и предисловие П. Дрейфуса к первому тому собрания сочинений Троцкого, включающему его работы за март – июль 1933гг.).

Первые контакты слевой оппозицией

В июне 1928г. «Против течения» предложило провести 14 – 15 июля в Париже национальную конференцию оппозиционных групп. Приглашения были посланы всем группам левой оппозиции: оппозиционным группам в Лионе и Лиможе, «Пролетарской революции» Росмера и Монатта, суваринскому Кружку Маркса – Ленина, группе Барре и Трена и, наконец, двум группам Итальянской Лево: «Коммунистическому пробуждению» и «Прометею». Большинство ответов были отрицательными.[1]

Отказ «Прометея» был особенно недвусмысленным. Этот отказ был обусловлен не сектантскими мотивами, не желанием предохранить свой маленький приход верующих от конкуренции чужой секты, но глубокими политическими причинами и большой осторожностью в отношении метода, с помощью которого можно достичь минимального согласия. В письме от 8 июля, которое Верчези отправил в Политическое бюро Фракции, критиковался используемый «Против течения» метод:

«Многие оппозиционные группы хотят ограничить свою роль функцией клуба, который регистрирует процесс перерождения и в качестве собственного действия только говорит пролетариату серию самоочевидных истин».

Верчези обвинял Оппозицию вообще и «Против течения» в особенности прежде всего за то, что они берут за общую основу антисталинизм, а не критический анализ политики Коминтерна с самого его возникновения:

«Невозможно, чтобы все политические события, через которые мы прошли, были сведены к вопросу антисталинизма, и самоочевидно, что эта основа – антисталинизм – не дает никакой гарантии возрождения революционного движения».

Для Итальянской Лево существование множества оппозиционных групп было признаком слабости, а не силы, и лекарством против такой слабости могла быть только дискуссия, избегающая уступчивости и снисходительности:

«Существует много оппозиций. Это плохо: но нет другого лекарства, кроме столкновения их идеологий, кроме полемики с целью прийти в конце концов к тому, что мы предлагаем. Нашим лозунгом должна быть работа на глубинном уровне, без увлечения надеждой на немедленный результат, надеждой, которая может кончиться лишь новым провалом. Мы считаем, что сперва нужно глубоко понять друг друга, прежде чем мы сможем согласиться, что та или иная группа действительно проводит левую критику».

«Прометей» считал, что коммунистические партии и Интернационал остаются главным полем для революционной деятельности, даже если левые оппозиции исключены оттуда. Роль Фракции состояла не в том, чтобы пассивно регистрировать перерождение коммунистических партий и Интернационала, а в том, чтобы активным вмешательством изменить ход событий, который не был предопределен. Однако Верчези не исключал и худший вариант, вариант окончательного перерождения коммунистических партий:

«Коммунистические партии являются организациями, в которых мы должны работать, чтобы бороться с оппортунизмом и – возможность этого отнюдь не исключена – превратить эти партии в вождя революции.

Вполне может случиться, что оппортунисты исключат всех нас; мы убеждены, что будущие события заставят их вождей восстановить нас в качестве организованной фракции – если только эти вожди не приведут коммунистические партии к окончательному краху. В данном случае – который мы склонны считать весьма маловероятным – мы также сумеем исполнить наш коммунистический долг» («Ответ, данныйевой Фракцией на предложение Коммунистической Оппозиции» в «Против течения», №13, 8 июля 1928г.).

Подобный ответ был весьма характерен для Итальянскойевой. Она всегда была осторожна в своих интернациональных контактах, закаленная своим опытом в Италии, где она оказалась ослабленной в результате слияния с такими разношерстными группами, как «Ордине нуово» и «третьеинтернационалисты». Она стремилась прежде всего достичь максимальной ясности путем столкновения позиций, столкновения, в ходе которого можно было бы установить основы расхождений и преодолеть их посредством выяснения реального положения дел. Прогрессирующее усиление сталинистской контрреволюции, которое часто отбрасывало левооппозиционные группы к состоянию невнятной сумятицы, только усилило убеждение Итальянскойевой, что для того, чтобы сопротивляться волне контрреволюции и сохранить свои собственные силы, нужно основывать свою деятельность на твердых принципах, а не стремиться к «расширению» любой ценой и на неопределенной основе. Это убеждение Итальянскойевой ни в коем случае не было ее «сектантским» замыканием в себе, как говорили про нее троцкисты. Отсутствие у Итальянскойевой подобного сектантства было очень ясно доказано ее более чем трехлетним сотрудничеством с Троцким.

В феврале 1929г. Троцкий, высланный из России и прибывший на Принкипо, стал немедленно устанавливать контакты с различными оппозиционными силами, возникшими в разных секциях Коминтерна. Его престиж как вождя русской революции и бескомпромиссная борьба, которую он вел как против Сталина, так и против колебаний Зиновьева, естественным образом сделали его неоспоримым символом Международнойевой Оппозиции. Дух левых оппозиционеров окреп благодаря переписке с Троцким и регулярным визитам к нему. Во многих странах, включая Аргентину, Кубу и Чили в Латинской

Америке, Оппозиция интенсивно развивалась и видела в Троцком своего глашатая.

До 1932г., когда завершилось организационное оформление троцкистской оппозиции, в разных странах – от Польши до Испании – существовало бесчисленное множество маленьких групп, называвших себя «большевиками – ленинцами». Но эти маленькие кружки были весьма разнородны: многие выходцы из старых партий, обличавшие теперь сталинскую бюрократию, сами подверглись значительному бюрократическому перерождению в эпоху зиновьевской «большевизации»; другие, напротив, были очень молоды и не переживали непосредственно опыт русской революции и великих дебатов эпохи раннего Коминтерна. Нетерпение и стремление к активной деятельности, какой бы она ни была, часто являлись характерными чертами этих молодых товарищей. Кроме всего этого, возникали очень глубокие идейные разногласия: по вопросу о «возрождении» коммунистических партий, каковое некоторые лидеры левооппозиционных организаций – Урбанс и ван Оверстратен – считали невозможным, а потому призывали к созданию новых партий; по вопросу о природе русского государства, которую некоторые уже тогда определяли как государственно-капиталистическую; об империалистической природе внешней политики СССР, проявившейся во время конфликта на КВЖД, когда Красная Армия вторглась на территорию Китая; наконец, по вопросу о создании в Германии перед лицом наступления нацизма единого фронта с социал-демократией.

Во втором квартале 1929г. Международная Левая Оппозиция конституировалась де-факто. 15 августа во Франции появился первый номер «Правды», издававшейся Росмером, Навилем, Молинье, Гурже и Люси Кольяр – все они имели разное политическое происхождение. Была создана Коммунистическая Лига (Левая Оппозиция), стремившаяся действовать как выразитель всей французской оппозиции.

Левая Фракция, хотя и хотела примкнуть к Международнойлевой Оппозиции, не скрывала своих разногласий с Троцким. На собрании ее временного Центрального Комитета в конце 1928г. (см. №10 «Прометей») была провозглашена «солидарность с действиями его (Троцкого) группы в октябре 1927г., действиями в защиту принципов победоносной пролетарской и коммунистической революции Октября 1917г.», но подчеркивалось, что «сохраняются различия политических позиций Левой Фракции и оппозиционной группы, возглавляемой Троцким».

[1] “Contre le Courant”, fac-simile, ed. François Maspéro, Paris, 1971.

«Прометей» и Троцкий

В 1929г., все еще стремясь к интеграции в Международную Левую Оппозицию, Итальянская Левая в №20 «Прометее» опубликовала письмо Троцкому. Троцкий, лично знавший Бордигу и высоко ценивший его качества, ответил письмом от 25 сентября. Хотя он и собирался создавать оппозицию на чисто «большевистско - ленинской» основе, старый вождь не хотел отталкивать Итальянскую Левую. Эта последняя имела значительное влияние во Франции; ее журнал продавался лучше, чем издания других оппозиционных групп, а для итальянских сталинистов она являлась куда более страшным врагом, чем троцкисты, так что в письме Ярославскому от 19 апреля 1929г. Тольятти требовал, чтобы все коммунистические партии действовали «с максимальной беспощадностью против них», т.е. против бордигистов, и жаловался, что «в и без того очень нелегкой борьбе приходится бороться также против осколков бордигистской оппозиции, которые стремятся организовать всех недовольных во фракцию».^[1]

Из-за престижа Итальянской Лево́й в эмиграции и ее политического веса, ответ Троцкого был весьма доброжелательным и сердечным, и, казалось, признавал, что Фракция является единственным представителем всей Итальянской Лево́й Оппозиции. Троцкий писал:

«Платформа Лево́й (1926г.) произвела очень большое впечатление на меня. Я считаю, что она является одним из лучших документов, вышедших из среды Международной Лево́й Оппозиции». Сравнивая Фракцию с «Пролетарской революцией» и с группой Суварина, Троцкий пел осанну «живой, полнокровной, мускулистой революционной мысли Амадео Бордиги». При этом он добавлял: «С удовольствием отмечу, основываясь на вашем письме, опубликованном в «Прометее», что вы полностью солидаризируетесь с русской оппозицией в вопросе о социальной природе советского государства». В заключение письма, Троцкий подчеркивал разницу между Фракцией и «ультра-левым» «Коммунистическим пробуждением», которое он характеризовал как «путаное» издание:

«Таким образом, имея с одной стороны, центристов, подобных Эрколи [псевдоним Тольятти], а с другой стороны, ультралевых путаников, вы, товарищи, призваны в тяжелых условиях отстаивать исторические интересы итальянского и мирового пролетариата. От всего сердца я желаю вам счастья и успехов» (это письмо Троцкого Фракции было опубликовано во втором номере ее внутреннего бюллетеня в сентябре 1931г.).

Однако при всем при том Троцкий добавил, что он хочет «предоставить времени и событиям возможность проверить нашу идеологическую близость и наше взаимопонимание. Я надеюсь, что они окажутся полными и длительными».

На практике, отношения «троцкистов» к Итальянской Оппозиции остались двусмысленными. В апреле 1930г. в Париже была проведена международная конференция оппозиции, созванная Коммунистической Лигой. Эта конференция избрала Международное бюро, куда вошли Курт Ландау от Германии, Альфред Росмер от Франции и «Маркин» (т.е. сын Троцкого Лев Седов) от России. Через несколько месяцев к ним добавились еще 2 человека: Андрес Нин от Испании и Макс Шахтман от США. Как кажется, Фракция не была приглашена на эту конференцию, хотя опубликовала проект ее резолюции в №31 «Прометей».[2]

Узнав, что «Прометей» не принимал участия в конференции, Троцкий направил 22 апреля письмо в форме ультиматума, в котором потребовал от Фракции, чтобы она четко определила себя в качестве либо «национал-коммунистической» либо «интернациональной тенденции»:

«1. Считаете ли вы, что коммунизм может иметь национальный характер?...Рассматриваете ли вы себя как национальную тенденцию или как часть интернациональной тенденции?»

2... Я не сомневаюсь, что вы считаете себя интернационалистами. В таком случае второй вопрос: к какой именно интернациональной тенденции вы себя причисляете?

3. Ваше отсутствие на предварительной интернациональной конференции может быть расценено как следствие ваших расхождений слевой Оппозицией по принципиальным вопросам. В таком случае третий вопрос: почему вы не организуете интернациональную фракцию вашей собственной тенденции?» (Троцкий. Открытое письмо издателям итальянского коммунистического журнала «Прометей» от 22 апреля 1930г., опубликовано в №2 Внутреннего бюллетеня Фракции).

Ответ Фракции не заставил себя долго ждать. В своем ответе от 3 июня она объясняла, что не присутствовала на конференции вследствие технической причины - «из-за ошибки с передачей письма о созыве конференции руководящим органам нашей Фракции». Далее она выражала свое согласие с «созданием секретариата», назначенного в конце конференции, но также свои «разногласия в методах работы и по поводу отсутствия идеологической базы». В частности, она ответила на третий вопрос Троцкого, настаивая, что не желает создавать искусственный интернациональный организм даже вокруг своей собственной идейной платформы:

«1. Мы рассматриваем себя как часть интернационального движения.

2. С момента создания Коминтерна мы всегда принадлежали к левой тенденции.

3. Мы не хотим создавать интернациональную фракцию нашей собственной тенденции, поскольку, пройдя школу марксизма, знаем, что

интернациональная организация пролетариата не является искусственным конгломератом групп и индивидов из разных стран, сплотившихся вокруг одной группы».

Из ответа Фракции видно, что она была до крайности поражена тем, что Троцкий наклеил на нее ярлык «национал-коммунизма», несмотря на то, что она «представляла первое марксистское ядро сопротивления развитию оппортунизма». Она не собиралась скрывать свои различия с троцкистской оппозицией по вопросам «рабоче-крестьянского правительства», «Единого фронта» и «пролетарских антифашистских комитетов» – все эти лозунги она абсолютно отвергала, считая, что они неизбежно ведут к поражению. Но в своем ответе она больше всего хотела выяснить вопрос о контактах «Международного секретариата» с исключенными из КПИ ее бывшими сталинистскими лидерами. Эти люди (Пьетро Трессо, Альфонсо Леонетти и Раваццоли) были в 1926г. наиболее решительными противниками «бордигистской» тенденции и вплоть до самого своего исключения из КПИ поддерживали сталинистскую политику «строительства социализма в одной, отдельно взятой стране»; они принимали энергичное участие в кампании клеветы противлевой Оппозиции и «троцкизма». И именно они организовали теперь «Новую Итальянскую Оппозицию» (НИО) и были приняты в Международную Оппозицию, до уровня ее секретариата включительно.

Было вполне понятно, что после этого Фракция в своем письме выражала отказ участвовать в работе «руководства Секретариата» - основывая этот отказ на решении Второго Конгресса Коминтерна, что в каждой стране может существовать только одна коммунистическая партия и на необходимости «предохранения пролетарского движения от маневров, которые ведут к триумфу оппортунизма в Коммунистическом Интернационале».

Третье письмо Троцкого – насколько нам известно, его последнее письмо – было датировано 19 июня 1930г. Оно еще более углубило пропасть между Итальянскойлевой и троцкистским движением. Используемый Троцким тон ставил под сомнение искренность «Прометеев». В письме Троцкого говорилось:

-что «1. Из вашего письма понятно, что дело заключается не только в почтовой ошибке»;

-что «2. Течение, которое на протяжении ряда лет остается ограниченным национальными рамками, неизбежно обречено на вырождение»;

-что указанные «Прометеем» расхождения показывают «3...чисто формалистский, неполитический и неревOLUTIONный метод рассмотрения проблемы»;

-что, следовательно «4. Вы должны играть активную роль во всей работе Международнойлевой Оппозиции, т.е. должны войти в ее состав».

Троцкий весьма энергично отвечал на все вопросы, заданные Фракцией, доказывая, будто конференция была чрезвычайно хорошо подготовлена с идеологической точки зрения и что «чудовищно» утверждать обратное. Что касается НИО, он заявлял, что в признании ее Международным секретариатом не было никакого маневра, и что данный секретариат «со всей сердечностью ответил на все вопросы, заданные этими товарищами».

Однако важнее всего было то, что метод, используемый Троцким при создании Оппозиции, был противоположен методу Итальянской Лево́й. На самом деле, Троцкий заявлял, что вопрос политической платформы вторичен и несущественен, и что платформа 1926г. была только «эпизодическим документом, который не дает ответа на вопросы, стоящие сегодня» и что «даже если Коммунистическая Лево́я насчитывает всего 5 человек, она должна стремиться создать свою международную организацию одновременно с национальной».

Последнее письмо «Прометей» Троцкому, не делая уступок на политическом уровне, оставляло открытой дверь для участия Итальянской Лево́й в работе Оппозиции. В нем говорилось, что «Фракция заинтересована в устранении недоразумений и в прекращении политических игр, которые начинаются с фальсификации наших позиций». Фракция не делала фетиш из Платформы:

«Когда мы говорили о платформе, мы делали это в духе ее практического применения, а не в духе превращения ее в священный текст, которому мы поклялись бы в вечной верности, и преданность которому освобождала бы нас от практических обязанностей в пролетарской борьбе.

Наша изоляция явилась результатом не нашей собственной воли, но общей слабости всего левого коммунистического движения.

Что касается нашей т.н. международной изоляции, при объяснении ее причин необходимо учитывать скромные размеры наших сил, которые мы не имеем привычки преувеличивать, поскольку не любим блефовать».

«Прометей» объяснял, что его «осторожность в международных контактах» дала возможность «сопротивляться неизбежным неудачам, вытекающим из предыдущей двусмысленной политики». Его метод был диаметрально противоположен методу русской оппозиции, которая «работала в направлении, предусматривающем отказ от выработки платформ. Именно в этом заключается наше принципиальное расхождение, а не в приписываемом нам утверждении, будто у нас есть завершённый и законченный документ». Бордигистское течение считало, что предварительным условием интернационального объединения является «критический пересмотр работы конгрессов Интернационала, пересмотр принципов и уставов, на основе которых был создан Коммунистический Интернационал». Коминтерн, являвшийся исходной точкой для всех левых оппозиционных групп, не должен был становиться идолом, объектом унижительного культа – каковое отношение было присуще троцкистской оппозиции с ее религиозной приверженностью

решениям первых четырех конгрессов Коммунистического Интернационала. Напротив, Итальянская Левая считала, что эти решения должны пройти проверку критикой:

«Коминтерн представлял собою первую попытку, предпринятую в эпоху империализма. Его работа с самого его основания состояла в механическом обобщении для всех стран программы и тактики русской партии. Коммунистические партии стали паразитами русской партии и русской революции и одна за другой превратились в опору оппортунизма».

Что касается НИО, «Прометей» повторил свое обвинение в маневринничестве по отношению к ней со стороны Международного Секретариата:

«1. Группа из враждебной фракции, которая заявила о своей солидарности с Международной Оппозицией, сразу встретила дружеский прием в прессе французской оппозиции.

2. Все это имело место без информирования нашей Фракции о происходящем. В настоящее время предполагается, например, что ваша группа лучше всех знает активистов и вопросы русского движения. Если бы с вашей стороны не было бы попытки «маневра», вашим первым долгом было бы проинформировать нашу Фракцию.

3. Повторные вопросы нашей Фракции остались без ответа... Вы не только не хотели узнать мнение группы, связанной с Секретариатом, но и не отвечали на вопросы нашей группы о Новой Оппозиции».

Несмотря на вопрос о НИО, Итальянская Левая была готова лояльно участвовать в работе Международного Секретариата, в котором она отказывалась занимать руководящие посты из-за отсутствия у него программных документов, и демонстрировала свою готовность участвовать во всех дискуссиях левой оппозиции и даже вмешиваться в жизнь всех ее секций.

Что касается НИО, то Фракция вела непрерывную дискуссию с ней почти 2 года, без сектантства, но и без компромиссов. Она публиковала тексты и резолюции этой группы в «Прометее»; с конца 1930г. проводились совместные собрания; Фракция предложила даже издание совместного дискуссионного бюллетеня, причем техническую сторону дела брала на себя.[3]

[1] Руководство КПИ предполагало, что Итальянская Левая начитывает в своих рядах больше активистов, чем сталинизированная партия (Архив Перроне, BDIC, Paris-X-Nanterre).

[2] Проект подчеркивает важность конференции в следующих словах:

«Значение этого события обусловлено не числом собравшихся и представленных групп, но фактом, что создание Секретариата, объединяющего группы Оппозиции, является важным шагом в разрешении кризиса коммунистического движения». Однако имелась и оговорка: «Эти условия существуют для международного объединения оппозиции, но внутри каждой страны еще не существует организаций, способных эффективно работать в пользу центра международной оппозиции». Документ призывал:

«а). Создать центр;

б). Чтобы этот центр основывал свою работу на программных позициях;

в). Чтобы индивидуальное членство фракций находилось под контролем Международного секретариата.

Если все эти условия будут отсутствовать, Фракция примкнет к Секретариату, но не будет непосредственно участвовать в его работе».

[3] См. публикацию Леонетти «В оппозиции в КПИ вместе с Троцким и Грамши» в “Bolletino dell’Opposizione comunista italiana (1931–1933)”. Roma, 1977. В №3 этого «Бюллетеня» можно прочитать:

«Страницы «Прометей» были открыты для нас, на них публиковались различные документы, которые официальная пресса все еще скрывала от товарищей из партии, были организованы различные собрания, где разногласия излагались без оскорблений и перехода на личности" («Bolletino” за август 1931г.).

Отношения с НИО, с немецкой и французской оппозициями

Для «бордигистов» задача состояла не в создании «союза» или «Единого фронта», но прежде всего в том, чтобы убедить НИО осуществить критику своего прошлого и отказаться от своих «антифашистских» позиций поддержки «демократических» лозунгов – с целью создать подлинно левую фракцию, целью которой была бы не «критика» КПИ, а победа Фракции путем изгнания сталинистов из коммунистического движения. Эти дискуссии с НИО кончились ничем, и обе стороны остались на своих позициях. В то время, как «Прометей» не смог переагитировать на свою сторону ни одного из членов НИО, случилось обратное: НИО смогла перетянуть на свою сторону активиста Фракции Николо ди Бартоломео (Фоско), поставившего под вопрос программные основы конференции в Пантене: поддерживая позицию Троцкого, он призвал Фракцию участвовать в «Антифашистской коалиции», созданной вокруг итальянских левых партий; он считал, что Фракция не должна вести самостоятельное существование, но заняться тактикой энтризма, «работая в партии,... проникая в партийные органы, с целью предотвратить опасный процесс разложения» («Прометей», №42-43, «Собрание парижского региона»).

В 1931-1932гг. Итальянская Левая с помощью Эрсильо Амброджи установила прямые контакты с немецкой оппозицией. Эта последняя откололась от Ленинского союза в связи с вопросом о классовой природе советского государства, которую Урбанс определял как буржуазную. Новая организация, возглавленная Куртом Ландау, объединяла «Веддингскую [Веддинг – рабочий район Берлина – прим. пер.] оппозицию» в Берлине и группу в Саксонии.

Если верить Амброджи, взаимоотношения были хорошими: сам Амброджи не только принимал участие в собраниях в Веддинге, но и был приглашен на национальную конференцию группы, а затем на предварительную международную конференцию. Там он смог установить контакты с Испанской Оппозицией, представитель которой, Андрес Нин, проживал в то время в Берлине. Критика Амброджи по адресу Немецкой Оппозиции не носила «индивидуальный» характер, но полностью отражала позиции Итальянской Фракции. Немецкая троцкистская группа, начавшая издавать «Перманентную революцию», возникла из слияния нескольких местных групп, слияния, произошедшего без предварительной дискуссии и без принятия общей платформы:

«Ваше объединение произошло на основе более или менее личных соглашений о методах работы Оппозиции, без обсуждения фундаментальных принципиальных вопросов... В итоге у вас нет платформы, на которую вы

могли бы сослаться. Долг берлинской и лейпцигской групп – подготовить платформу так быстро, как возможно... Только после этого станет возможной подлинная объединительная конференция, а если она окажется невозможной, произойдет раскол, который в этом случае тоже будет полезным результатом» (Письмо Амброджи Исполкому Фракции от 1 февраля 1931г., Архив Перроне).

Хорошие отношения сохранились, несмотря на жесткую критику. Когда сын Троцкого Лев Седов («Маркин»), нелегально живший в Берлине и являвшийся членом Международного бюро Оппозиции, призвал порвать отношения с Итальянской Оппозицией, группа Ландау (в резолюции от 24 марта 1931г.) решительно отказалась от этого и выразила «самый резкий протест против поведения т. Маркина» (см. Архив Перроне), поскольку «немецкое руководство получило документы, доказывающие, что Итальянская Левая является частью Оппозиции».[1]

Также очень близкими были отношения с бельгийской оппозицией, по крайней мере, с группой Энно в Брюсселе. В последней состояло значительное число рабочих; вообще, бельгийская оппозиция была единственной, с которой из компартии ушло большинство членов ЦК. Она действовала главным образом в бельгийской столице и в г. Шарлеруа, во втором случае лидером группы был Лесойль. Группа в Шарлеруа примкнула к позициям Троцкого в 1929г., отстаивая необходимость участвовать в выборах и поддерживая СССР в конфликте на КВЖД. В отличие от Энно, стремившегося создать вторую партию, Лесойль хотел исправить КПБ, находясь в оппозиции к ней. Группа в Шарлеруа, поощряемая Троцким, откололась и создала официальную секцию Международной Оппозиции. Несмотря на свое стремление остаться в рядах Международной Оппозиции, группа Энно столкнулась с категорическим нежеланием Троцкого вести дискуссию:

«На первое письмо, посланное руководством нашей оппозиции с разъяснением разногласий, он ответил категорическим нежеланием полемизировать, заявив, что более не считает это руководство принадлежащим к той же фракции, что и он сам. Международное бюро порвало все отношения с бельгийской оппозицией без малейшего объяснения причин»[2] («Как раскололась оппозиция?» – «Коммунист», №9, 1 ноября 1932г.).

Именно с этой группой Итальянская Левая имела наиболее глубокие и сердечные отношения. В отношении политики Троцкого у них существовали даже близость идей и общность работы (см. об этом ниже). Однако Итальянская Фракция была решительным противником идеи о создании «второй партии», каковую идею она считала не только преждевременной, но и прямо противоположной своему методу, обуславливающему создание партии ситуацией, означающей победу Фракции.

Что касается Коммунистической Лиги Навиля, Франка, Молинье и Росмера, политика Фракции состояла в энергичном вмешательстве в происходящие в ней процессы с целью прояснения разногласий. Ее документы публиковались в

Международном бюллетене Оппозиции, а с конца 1931г. она начала издавать на французском языке Информационный бюллетень Фракции Итальянской Лево́й. До февраля 1933г. вышло 6 номеров. Целью Фракции было не замыкаться в самой себе, но сделать свои идеи известными настолько широко, насколько это было возможно.

В 1931г. Коммунистическая Лига прошла через серьезный кризис. Возникли серьезные личные разногласия между Франком и Молинье, с одной стороны, и Навилем и Росмером, с другой. Этот кризис, в котором Троцкий решительно поддержал Молинье (т.н. «Принкипский мир»), кончился уходом Росмера и созданием «Коммунистической Лево́й», возглавляемой Коллине и братом Навилия. Эта группа стала издавать бюллетень «Коммунист». Эволюция же Лиги происходила не к созданию собственной организации оппозиции, но предвосхищала политику энтризма, которую она будет практиковать позднее. В октябре-ноябре 1931г. Лига предложила ФКП восстановить ее в своих рядах, соглашаясь пойти на прекращение издания своей прессы и роспуск своих групп; она даже подписалась на «Юманите». Несмотря на вхождение в Лигу Трена и его группы, кризис Лиги был тотальным, и число ее членов стремительно падало.

В этой ситуации в октябре делегация Фракции, состоявшая из Гатто Маммоне, Верчези, Бьянко и Тото (подлинная фамилия последнего – Габасси) приняла участие в национальной конференции Лиги. Против Молинье, стремившегося к восстановлению оппозиции в ФКП, Фракция заявила: «чтобы возродить партию, вы хотите разрушить оппозицию». Хотя она и «не считала недопустимым при всех обстоятельствах требовать восстановления в партии», она допускала подобное восстановление «только при условиях, прямо противоположных предложенным Лигой», т.е. при условии соглашения ФКП с ее свободным существованием в качестве фракции со своей собственной организацией и прессой. На деле, «прекращение существования Фракции может произойти только одновременно с преодолением кризиса коммунистического движения»: Фракция либо растворится в возрожденной на революционных позициях партии, либо сама станет партией. В отличие от Лиги, итальянские делегаты не считали возможным восстановление партии, поскольку эта последняя оказалась добычей вражеских сил, «угрожающих самим основам пролетарской организации». В этих условиях альтернатива состояла не в «возрождении» или в «оппозиции» внутри здорового организма, но в «неизбежной гибели партии» или в «ее спасении, возможном исключительно при условии победы фракции» (Информационный бюллетень, №3, ноябрь 1931г. и №4, февраль 1932г.). Несмотря на существование очень глубоких расхождений, ввиду того, что и Фракция, и Лига входили в Международный секретариат, было решено перевести совместную работу во Франции на официальный уровень: каждая группа Итальянской Лево́й должна была назначить одного своего активиста в качестве своего представителя при географически близкой группе Лиги: этот делегат не мог участвовать в голосовании и должен был подчиняться решениям, принятым троцкистской организацией. Подобное сотрудничество оказалось недолгим вследствие

растущей враждебности Троцкого в отношении Фракции, из-за которого последняя удалялась все больше и больше от участия в работе Международного секретариата.

Конференция Международнойлевой Оппозиции, намеченная на январь 1931г., была отменена Троцким, считавшим, что ее нужно лучше подготовить. Встревоженный кризисом французской секции Оппозиции и считая, что Итальянскую Левую нужно держать подальше от дел, Троцкий предложил перевести «административный секретариат», созданный в феврале 1931г., из Парижа в Берлин, где он был бы под контролем сына Троцкого, Льва Седова. Это административное решение было принято без опроса мнений секций Международного Секретариата. В ответ на этот шаг, Фракция в циркулярном письме, адресованном ко всем секциям Оппозиции, внесла три предложения:

«1. Необходимо в скором времени провести предварительную конференцию, которая создаст

2. Международное бюро, чьей задачей будет подготовка

3. Подлинной международной конференции» (Резолюция Исполкомалевой Фракции в ответ на письмо Троцкого от 22 декабря 1931г.).

В 1932г., несмотря на отказ Троцкого поддерживать отношения с Фракцией,^[3] последняя продемонстрировала свою готовность к совместной деятельности, предложив издавать общий журнал оппозиции под ответственностью французской и немецкой оппозиций и «Прометей» (см. «Проект создания Информационного интернационального бюро» в «Итог», №1, ноябрь 1933).

[1] Фракция энергично протестовала в своей прессе, разоблачая маневры Троцкого:

«...Сегодня мы видим, что Троцкий использует точно такой же метод, состоящий в делении Международнойлевой Оппозиции на «верных» и «нечестивых», на «большевиков – ленинцев», т.е. его самого и его последователей, и сторонников «бордигизма», представленного в качестве ошибочной, догматической и сектантской, тактики, в качестве «обыкновенного ультралевого инфантилизма»» (Гатто Маммоне. Товарищ Троцкий преувеличивает. – «Прометей», №56, июль 1931г.).

[2] «Во время русско-китайского конфликта, который мог привести к войне, нам нельзя было терять время на дискуссии... точно так же и сейчас мы не можем принять даже косвенную ответственность за сектантские и полубакунистские предрассудки некоторых групп» («Бюллетень оппозиции», №1, статья Троцкого).

[3] В письме от 30 мая 1932г., адресованном Амброджи, Перроне считал даже необходимым послать специального делегата к Троцкому на Принкипо с целью прояснения ситуации.

Причины и последствия исключения Фракции из троцкистской оппозиции

Но это предложение было встречено категорическим отказом. В ноябре 1932г. Троцкий, находившийся в то время в Копенгагене по приглашению датских студентов – социал-демократов, поддержал идею о проведении «предварительной конференции» в феврале 1933г. в Париже, имея целью исключить Итальянскую Фракцию. С этого времени Фракция больше не являлась частью Международнойлевой Оппозиции. В своем большом тексте, написанном после «предварительной конференции», Троцкий доказывал, что «бордигисты на самом деле никогда не являлись органической частью левой оппозиции» и делал отсюда вывод, что «группа «Прометей» никогда не принадлежала к Международнойлевой Оппозиции. Единственной секцией большевиков – ленинцев в Италии является Новая Итальянская Оппозиция».[1]

Подлинной причиной разрыва не был ни «чисто формальный характер вхождения Фракции в Оппозицию», ни тем более «ее функционирование в качестве исключительно национальной секты» (на самом деле, Фракция действовала в нескольких странах). Эта подлинная причина состояла в глубоких политических расхождениях, с самого начала существовавших между «троцкизмом», с одной стороны, и «бордигизмом», с другой. Троцкий признавал, что реальные разногласия заключались в отказе «бордигистов» «бороться за демократические требования при любых условиях и за Единый фронт с социал-демократией сегодня, в 1933г. »

Разрыв был неизбежен, и в 1933г. Фракция горько упрекала себя за то, что вложила так много сил в совместную работу, обреченную на неудачу, за то, что так долго пыталась остаться внутри Международной Оппозиции.[2]

На самом деле, Итальянская Левая вышла из этой конфронтации не ослабевшей, а усилившейся. Во время испытаний грозными событиями 1931 – 1933г. она смогла сохранить преемственность со своими прежними позициями, которые она отстаивала внутри КПИ. Ее разрыв с троцкизмом состоялся на очень четких идейных позициях и положил начало ее самостоятельному существованию в качестве «бордигистского» течения.

Какие принципиальные причины скрывались за разрывом Итальянскойлевой с троцкистской оппозицией, кроме причин чисто организационного характера?

1). Испанский вопрос и «демократические» лозунги. В работе «Испанская революция и задачи коммунистов»[3] Троцкий писал, что «лозунг республики естественным образом является также лозунгом пролетариата». В 1931г. король был изгнан, была установлена республика, которая, при президентстве Леру, без всяких колебаний использовала самые безжалостные репрессии против испанских рабочих. Но Троцкий не только отказался от тезисов Коминтерна о диктатуре пролетариата во имя «демократических лозунгов», он также поддержал право каталонской и баскской буржуазии на отделение, заявив, что

«сепаратистские тенденции ставят революцию перед ее естественным долгом признать право наций на самоопределение». Из всего этого он сделал вывод, что «испанская революция» началась. Но можно ли было назвать революцией переход власти от монархической буржуазии к либеральной буржуазии? На этот вопрос «Прометей» ответил:

«Ясно, что мы не можем последовать за ним (Троцким) по этому пути, и что наш ответ ему, как и анархо-синдикалистским лидерам НКТ заключается в том, что мы безоговорочно отрицаем тезис, согласно которому коммунисты должны быть в первых рядах защитников республики вообще и Испанской республики в особенности».

Для Фракции в империалистическую эпоху «войн и революций» – как определил характер новой эпохи Коминтерн в начале 20 века – мог существовать только один лозунг: диктатура пролетариата, разрушение буржуазного государства со всеми его правыми и левыми партиями. Этот важный вопрос о буржуазной природе социал-демократической партии, банкротство которой провозгласил Ленин, был естественным образом связан с вопросом о Едином фронте против фашизма в Германии.

2). Германский вопрос и Единый фронт. Перед лицом нарастающей угрозы фашизма, выразившего наступление буржуазии против пролетариата в стране, игравшей решающую роль при данной международной ситуации, Троцкий поддержал ту же «тактику», что и в 1923г., призывая к Единому фронту КПГ и СДПГ. В своем письме от 28 июня 1931г. он высказывал ту мысль, что «при определенных ситуациях, победа не исключена даже при очень плохой политике... Победа немецкой компартии не может быть исключена даже при тельмановском руководстве».

Но Фракция считала – и это было подтверждено действительностью – что «центристская революция», т.е. революция под руководством «центристов», как в ту эпоху левые оппозиционеры называли сталинцев, невозможна: «чтобы осуществить революцию, необходима партия, которая была бы способна ликвидировать политику центризма» (Резолюция Исполкома Левого Фракции КПИ о задачах левой фракции КПГ[4]).

Что касается социал-демократии, то Фракция повторяла и развивала свою позицию, согласно которой, подавив немецкий пролетариат в 1919г., убив Карла Либкнехта и Розу Люксембург, социал-демократия создала условия для развития фашизма. Вопреки утверждениям троцкистов, Фракция не придерживалась теории социал-фашизма. Она считала социал-демократию и фашизм двумя различными, но дополняющими друг друга методами подавления пролетариата. Оба эти течения принадлежали к лагерю буржуазии, но играли разную роль в том смысле, что социал-демократия подавила революционное движение пролетариата, тогда как фашизм, в условиях мирового кризиса капитализма, доводил до конца ее работу, заменяя демократические методы господства буржуазии откровенно диктаторскими методами. Вот почему

Итальянская Левая отказывалась посредством «политики Единого Фронта» давать кредит доверия социал-демократии. Единственное решение, настаивала Фракция, состоит в «развитии классовой борьбы» на экономической почве. Фашизм мог быть уничтожен не поддержкой «сил классового врага», но победой пролетарской революции.

3). Вопрос Фракции и Партии. В международной ситуации 1931-1932гг., характеризовавшейся растущим и почти полным подчинением коммунистических партий политике русского руководства, Фракция не видела возможностей для проведения политики «оппозиции», которая на деле могла означать лишь возвращение в коммунистические партии с целью их исправления. Итальянская Левая определяла «оппозицию» как «течение, считающее, что партии могут восстановить свою способность привести пролетариат к победе благодаря специфическим формам жизни партийных организаций (собрания, конференции, съезды и т.п.)». Фракция, с другой стороны, это «организм, который утверждает, что только благодаря ему партия восстановит свою способность привести пролетариат к победе».

Однако Фракция только формально была фракцией «коммунистической партии»: «на самом деле, мы не являемся левой фракцией коммунистических партий, поскольку были исключены из них». Задача Фракции состоит в «обеспечении преемственности коммунистического движения». Т.о., Левая Фракция определяла себя через идеологическую преемственность с прежним революционным движением. Как мы видели, Итальянская Левая стремилась основываться на программных принципах Коминтерна и не претендовала начинать все с чистого листа. Это являлось не сектантской приверженностью прошлому, но принципиальным методом работы Итальянской Лево́й, считавшей, что революционная партия сможет возникнуть только в результате критического подведения итогов старого коммунистического движения, а не в результате спекуляций о будущем. Подобный метод представлял полную противоположность троцкизму: в 1933г. Троцкий заявил о смерти Коминтерна и о необходимости немедленного строительства новой партии. В ответ на это, «бордигисты» утверждали, что условия создания новых партий и нового Интернационала зависят от прогресса работы левых фракций, но также от развития объективной революционной ситуации, которая может поставить в повестку дня превращение фракций в партии. Поэтому Итальянская Левая не могла заявить о создании своей собственной международной фракции: она считала, что это будет зависеть прежде всего от развития левых фракций во всех странах, а не от искусственного провозглашения Интернационала, который в качестве подлинного Интернационала может существовать только в революционной ситуации.

В 1931-1932гг. происходили оживленные дискуссии о перспективах Фракции. Массимо (Амброджи) считал, что предательство коммунистических партий и их превращение в контрреволюционную силу означает, что Фракция должна провозгласить создание партии.^[5] Верчези, противник этой концепции, завоевал поддержку большинства делегатов французской и бельгийской

конференций. В действительности, с 1930г., с момента конференции Бельгийской Федерации, Фракция действовала как автономная организация по отношению к коммунистическим партиям и увеличивала свои силы «путем рекрутирования активистов компартий или тех, кто вышел из них по политическим мотивам», а равным образом и тех, кто никогда не состоял в компартиях.

Фракция или партия? «Центристские» партии или партии, «перешедшие в лагерь классового врага»? Революционная или контрреволюционная ситуация? На все эти вопросы нужно было ответить до появления «Итога». Другие теоретические вопросы, чрезвычайно важные, поскольку определяющие политическое поведение Фракции, почти не разрабатывались до страшного 1933г. Среди подобных вопросов можно отметить такие:

- природа русского государства, которое Фракция в то время все еще считала «пролетарским государством»;
- характер «национал-освободительных» движений, что являлось чрезвычайно важным вопросом в период обострения межимпериалистических противоречий, начавшийся японо-китайской войной в 1931г.;
- роль революционной партии в период диктатуры пролетариата и характер переходного периода к социализму;
- формы пролетарской борьбы после 1914г. и экономические организации пролетариата; работа Фракции в профсоюзах.

Все эти вопросы, вышедшие на первый план в новый период, начавшийся разгромом немецкого пролетариата и растущей интеграцией России в межимпериалистическую конкуренцию, не могли быть разрешены только теоретически. Все они должны были быть рассмотрены, «исходя из конкретной ситуации» – как сформулировал эту задачу Верчези – и на основании подведения итога (на французском языке, “Bilan”) всего революционного движения послевоенного периода, и, в частности, итога русской революции.

[1] “Les Congrès de la Quatrième Internationale”, ed. La Brèche, Paris, 1978, «Международная левая оппозиция, ее задачи и ее методы».

[2] С 1931г. Амброджи склонялся к разрыву с Троцким, как кажется, его мнение разделялось многими членами Фракции.

[3] Статья 24 от января 1931г. в сборнике Троцкого “La Révolution espagnole”, с предисловием П. Бруэ, Minuit, Paris, 1975.

[4] «Информационный бюллетень», №5, март 1932г.

[5] «...d). Т.к. партия стала контрреволюционной партией, Фракция начинает самую беспощадную борьбу против партии и провозглашает саму себя партией пролетариата» (Массимо (Амброджи). Различия тактики и единство перспективы Международной Оппозиции – Информационный бюллетень, №1, январь 1932г.).

Причины и последствия исключения Фракции из троцкистской оппозиции

Но это предложение было встречено категорическим отказом. В ноябре 1932г. Троцкий, находившийся в то время в Копенгагене по приглашению датских студентов – социал-демократов, поддержал идею о проведении «предварительной конференции» в феврале 1933г. в Париже, имея целью исключить Итальянскую Фракцию. С этого времени Фракция больше не являлась частью Международнойлевой Оппозиции. В своем большом тексте, написанном после «предварительной конференции», Троцкий доказывал, что «бордигисты на самом деле никогда не являлись органической частью левой оппозиции» и делал отсюда вывод, что «группа «Прометей» никогда не принадлежала к Международнойлевой Оппозиции. Единственной секцией большевиков – ленинцев в Италии является Новая Итальянская Оппозиция».[1]

Подлинной причиной разрыва не был ни «чисто формальный характер вхождения Фракции в Оппозицию», ни тем более «ее функционирование в качестве исключительно национальной секты» (на самом деле, Фракция действовала в нескольких странах). Эта подлинная причина состояла в глубоких политических расхождениях, с самого начала существовавших между «троцкизмом», с одной стороны, и «бордигизмом», с другой. Троцкий признавал, что реальные разногласия заключались в отказе «бордигистов» «бороться за демократические требования при любых условиях и за Единый фронт с социал-демократией сегодня, в 1933г.»

Разрыв был неизбежен, и в 1933г. Фракция горько упрекала себя за то, что вложила так много сил в совместную работу, обреченную на неудачу, за то, что так долго пыталась остаться внутри Международной Оппозиции.[2]

На самом деле, Итальянская Левая вышла из этой конфронтации не ослабевшей, а усилившейся. Во время испытаний грозными событиями 1931 – 1933г. она смогла сохранить преимущество со своими прежними позициями, которые она отстаивала внутри КПИ. Ее разрыв с троцкизмом состоялся на очень четких идейных позициях и положил начало ее самостоятельному существованию в качестве «бордигистского» течения.

Какие принципиальные причины скрывались за разрывом Итальянскойлевой Оппозиции с троцкистской оппозицией, кроме причин чисто организационного характера?

1). Испанский вопрос и «демократические» лозунги. В работе «Испанская революция и задачи коммунистов»[3] Троцкий писал, что «лозунг республики естественным образом является также лозунгом пролетариата». В 1931г. король был изгнан, была установлена республика, которая, при президентстве Леру,

без всяких колебаний использовала самые безжалостные репрессии против испанских рабочих. Но Троцкий не только отказался от тезисов Коминтерна о диктатуре пролетариата во имя «демократических лозунгов», он также поддержал право каталонской и баскской буржуазии на отделение, заявив, что «сепаратистские тенденции ставят революцию перед ее естественным долгом признать право наций на самоопределение». Из всего этого он сделал вывод, что «испанская революция» началась. Но можно ли было назвать революцией переход власти от монархической буржуазии к либеральной буржуазии? На этот вопрос «Прометей» ответил:

«Ясно, что мы не можем последовать за ним (Троцким) по этому пути, и что наш ответ ему, как и анархо-синдикалистским лидерам НКТ заключается в том, что мы безоговорочно отрицаем тезис, согласно которому коммунисты должны быть в первых рядах защитников республики вообще и Испанской республики в особенности».

Для Фракции в империалистическую эпоху «войн и революций» – как определил характер новой эпохи Коминтерн в начале 20 века – мог существовать только один лозунг: диктатура пролетариата, разрушение буржуазного государства со всеми его правыми и левыми партиями. Этот важный вопрос о буржуазной природе социал-демократической партии, банкротство которой провозгласил Ленин, был естественным образом связан с вопросом о Едином фронте против фашизма в Германии.

2). Германский вопрос и Единый фронт. Перед лицом нарастающей угрозы фашизма, выразившего наступление буржуазии против пролетариата в стране, игравшей решающую роль при данной международной ситуации, Троцкий поддержал ту же «тактику», что и в 1923г., призывая к Единому фронту КПГ и СДПГ. В своем письме от 28 июня 1931г. он высказывал ту мысль, что «при определенных ситуациях, победа не исключена даже при очень плохой политике... Победа немецкой компартии не может быть исключена даже при тельмановском руководстве».

Но Фракция считала – и это было подтверждено действительностью – что «центристская революция», т.е. революция под руководством «центристов», как в ту эпоху левые оппозиционеры называли сталинцев, невозможна: «чтобы осуществить революцию, необходима партия, которая была бы способна ликвидировать политику центризма» (Резолюция Исполкомалевой Фракции КПИ о задачах левой фракции КПГ[4]).

Что касается социал-демократии, то Фракция повторяла и развивала свою позицию, согласно которой, подавив немецкий пролетариат в 1919г., убив Карла Либкнехта и Розу Люксембург, социал-демократия создала условия для развития фашизма. Вопреки утверждениям троцкистов, Фракция не придерживалась теории социал-фашизма. Она считала социал-демократию и фашизм двумя различными, но дополняющими друг друга методами подавления пролетариата. Оба эти течения принадлежали к лагерю буржуазии, но играли

разную роль в том смысле, что социал-демократия подавила революционное движение пролетариата, тогда как фашизм, в условиях мирового кризиса капитализма, доводил до конца ее работу, заменяя демократические методы господства буржуазии откровенно диктаторскими методами. Вот почему Итальянская Левая отказывалась посредством «политики Единого Фронта» давать кредит доверия социал-демократии. Единственное решение, настаивала Фракция, состоит в «развитии классовой борьбы» на экономической почве. Фашизм мог быть уничтожен не поддержкой «сил классового врага», но победой пролетарской революции.

3). Вопрос Фракции и Партии. В международной ситуации 1931-1932гг., характеризовавшейся растущим и почти полным подчинением коммунистических партий политике русского руководства, Фракция не видела возможностей для проведения политики «оппозиции», которая на деле могла означать лишь возвращение в коммунистические партии с целью их исправления. Итальянская Левая определяла «оппозицию» как «течение, считающее, что партии могут восстановить свою способность привести пролетариат к победе благодаря специфическим формам жизни партийных организаций (собрания, конференции, съезды и т.п.)». Фракция, с другой стороны, это «организм, который утверждает, что только благодаря ему партия восстановит свою способность привести пролетариат к победе».

Однако Фракция только формально была фракцией «коммунистической партии»: «на самом деле, мы не являемся левой фракцией коммунистических партий, поскольку были исключены из них». Задача Фракции состоит в «обеспечении преемственности коммунистического движения». Т.о., Левая Фракция определяла себя через идеологическую преемственность с прежним революционным движением. Как мы видели, Итальянская Левая стремилась основываться на программных принципах Коминтерна и не претендовала начинать все с чистого листа. Это являлось не сектантской приверженностью прошлому, но принципиальным методом работы Итальянской Лево́й, считавшей, что революционная партия сможет возникнуть только в результате критического подведения итогов старого коммунистического движения, а не в результате спекуляций о будущем. Подобный метод представлял полную противоположность троцкизму: в 1933г. Троцкий заявил о смерти Коминтерна и о необходимости немедленного строительства новой партии. В ответ на это, «бордигисты» утверждали, что условия создания новых партий и нового Интернационала зависят от прогресса работы левых фракций, но также от развития объективной революционной ситуации, которая может поставить в повестку дня превращение фракций в партии. Поэтому Итальянская Левая не могла заявить о создании своей собственной международной фракции: она считала, что это будет зависеть прежде всего от развития левых фракций во всех странах, а не от искусственного провозглашения Интернационала, который в качестве подлинного Интернационала может существовать только в революционной ситуации.

В 1931-1932гг. происходили оживленные дискуссии о перспективах Фракции. Массимо (Амброджи) считал, что предательство коммунистических партий и их превращение в контрреволюционную силу означает, что Фракция должна провозгласить создание партии.^[5] Верчези, противник этой концепции, завоевал поддержку большинства делегатов французской и бельгийской конференций. В действительности, с 1930г., с момента конференции Бельгийской Федерации, Фракция действовала как автономная организация по отношению к коммунистическим партиям и увеличивала свои силы «путем рекрутирования активистов компартий или тех, кто вышел из них по политическим мотивам», а равным образом и тех, кто никогда не состоял в компартиях.

Фракция или партия? «Центристские» партии или партии, «перешедшие в лагерь классового врага»? Революционная или контрреволюционная ситуация? На все эти вопросы нужно было ответить до появления «Итога». Другие теоретические вопросы, чрезвычайно важные, поскольку определяющие политическое поведение Фракции, почти не разрабатывались до страшного 1933г. Среди подобных вопросов можно отметить такие:

- природа русского государства, которое Фракция в то время все еще считала «пролетарским государством»;
- характер «национал-освободительных» движений, что являлось чрезвычайно важным вопросом в период обострения межимпериалистических противоречий, начавшийся японо-китайской войной в 1931г.;
- роль революционной партии в период диктатуры пролетариата и характер переходного периода к социализму;
- формы пролетарской борьбы после 1914г. и экономические организации пролетариата; работа Фракции в профсоюзах.

Все эти вопросы, вышедшие на первый план в новый период, начавшийся разгромом немецкого пролетариата и растущей интеграцией России в межимпериалистическую конкуренцию, не могли быть разрешены только теоретически. Все они должны были быть рассмотрены, «исходя из конкретной ситуации» – как сформулировал эту задачу Верчези – и на основании подведения итога (на французском языке, “Bilan”) всего революционного движения послевоенного периода, и, в частности, итога русской революции.

[1] “Les Congrès de la Quatrième Internationale”, ed. La Brèche, Paris, 1978, «Международная левая оппозиция, ее задачи и ее методы».

[2] С 1931г. Амброджи склонялся к разрыву с Троцким, как кажется, его мнение разделялось многими членами Фракции.

[3] Статья 24 от января 1931г. в сборнике Троцкого “La Révolution espagnole”, с предисловием П. Бруэ, 1975.

[4] «Информационный бюллетень», №5, март 1932г.

[5] «...d). Т.к. партия стала контрреволюционной партией, Фракция начинает самую беспощадную борьбу против партии и провозглашает саму себя партией пролетариата» (Массимо (Амброджи). Различия тактики и единство перспективы Международной Оппозиции – Информационный бюллетень, №1, январь 1932г.).

Приложение 1

Тезисы абсентистской Коммунистической фракции ИСП

I.

1. Коммунизм - это социально и исторически обусловленная доктрина освобождения пролетариата.

Разработка этой доктрины началась в эпоху первых пролетарских выступлений против последствий буржуазной системы производства и приняла форму марксистской критики капиталистической экономики, методами исторического материализма, в теории классовой борьбы, в концепции развития, представляющей исторический процесс падения капиталистического режима и пролетарской революции.

2. На данной доктрине, чьим первым фундаментальным систематическим выражением стал "Коммунистический Манифест" 1847 г., основывается учреждение коммунистической партии.

3. На данном историческом этапе для пролетариата становится всё более нестерпимым положение, в которое его ставят буржуазные производственные отношения, основанные на частной собственности на средства производства и на обмене, на частном присвоении продуктов коллективного труда, на свободной конкуренции и частной торговле этими продуктами.

4. Этим экономическим отношениям соответствуют политические институты капитализма: государства парламентарно-демократического представительства. Государство в обществе, разделённом на классы, является организацией экономически привилегированной классовой власти. Несмотря на то, что буржуазия представляет меньшинство общества, демократическое государство представляет собой систему вооружённой власти, организованную ради сохранения капиталистических производственных отношений.

5. Борьба пролетариата против капиталистической эксплуатации принимает последовательные формы, от насильственного разрушения машины профессиональной организации ради улучшения трудовых условий, до фабричных Советов и попыток захвата предприятий. Путём всех этих частных действий, пролетариат идёт к решительной прямой революционной борьбе против власти буржуазного государства, препятствующего разрушению существующих производственных отношений.

6. Эта революционная борьба есть конфликт всего пролетарского класса против всего буржуазного класса. Её инструментом является политическая классовая партия, коммунистическая партия, реализующая сознательную организацию того авангарда пролетариата, который осознал необходимость объединить свои усилия, в пространстве, превосходящем интересы отдельных групп, категорий или наций; во времени, подчиняя конечному результату борьбы частичные преимущества и завоевания, не затрагивающие сущность буржуазной структуры. Следовательно, это организация политической партии, преобразующей пролетариат в боевой класс, борющийся за своё освобождение.

7. Целью деятельности коммунистической партии является насильственное свержение буржуазного господства, завоевание пролетариатом политической власти, его организация в доминирующий класс.

8. В то время как парламентарная демократия с её представительством граждан всех классов является формой организации буржуазии в господствующий класс, организация пролетариата в господствующий класс будет реализована в диктатуре пролетариата, или в таком виде государства, в котором представительство (система рабочих Советов) будет состоять только из представителей рабочего класса (промышленный пролетариат и бедные крестьяне) с лишением буржуа избирательных прав.

9. Пролетарское государство, разрушив старую бюрократическую, полицейскую и военную машину, объединит вооружённые силы рабочего класса в одну организацию, предназначенную для подавления всех контрреволюционных сил побеждённого класса и осуществления мер вмешательства в буржуазные отношения производства и собственности.

10. Процесс перехода от капиталистической экономики к коммунистической будет очень сложным и его этапы будут различаться в соответствии с различными условиями экономического развития. Концом этого процесса станет полная реализация: собственности и использования средств производства со стороны объединённой коллективности; централизованного и рационального распределения производственных сил в различных промышленных отраслях: централизованного администрирования коллективом распределения продуктов.

11. Когда отношения капиталистической экономики будут полностью упразднены, уничтожение классов будет свершившимся фактом и государство как политический аппарат власти будет прогрессивно заменяться рациональным коллективным администрированием экономической и социальной деятельности.

12. Процесс преобразования производственных отношений будет сопровождаться громадной серией социальных мер, основанных по тому принципу, что о материальном и интеллектуальном существовании всех своих членов будет заботиться коллектив. Таким образом, постепенно уйдут все формы вырождения пролетариата, унаследованные от капиталистического мира, и в соответствии с "Манифестом", вместо общества разделённого на противоборствующие классы появится ассоциация, в которой свободное развитие каждого станет условием для свободного развития всех.

13. Условия для победы пролетарской власти в борьбе за осуществление коммунизма состоят, скорее чем в рациональном использовании самых компетентных для технических задач, в вверении политических задач по контролю за государственным аппаратом людям, противопоставляющим общие интересы и конечный триумф коммунизма ограниченным интересам частных групп. Поскольку именно коммунистическая партия является организацией тех пролетариев, что обладают подобной классово сознательностью, целью партии станет завоевание, путём пропаганды, для своих активистов выборных функций социального организма. Диктатура пролетариата, следовательно, станет диктатурой коммунистической партии, которая станет правящей, партии в значении, совершенно противоположном тому, чем были старые олигархии, и коммунисты возьмут на себя обязанности, требующие максимального самопожертвования и самоотречения, они возьмут на себя самые тяжёлые задачи революции, которая позволит пролетариату зачать новый мир.

II.

1. Коммунистическая критика, которая непрерывно разрабатывается на основе своих фундаментальных методов и пропаганды выводов к которым она приходит, стремится к искоренению влияния, оказываемого на пролетариат идеологическими системами других классов и партий.

2. Коммунизм в первую очередь высвобождает пространство от идеалистических концепций согласно которым факты умозрительного мира являются основой, а не результатом реальных отношений жизни человечества и их развития. Все религиозные и философские формулировки подобного рода следует рассматривать как идеологический багаж, оставшийся от классов, чьё господство предшествовало буржуазной эпохе и было основано на клерикальной, аристократической или династической организации, оправдывавшейся только сверхчеловеческим вмешательством.

Одним из симптомов упадка современной буржуазии является возвращение в её среду этих старых идеологий, в новых формах, которые она сама уничтожила. Коммунизм на идеалистической основе представляет собой неприемлемый абсурд.

3. Ещё более характерным образом, коммунизм представляет собой критическое разрушение концепций либерализма и буржуазной демократии. Юридическое подтверждение свободы мысли и политического равенства граждан, концепция, согласно которой, учреждения, основанные на праве большинства и на универсальном механизме выборного представительства являются достаточной основой для неопределённого и постоянного прогресса человеческого общества, представляют идеологии, соответствующие режиму частной экономики и свободной конкуренции и интересам класса капиталистов.

4. Одной из иллюзий буржуазной демократии является концепция, согласно которой улучшение жизненных условий масс может произойти благодаря увеличению их образования и обучения со стороны правящих классов и их учреждений. Условием повышения интеллекта больших масс является улучшение их жизненного уровня, несопоставимое с буржуазным режимом; с другой стороны буржуазия через свои школы стремится к распространению как раз тех идеологий, что не дают массам признать в существующих учреждениях препятствие своему освобождению.

5. Другим фундаментальным утверждением буржуазной демократии является принцип национальности. Буржуазным классам необходимо, в утверждении собственной власти, формирование государств на национальной основе, получая преимущество от использования национальных и патриотических идеологий, соответствующих определённым общим интересам на раннем этапе развития капитализма у людей одной нации, говорящих на одном языке и имеющих одни обычаи, замедляя и тормозя конфликт между капиталистическим государством и пролетарскими

массами. Национальная вражда порождается буржуазными интересами. Сама буржуазия без колебаний отбрасывает национальный принцип, когда развитие капитализма толкает её на захват, в т.ч. насильственный, внешних рынков, приводящий к противостоянию больших государственных объединений. Коммунизм преодолевает национальный принцип, когда делает очевидным тождество условий, в которых ничего не имеющий рабочий оказывается перед лицом работодателя, какой бы ни была национальность того и другого; порождая интернациональный союз типа политической организации, которую сформирует пролетариат, когда придёт его черёд

взять власть в свои руки. В свете коммунистической критики недавняя мировая война была порождена капиталистическим империализмом и существуют различные толкования,

интерпретирующие её с точки зрения того или иного буржуазного государства, в качестве требования национальных прав некоторых народов, конфликта более передовых демократических государств против государств с добуржуазной формой организации, наконец, под предлогом необходимости обороняться от вражеской агрессии.

6. Коммунизм также противостоит взглядам буржуазного пацифизма и вильсоновских иллюзий о возможности всемирной ассоциации государств, основанной на разоружении и арбитраже, обусловленных утопией о подразделении государственных объединений по национальностям. Для коммунистов войны прекратятся и национальные вопросы будут решены только после того, как капиталистический режим будет сменён Интернациональной Коммунистической Республикой.

7. В третьем аспекте, коммунизм предстаёт преодолением систем утопического социализма, предполагающих уничтожение дефектов социальной организации путём усовершенствованных планов новой конституции общества, возможность реализации которых ни в коей мере не соотносится с реальным историческим развитием и зависит от инициатив власти имущих или от благотворительности филантропов.

8. В процессе выработки пролетариатом соответствующей теоретической интерпретации общества и истории, которая возглавит его действия против жизненных отношений капиталистического мира, постоянно возникают школы и тенденции, на которые более или менее воздействует сама незрелость условий борьбы и разнообразные буржуазные предрассудки. Отсюда все ошибки и неудачи пролетарского действия; но именно благодаря этому материальному опыту коммунистическое общество совершенствует доктрину и тактику, всё более проясняя их, чётко отграничиваясь и открыто борясь против всех прочих течений, возникающих в лоне пролетариата.

9. Учреждение кооперативных производственных предприятий, в которых капитал принадлежит рабочим, занятым на них, не может стать путём к уничтожению капиталистической системы, поскольку приобретение первичного сырья и распределение продукции на таких предприятиях происходит в соответствии с законами частной экономики и сам их коллективный капитал начинает осуществлять функции кредита, что означает контроль частного капитала.

10. Коммунисты не могут считать профессиональные экономические организации органами, достаточными для борьбы в пролетарской революции или органами основополагающими для коммунистической революции. Профсоюзная организация способна нейтрализовать конкуренцию между рабочими одной профессии и предотвратить падение зарплат на самый низкий уровень, но, так же как она не способна уничтожить капиталистическую прибыль, так она не способна реализовать союз трудящихся всех профессий против привилегий буржуазной власти. С другой стороны простой переход собственности на предприятия от частного владельца к рабочему профсоюзу не смог бы реализовать экономические постулаты коммунизма, согласно которых собственность должна перейти ко всему пролетарскому коллективу, что является единственным способом уничтожения характера частной экономики с её присвоением и распределением продукции. Коммунисты считают профсоюз полем первого пролетарского опыта, позволяющим рабочим двигаться дальше, к теории и практике политической борьбы, органом которой станет классовая партия.

11. В целом является ошибкой верить в то, что проблема революции состоит в форме организации пролетариев по тем группам, которые они формируют по своему положению и интересам в рамках капиталистической системы производства. Не

изменения в структуре экономической организации дадут пролетариату эффективное средство для самоосвобождения. Профсоюзы на предприятиях или фабричные советы появляются в качестве органов защиты интересов пролетариев различных предприятий, когда становится возможным ограничение капиталистического подхода к управлению предприятием. Завоевание подобными организациями более или менее широких прав в контроле за производством не противоречит, однако, капиталистической системе и может стать для неё консервирующим ресурсом. Их переход к управлению предприятиями не означал бы (аналогично тому, что мы говорили о профсоюзах) перехода к коммунистической системе. Согласно здравой коммунистической концепции, рабочий контроль над производством будет реализован только после падения буржуазной власти, как контроль всего пролетариата объединённого в советские государства над деятельностью каждого предприятия; и коммунистическое управление производством будет таковым во всех отраслях и на всех производственных единицах посредством рациональных коллективных органов, представляющих интересы всех трудящихся, занятых в деле построения Коммунизма.

12. Капиталистические производственные отношения не могут быть изменены путём вмешательства органов буржуазной власти. Поэтому, переход частных предприятий в руки государства или местных администраций даже в минимальной степени не соответствует коммунистической концепции. За таким переходом всегда следует выплата капитала равного стоимости предприятия его старому владельцу, который таким образом сохраняет своё право на эксплуатацию; сами предприятия продолжают функционировать как частные предприятия в рамках капиталистической экономики; часто они становятся подходящим средством для сохранения и защиты класса, управляющего буржуазным государством.

13. Концепция согласно которой капиталистическая эксплуатация пролетариата может быть постепенно снижена и уничтожена путём юридических реформ со стороны существующих политических учреждений, благодаря действиям пролетарской партии внутри них или из-за массовых выступлений, ведёт только к сообщничеству в защите буржуазией своих привилегий, иногда уступая по минимуму, чтобы успокоить массовое возмущение и отвлечь революционные усилия от борьбы против основ капиталистического режима.

14. Завоевание пролетариатом политической власти, рассматриваемое также в качестве интегральной цели его деятельности, произойдёт не благодаря его большинству в буржуазных выборных органах. Буржуазии, через посредство выборных органов государства, его прямых агентов, очень просто гарантировать большинство в выборных органах для своих делегатов или тех элементов, которые для того, чтобы внедриться индивидуально или коллективно, попали в сети её игры и под её влияние. Более того, участие в подобных учреждениях влечёт за собой обязанность уважать юридические и политические правила буржуазной конституции. Чисто формальной ценности подобной обязанности достаточно для освобождения буржуазии даже от лёгкого замешательства при формальном обвинении в незаконности её деятельности, когда она вполне логично прибегает к своим реальным средствам вооружённой защиты перед тем как отдать свою власть и позволить уничтожить её бюрократическую и военную систему господства.

15. Признавать необходимости повстанческой борьбы за захват власти, предлагая при этом пролетариату осуществлять свою власть предоставляя буржуазии представительство в новых политических органах (в учредительных собраниях или их

комбинациях с системой рабочих советов), также является неприемлемой программой контрастирующей с центральной коммунистической концепцией диктатуры пролетариата. Процесс экспроприации буржуазии будет сразу же скомпрометирован если допустит её присутствие и влияние на учреждение представительства в пролетарском экспроприаторском государстве. Это позволило бы буржуазии использовать влияние, которое неминуемо останется сильным благодаря её опыту и технической и интеллектуальной подготовке, для насаждения своей политической активности стремящейся к восстановлению её власти путём контрреволюции. Те же последствия будут у любой демократической идеи о равном обхождении, которое якобы должен использовать пролетариат по отношению к буржуа в отношении свободы объединения, пропаганды и печати.

16. Программа организации политического представительства, основанного на делегировании различных профессиональных категорий всех общественных классов, даже не является формальной подготовкой к системе рабочих советов потому что последняя характеризуется исключением буржуазии из выборного права и её центральный организм характеризуется не профессиональным, а территориальным признаком. Форма представительства на словах является скорее низшей стадией той же парламентарной демократии.

17. Глубоко контрастирует с коммунистическими концепциями анархизм, который стремится к немедленному установлению общества без государства и без политических органов, а будущую экономику видит как автономное функционирование автономных единиц, отрицая любой организационный или регулирующий центр человеческой деятельности по производству и распределению. Такая концепция близка частной буржуазной экономике и чужда существу содержания коммунизма. Более того, немедленное уничтожение государства, как аппарата политической власти равно непротивлению контрреволюции, либо предполагает немедленное уничтожение классов, так называемую революционную экспроприацию одновременно с восстанием против буржуазной власти. Такой возможности даже отдалённо не существует, из-за сложности пролетарских задач по замене существующей экономики коммунистической и из-за необходимости управления этим процессом со стороны центрального органа, координирующего общее выполнение задач пролетариата, подчиняя его общим интересам все местные и частичные интересы, игра которых остаётся главной силой сохранения капитализма.

III.

1. Коммунистическая концепция и экономический детерминизм не превращают коммунистов в пассивных зрителей исторического становления, наоборот, они становятся неустанными борцами; борьба и действие стали бы неэффективными, если бы они находились в отрыве от доктрины и опыта коммунистической критики.

2. Революционное дело коммунистов основывается на организации партии пролетариев, объединённых в сознании коммунистических принципов и в решении посвятить все свои усилия делу революции. Партия, организованная на интернациональном уровне, действует на основе дисциплины решений большинства и центральных органов, назначенных им для руководства движением.

3. Фундаментальной деятельностью партии является пропаганда и привлечение новых сторонников, причём последнее основано на главных гарантиях. Даже если успех её действий зависит от распространения её принципов и конечных целей, в процессе борьбы за интересы огромного большинства общества, коммунистическое движение

не делает согласие большинства необходимым условием для своих действий. Критерий о возможности вести революционные действия является объективной оценкой собственных сил и сил неприятеля, в их сложных соотношениях, где количество далеко не единственный и не самый важный фактор.

4. Коммунистическая партия проводит интенсивную внутреннюю работу по изучению и критике, тесно связанную с необходимостью действия и исторического опыта, стремясь к интернациональной организации этой работы. Вовне, во всех обстоятельствах и всеми доступными средствами она проводит пропаганду выводов собственного критического опыта и противостояния вражеским школам и партиям. В первую очередь партия проводит свою пропаганду и деятельность по привлечению пролетарских масс, особенно в тех обстоятельствах, в которых они должны реагировать на условия создаваемые капитализмом и внутри пролетарских органов, созданных для защиты непосредственных интересов.

5. Поэтому коммунисты внедряются в пролетарские кооперативы, профсоюзы, советы на предприятиях, организуя в них группы коммунистических рабочих, стремясь завоевать большинство и руководящие обязанности, чтобы добиться того, что пролетарская масса, состоящая в подобных ассоциациях подчинялась в своих действиях более высоким политическим и революционным целям борьбы за коммунизм.

6. Тем не менее, коммунистическая партия стоит в стороне от всех учреждений и ассоциаций, в которых на одних и тех же условиях участвуют пролетарии и буржуа или, ещё хуже, которыми руководит и управляет буржуазия (общества взаимопомощи, благотворительность, культурные школы, народные университеты, масонские ассоциации и т.д.) и стремится оторвать от них пролетариат, борясь с их влияниями и идеями.

7. Участие в выборах в представительные органы буржуазной демократии и парламентарной деятельности, представляющее постоянную опасность отклонения, может использоваться для пропаганды и формирования движения в периоды, когда ещё нет возможности свергнуть буржуазную власть, когда задачи партии ограничиваются критикой и оппозицией. В данный период, начавшийся с концом мировой войны, первыми коммунистическими революциями и возникновением Третьего Интернационала, непосредственной целью коммунистов является политическое действие пролетариата всех стран, ведущее к революционному завоеванию власти, которому должны быть посвящены все силы и вся подготовительная деятельность. В данный период недопустимо какое-либо участие в органах, prestaющих как мощное средство защиты буржуазии, предназначенные для деятельности в рядах самого пролетариата и противостоящие структуре и функциям системы рабочих советов и пролетарской диктатуры, поддерживаемой коммунистами. Из-за большой практической значимости, приобретаемой выборной деятельностью, невозможно примирить её с тем утверждением, что она не является средством достижения главной цели партийной деятельности: завоевания власти; так же невозможно избежать поглощения ей всей деятельности движения отвлекающей его от подготовки революции.

8. Выборное завоевание местных органов и администраций, представляя в большой мере те же неудобства парламентаризма, не может быть принято в качестве действенного средства против буржуазной власти, потому что такие органы не обладают реальной властью, но подотчётны машине государства; а также потому что подобный метод, хотя он и может несколько смутить господствующую буржуазию, утверждает принцип локальной автономии, противоположный коммунистическому

принципу централизованного действия, являясь, таким образом, точкой опоры буржуазии в противостоянии установлению пролетарской власти.

9. В революционный период все усилия коммунистов направлены на то, чтобы сделать массовые действия более интенсивными и эффективными. Коммунисты интегрируют пропаганду и подготовку с крупными и частыми пролетарскими манифестациями особенно в крупных центрах и стремятся использовать экономические движения для того, чтобы продемонстрировать политический характер, в котором пролетариат утверждает и укрепляет свою цель свержения власти буржуазии.

10. Коммунистическая партия проводит свою пропаганду в рядах буржуазии. Коммунистический антимилитаризм основывается не на стерильном гуманизме, а на цели убедить пролетариев в том, что буржуазия вооружает их для защиты её интересов и пользуется их силой против дела пролетариата.

11. Коммунистическая партия действует как одно большое государство пролетариата в состоянии революционной войны; поэтому оно готовит и организует собственную информационную и коммуникационную сеть; в первую очередь поддерживая и организовывая вооружение пролетариата.

12. Коммунистическая партия не идёт на соглашения и альянсы с другими политическими движениями, обладающими общими с ним текущими целями, но отклоняющимися в программе последующих действий. Также следует сторониться критерия альянсов со всеми остальными пролетарскими тенденциями, принимающими повстанческое действие против буржуазии (т.н. единый фронт), но расходящимися с коммунистической программой в дальнейших действиях. Нельзя считать благоприятным условием подъём сил, направленных на свержение буржуазной власти, когда недостаточны силы для установления пролетарской власти в соответствии с коммунистическими директивами, которые являются единственной гарантией их длительности и успеха.

13. Советы рабочих, крестьянских и солдатских депутатов являются органами пролетарской власти и не могут выполнять свою истинную функцию до тех пор пока не свергнут господство буржуазии. Советы сами по себе не являются органами революционной борьбы; они становятся революционными, когда коммунистическая партия завоёвывает в них большинство.

Рабочие советы могут возникать также до революции, в период острого кризиса, при котором власть буржуазного государства оказывается в серьёзной опасности.

Инициатива учреждения советов может стать необходимостью для партии при революционной ситуации, но не является средством провоцирования такой ситуации.

Если власть буржуазии укрепляется, выживание советов может стать серьёзной опасностью для революционной борьбы, примиряя и комбинируя пролетарские органы с институтами буржуазной демократии.

14. То, что отличает коммунистов - это не предположение прямой классовой борьбы в каждом случае и в каждой ситуации на уровне всех пролетарских сил для общего подъёма, а утверждение, что её повстанческий этап является неизбежным итогом этой борьбы и подготовка пролетариата к победе на этом этапе в благоприятных условиях для окончательного развития революции. В ситуациях, в которых партия может судить лучше, чем остальной пролетариат, она может счесть необходимыми действия, превосходящие или откладывающие решительную схватку. В любом случае особой задачей партии является борьба как против тех, кто стремится начать революционные действия сразу любой ценой и таким образом может привести пролетариат к

катастрофе, так и против оппортунистов, использующих обстоятельства для того, чтобы отвлечь от действия и остановить решительный революционный процесс, направляя активность масс других направлениях. Вместо этого коммунистическая партия должна всё больше действовать в сфере эффективной подготовки к неизбежной, окончательной вооружённой борьбе против буржуазного принципа.

<http://www.sinistra.net/lib/rus/beeahcezur.html>

Приложение 2

Письмо Амадео Бордига Карлу Коршу

Неаполь, 28 октября 1926 г.

Дорогой товарищ Корш,

сегодняшние вопросы настолько весомы, что необходимо действительно их подробно обсуждать, но, к сожалению, мы не будем иметь сейчас такой возможности. А также и возможности письменно обсуждать детально и по всем пунктам Вашу платформу, которые дали бы повод к полезной дискуссии между нами. Например, мне кажется, что Ваш "Метод самовыражения" о России не так хорош. Нельзя говорить, что "русская революция является буржуазной революцией". Революция 1917 ? пролетарская революция, хотя является заблуждением обобщать вытекающие отсюда "тактические" уроки. Сейчас же возникает проблема, что происходит с диктатурой пролетариата в стране, если в других странах революции не последуют. Возможна тогда контрреволюция, внешняя интервенция, дегенеративное развитие, симптомы и рефлексы которого можно определить внутри коммунистической партии. Нельзя так просто сказать, что Россия является страной, в которой развивается капитализм. Ситуация намного сложнее, речь идет о новой форме классовой борьбы, не имеющей исторических прецедентов. Необходимо показать, что вся представляемая сталинистами концепция отношения к средним классам есть отказ от коммунистической программы. Кажется Вы исключаете возможность политики русской коммунистической партии, которая не адекватна реставрации капитализма. Это приводит к попытке оправдать Сталина или поддержать неприемлемую политику "Отхода от власти". Можно возразить на это, что корректная классовая политика в России была бы возможна, если бы не было целого ряда серьезных ошибок в интернациональной политике, совершенных всей "старой ленинской гвардией".

У меня складывается впечатление - я ограничусь первыми впечатлениями -, что Вы в Ваших тактических формулировках, даже если они и приемлемы, слишком преувеличиваете значение тенденции поворота влево, наметившейся сегодня. Вы знаете, что нас, итальянских левых, обвиняют в отрицании анализа ситуации, но это не правда. Но наша цель заключается в конструировании действительно общей, а не случайной левой линии, основывающейся на разделенных по времени различных ситуациях, их фазах

и развитиях, их анализе на хорошем революционном фундаменте, и, конечно же, не игнорируя их различные объективные признаки.

Я перехожу непосредственно к Вашей тактике. Чтобы использовать сокращенные и не...официальные формулировки, я бы сказал, что она представляется мне слишком эластичной и слишком большевистской в интернациональных партийных отношениях. Все объяснение, которым Вы оправдываете позицию по отношению к группе Фишера, т.е. Вы рассчитываете сдвинуть ее влево, или, если они воспротивятся, то разоблачить их в глазах рабочих, меня не убеждает, и мне кажется, что это не дало фактически хороших результатов. Вообще я думаю, что сегодня - больше чем организация и маневрирование - на первом плане должна стоять работа по выработке политической идеологии международных левых, базирующаяся на обговоренных выводах, сделанных Коминтерном. При нашем сильном отставании в этом вопросе, любая международная инициатива будет скована. Я добавлю Вам некоторые соображения о нашей позиции по вопросу о русских левых. Интересно, что мы ситуацию видим по-разному: Вы, будучи очень недоверчивы к Троцкому, быстро восприняли программу неограниченной солидарности с русской оппозицией, при этом ставя больше на Троцкого, чем на Зиновьева (я разделяю с Вами этот приоритет). Сегодня, когда русская оппозиция вынуждена отступить, Вы говорите о заявлении, в котором нужно ее осудить, т.к. она уронила свои флаги. В этом вопросе я с Вами не согласен. Мы и раньше не были готовы объединяться под этим поддерживаемым русской оппозицией флагом.

1. Позиция русских левых в отношении к директивам государственной политики русской коммунистической партии нами разделяется. Поддерживаемая большинством Центрального комитета линия нами осуждается как шаг к дегенерации русской партии и пролетарской диктатуры, который ведет к отходу от программы революционного марксизма и ленинизма. В прошлом мы не боролись с государственной политикой русской коммунистической партии, пока она оставалась на позиции, соответствующей двум документам речи Ленина о натуральном налоге и сообщению Троцкого на 4 Мировом конгрессе. Мы акцентировали тезисы Ленина на 2 Конгрессе.

2. Позиция русских левых по тактике и политике Коминтерна, независимо от вопроса прошлой ответственности многих его членов, неубедительна. Они не сближаются с тем, что мы заявляли со дня основания коммунистического интернационала об отношении партии и масс, о тактике и ситуации, об оценке альтернативы буржуазной политике. Они сближаются, но не полностью в вопросе рабочего метода Интернационала и интерпретации и функции внутренней дисциплины и фракционизма. Обнадеживает позиция Троцкого по немецкому вопросу в 1923 году и также убедительна оценка современного положения. Аналогичной оценки не заслуживают сообщения Зиновьева по вопросам единого фронта Красного Профсоюзного

Интернационала, а так же по другим пунктам, которые носят случайный и ограниченный характер и не придают доверия к тактике, избегающей прошлых ошибок.

3. При существующей политике подавления и провокаций вождей Интернационала и их секций каждая организация национальных и интернациональных групп против сползания вправо представляет опасность раскола. Не нужно стремиться к расколу партий и Интернационала. Нужно прекратить опыт искусственной и механической дисциплины и следованию абсурдности этого процесса там, где это возможно, не уступая при этом позиций идеологической и политической критики и не придерживаясь господствующей линии. Идеологические группы с полноценной традиционно левой позицией могли бы не всегда солидаризироваться с русской оппозицией, при этом не проклиная свою временную подчиненность, не смиряясь с ней, но принимая лишь условия, единственной альтернативой которых был бы раскол. Объективные и внешние условия таковы, что не только в России, но и в рамках Интернационала возможность изменить ход классовой борьбы невелика, в противоположность с возможностью внутри партий.

4. Неприемлема была бы в любом случае солидарность и общность при выдаче политических заявлений с элементами, подобными Фишеру и т.п., которые, так же в других партиях как и в немецких, еще недавно были ответственно вместе с руководством партии то в правом, то в центристском уклоне и чей переход к оппозиции совпал с невозможностью руководство одной партии привести к согласию с международным центром и с интернациональной критикой его политики. Это было бы несовместимо с защитой нового метода и нового курса коммунистического Интернационала, которая должна была последовать за маневрированием парламентарного функционерского типажа.

5. Господствующая линия должна быть признана при помощи любых методов, за исключением отрицающих право на жизнь в партии, как ведущая к оппортунизму и контрастирующая с верностью программным принципам Интернационала, право защиты которых даже от нас могут иметь различные группы, при условии, что они обязуются исследовать начальные, не теоретические, а тактические, организационные и дисциплинарные ошибки, которые сделали Третий Интернационал еще чувствительнее к дегенеративным опасностям. Я думаю, что одной из опасностей существующего Интернационала является локальный и национальный; "оппозиционный блок". Нужно задуматься над тем, как осмыслить не перебарщивая и из этого опыта извлечь пользу. Ленин придавал большое значение спонтанному самоформированию, рассчитывая в котле русской революции сплотить в грубых чертах различные группы и лишь затем вначале гомогенно сплавить. В большинстве случаев это ему не удалось.

Я хорошо понимаю, что работа, которую предлагаю, не легка, т.к. не хватает организационных связей, возможностей публикации, пропаганды и т.п. Несмотря на это я верю, что еще можно ждать. Появятся новые внешние события, и в любом случае я рассчитываю на то, что система осадного положения сама по себе истощится, прежде чем она вынудит нас к провокациям. Я верю, что мы не поддадимся в этот раз тому обстоятельству, что русская оппозиция вынуждена подписать против нас несколько предложений, возможно, чтобы скрыться в каком-нибудь другом пункте мучительного содержания документа. Эти рефлексы включаются также в расчеты "большевизирующих". Я попытаюсь выслать Вам материал об итальянских делах. Мы не приняли объявление войны, заключенное во временном отстранении некоторых руководящих элементов левых, и дело не имело никаких последствий фракционного характера. Батареи дисциплины выстрелили в вату. Это не хорошая ситуация, нас всех удовлетворяющая, но и не самая худшая из возможных. Мы вышлем Вам копию нашего протеста в Интернационал.

И в заключение, я верю, что это не тот случай, выдавать международное заявление, как предлагаете Вы, и я не верю так же, что дело практически решаемо. Я верю однако, что было бы полезно провести в разных странах собрания и составить заявления, которые на основе вашего содержания по проблеме России и Коминтерна проходили бы идеологически и политически параллельно, не предлагая при этом точных доказательств фракционного "заговора", при этом каждый свободно мог бы выработать свое мнение и свой опыт.

Я считаю, что в этом внутреннем вопросе тактика "Самоотдаления-от-событий" очень часто оказывается хорошей, что при внешних вопросах очень вредно и оппортунистично. И тем более из-за особой игры внутренних механизмов власти и механической дисциплины, которые, как я твердо верю, предназначены для того, чтобы саморазрушаться. Я знаю, что написанное недостаточно и не совсем ясно. Извините меня и теперь всего хорошего.

Амадео Бордига

<http://www.sinistra.net/lib/rus/keruahecar.html>

Приложение 3

Манифест Коммунистической Левой к пролетариям Европы (июнь 1944г.)

Уже почти 5 лет в Европе свирепствует империалистическая война со всеми создаваемыми ею нищетой, убийствами и разрушениями.

На русском, французском и итальянском фронтах десятки миллионов рабочих и крестьян убивают друг друга исключительно ради интересов алчного и кровавого капитализма, подчиняющегося только законам прибыли и накопления.

В эти 5 лет войны, особенно в последний год – год «освобождения народов», как вам говорят – исчезли многие фальшивые программы, многие иллюзии, и маска, за которой скрывается отвратительный лик капитализма, рухнула.

В разных странах вас мобилизовывали на войну с помощью разных идеологий, но все они имеют одну цель, один результат: вовлечь вас на бойню друг против друга, рабочих против рабочих, братьев против братьев.

Фашизм и национал-социализм требуют «жизненного пространства» для своих эксплуатируемых масс, но за этим лозунгом скрывается только их отчаянное усилие вырваться из глубокого кризиса, который подрывает самые их основы.

Англо – американо – русский блок хочет – так может казаться – спасти вас от фашизма и вернуть вам ваши права и свободы. Но эти обещания на самом деле имеют целью только вовлечь вас в войну за уничтожение того фашизма, который был порожден самим капитализмом, за уничтожение фашизма как крупного империалистического конкурента англо – американо – русского блока, за уничтожение фашизма, изжившего себя в качестве способа жизни и господства капитализма.

Атлантическая хартия, план новой Европы – это только дымовая завеса, за которой скрывается подлинная сущность конфликта – войны империалистических бандитов с ее мрачной чередой разрушений и убийств, всею своею тяжестью падающих на плечи пролетариата.

Пролетарии!

Вам говорят, вас хотят заставить поверить, что эта война – не такая, как все остальные. Вам лгут. Пока есть эксплуататоры и эксплуатируемые, капитализм – это война, война – это капитализм.

Революция 1917г. была пролетарской революцией. Она явилась замечательным доказательством, что пролетарии способны стать господствующим классом и пойти вперед к созданию коммунистического общества. Она была ответом трудящихся масс на империалистическую войну 1914 – 1918гг.

Но вожди русского государства отказались от принципов этой революции, превратили коммунистические партии в националистические партии, распустили Коммунистический Интернационал и помогают мировому капитализму тащить вас на бойню.

Если бы в России они оставались верны принципам революции и интернационализма, если бы они постоянно призывали пролетарские массы объединиться в борьбе против капитализма, если бы они не примкнули к этому маскараду, к Лиге наций, для империализма было бы невозможно развязать новую войну.

Участвуя в империалистической войне в союзе с группой империалистических держав, русское государство предало русских рабочих и мировой пролетариат.

Пролетарии Германии!

Ваша буржуазия рассчитывает с вашей помощью, с помощью вашего упорства и трудолюбия завоевать для своего империализма господствующее положение в промышленном и сельскохозяйственном регионе Европы. Превратив Германию в казарму, заставляя вас 4 года работать на износ, чтобы поддерживать на ходу машину войны, - теперь она бросает вас во все страны Европы, чтобы вы - как это бывает в любом империалистическом конфликте - повсюду несли смерть и разрушения.

План вашего империализма был обречен на провал законами развития интернационального капитализма, которые с 1900г. уничтожили всякую возможность расширения империалистической формы господства^[1] и, более того, всякого националистического проявления.

Глубокий кризис, который свирепствует сейчас в мире - и в частности, в Европе - это неразрешимый кризис, смертельный кризис капиталистического общества.

Только пролетариат путем коммунистической революции может уничтожить причины бедствий и нищеты рабочих и всех трудящихся.

Рабочие и солдаты!

Судьба вашей буржуазии теперь будет решена в схватке империалистических конкурентов. Но мировой капитализм не может закончить войну, потому что война - это его последняя и единственная возможность выжить.

Ваши революционные традиции глубоко укоренены в классовой борьбе прошлого. В 1918г., вместе с вашими пролетарскими вождями Карлом Либкнехтом и Розой Люксембург, и в 1923г. (несмотря на оппортунизм, уже тогда поднимавшийся в Коммунистическом Интернационале) вы навеки запечатлели в истории вашу революционную волю и силу.

Национал-социализм Гитлера и оппортунизм Третьего Интернационала заставил вас поверить, что ваша судьба связана с борьбой против Версальского мира. Эта ложная борьба могла только привязать вас к программе вашего капитализма, который отличался жадной реванша и готовился к нынешней войне. Ваши интересы как пролетариев связаны только с интересами всех эксплуатируемых в Европе и во всем мире.

Вы занимаете решающее место, чтобы остановить чудовищную войну. Следуя примеру итальянского пролетариата, вы должны начать борьбу против военного производства, вы должны отказаться убивать ваших братьев рабочих.^[2] Ваш протест должен выразиться в

акциях классовой борьбы, в стачках и массовых выступлениях. Как и в 1918г., судьба пролетарской революции зависит от вашей способности разбить цепь, приковывающую вас к чудовищной машине немецкого империализма.

Рабочие и трудящиеся в Германии! [3]

Вас насильно ввезли в Германию, чтобы вы строили машину разрушения. Немецкая буржуазия ставит вас к станкам, а немецких рабочих, работавших на этих станках до вас, посылает на фронт.

Какой бы вы ни были национальности, вы – эксплуатируемые.

Ваш единственный враг – это немецкий и мировой капитализм, ваши братья – это немецкие рабочие и рабочие всего мира. Вы привозите с собой в Германию традицию и опыт классовой борьбы ваших стран и всего мира. Вы – не «чужаки», не «иностранцы» для немецких пролетариев.

Ваши требования и ваши интересы одинаковы с интересами ваших немецких братьев. Участвуя в классовой борьбе на заводах, на производстве, вы можете эффективно содействовать срыву империалистической войны.

Пролетарии Франции!

Во время стачек 1936г. все партии с помощью маневров хотели превратить ваши справедливые и оправданные требования в демонстрацию поддержки готовившейся войны. «Эра процветания», которая, как уверяли вас демагоги Народного фронта, была тогда в полном расцвете, на самом деле представляла собой глубокий кризис французского капитализма.

Эфемерное улучшение уровня вашей жизни и ваших условий труда не было результатом экономического оживления, но было вызвано необходимостью для капитализма дать толчок военной промышленности.

Вторжение во Францию эксплуатировалось всеми ответственными за войну – от левых до правых – чтобы внедрить в ваши головы ненависть и жажду мести против немецких и итальянских рабочих, которые не больше, чем вы, ответственны за начало войны и которые, подобно вам, испытывают на себе все последствия ужасной бойни, задуманной и приготовленной всеми капиталистическими группами.

Правительство Петена – Лавалья говорит вам о «Национальной Революции». Это – самая низкопробная ложь и самый реакционный метод, чтобы заставить вас, исключительно ради выгоды капитализма, принять на себя все тяжелые последствия военного поражения.

Алжирский комитет [4] рисует перед вами картинки возврата к довоенному изобилию и процветанию. Каковы бы ни были цвет и форма завтрашнего правительства, трудящиеся массы Франции и других стран Европы заплатят тяжелую военную дань англо-американо-русским империалистам – дань руинами и разрушениями, осуществленными обеими борющимися армиями.

Пролетарии Франции!

Слишком многих из вас убедили надеяться и верить в благополучие, принесенное армиями, будь эти армии английскими, американскими или русскими. Интриги и противоречия, которые уже происходят в «тройке» грабителей из-за дележа добычи, предсказывают, что условия, навязываемые пролетариату, будут тяжелыми, если вы не вступите на путь классовой борьбы.

Слишком многие из вас превратились в пособников капитализма, участвуя в партизанской войне, в этом крайнем выражении национализма.

Вашими врагами не являются ни немецкие, ни английские или американские солдаты, но немецкий и англо-американский капитализмы, которые посылают этих солдат на войну, на смерть и убийства. Ваш враг - это-ваш собственный капитализм, будь он представлен Лавалем или де Голлем. Ваша свобода не зависит от судьбы и традиций вашего правящего класса, но от вашей независимости в качестве класса пролетариев.

Вы - дети Парижской Коммуны, и только вдохновляясь ею и ее принципами, вы сможете разбить цепи рабства, которые приковывают вас к отжившему аппарату капиталистического господства, сможете порвать с традициями 1789г. и с законами буржуазной революции.

Пролетарии России!

В 1917г. вместе с вашей большевистской партией и с Лениным вы свергли капиталистический режим и установили первую Республику Советов. Ваше замечательное классовое действие открыло исторический период решительной битвы между двумя противостоящими друг другу обществами: старым, буржуазным, обреченным погибнуть под тяжестью собственных противоречий и новым, в котором пролетариат, став господствующим классом, начнет движение вперед, к бесклассовому обществу.

В то время тоже свирепствовала империалистическая война. Миллионы пролетариев гибли на полях битв ради интересов капитализма. Пример вашей решительной борьбы вдохновил рабочие массы на то, чтобы остановить бессмысленное убийство. Порвав с империалистической войной, ваша революция стала программой, боевым знаменем для борьбы эксплуатируемых всего мира. Капитализм, терзаемый экономическим кризисом - который еще более усилился в результате войны - дрожал от страха перед пролетарским движением, вспыхнувшим во всей Европе.

Окруженные белыми армиями и экономической блокадой мирового капитализма, который хотел задушить вас голодом, вы смогли прорваться сквозь кольцо контрреволюции: благодаря героическому вмешательству европейского и мирового пролетариата, вставшего на путь классовой борьбы, буржуазная коалиция не смогла осуществить полномасштабную интервенцию против пролетарской революции.

Этот урок был решающим: после него стало понятно, что классовая борьба будет развиваться в мировом масштабе, и что пролетариат должен создать свою Коммунистическую партию и свой Интернационал, основанные на программе, подтвержденной вашей коммунистической революцией. Также стало понятно, что буржуазия будет стремиться к подавлению рабочего движения и к коррумпированию вашей революции и вашей власти.

В нынешней империалистической войне вы находитесь не на стороне пролетариев всего мира, но против них. Теперь ваши союзники не рабочие, а буржуазия. Вы защищаете не Советскую власть 1917г., а «социалистическое» отечество. Вашими товарищами являются не Ленин и его соратники, а новые золотопогонники, обвешанные орденами генералы – которые, как и во всех капиталистических странах, представляют собой символы кровавого милитаризма и убийц пролетариата.

Вам говорят, что в России больше нет капитализма, но вас эксплуатируют точно так же, как и остальных пролетариев – и ваша рабочая сила пожирается пучиной войны – и сундуками мирового капитализма. Ваша «свобода» – это свобода убивать ради того, чтобы капитализм смог выжить. Ваша классовая партия исчезла, ваши Советы уничтожены, ваши профсоюзы превратились в казармы, ваша связь с мировым пролетариатом порвана.

Товарищи, рабочие в России!

Среди вас, как и повсюду, капитализм сеет нищету и разрушения. Пролетарские массы Европы – точно так же, как вы в 1917г. – ждут подходящего момента, чтобы восстать против ужасных условий эксплуатации, навязанных войной. Как и вы, они будут бороться против всех, кто несет ответственность за это чудовищное безумие – будь они фашистами, демократами или мнимокommунистическими властителями России. Как и вы в 1917г., пролетарии Европы свергнут чудовищный режим угнетения, каким является капитализм.

Их знаменем будет ваше знамя 1917г.

Их программой будет ваша старая программа – та программа, которую ваши властители отняли у вас – программа коммунистической революции.

«Ваше» государство объединяется с силами контрреволюции. Вы должны солидаризоваться и брататься с пролетариями всего мира – вашими товарищами и братьями, вы должны бороться плечом к плечу с ними, чтобы создать в России, как и в других странах, условия для победы мировой коммунистической революции.

Английские и американские солдаты!

Ваш империализм строит планы подчинения и порабощения всех народов, чтобы спастись от смертельного кризиса, который охватил все общество.

Уже до войны, несмотря на колониальное господство и чудовищное богатство ваших буржуазий, вы страдали от безработицы и нищеты, безработными были миллионы из вас.

Против ваших стачек – даже против стачек за законные требования, буржуазия использовала, не колеблясь, самое варварское средство подавления: газ.

Пролетарии Германии, Франции, Италии, Испании хотят свести свои счета со своими буржуазиями, которые, подобно вашей буржуазии, несут ответственность за бесчестные убийства.

От вас ждут, что вы сыграете роль жандармов, вас пошлют против бунтующих пролетарских масс.

Вы должны отказаться стрелять, вы должны брататься с солдатами и рабочими Европы.

Их борьба – это ваша классовая борьба.

Пролетарии Европы!

Вас окружает целый мир врагов. Все партии, все программы не выдержали испытания войной: все они увековечивают ваши страдания, все они объединяются, чтобы спасти капиталистическое общество от кризиса.

Вся банда мерзавцев, служащих буржуазной верхушке – от Гитлера до Черчилля, от Лаваля до Петена, от Сталина до Рузвельта, от Муссолини до Бономи – сотрудничает с буржуазным государством, чтобы проповедовать порядок, труд, дисциплину, отечество – все это ради продолжения вашего угнетения.

Несмотря на предательство лидеров русского государства, формулы, тезисы, предсказания Маркса и Ленина находят в самой гнусности нынешней ситуации убедительное подтверждение.

Никогда классовая противоположность между эксплуатируемыми и эксплуататорами не была столь очевидной и столь глубокой.

Никогда необходимость покончить с режимом нищеты и убийств не была столь неотложной.

Вслед за убийствами на фронтах, вслед за бомбардировками городов с воздуха, после 5 лет всеобщей нехватки идет голод.

Война распространяется на весь континент: капитализм не знает, как покончить с войной, и не может сделать это.

Не путем поддержки одной из двух форм буржуазного господства можно сократить конфликт.

На этот раз итальянский пролетариат указал путь борьбы, путь восстания против войны.

Не существует другой альтернативы, другого пути, кроме превращения войны империалистической в войну гражданскую --как это сделал Ленин в 1917г.

Пока существует господство капитала, для пролетариата не будет ни хлеба, ни мира, ни свободы.

Пролетарии – коммунисты!

Есть много партий, слишком много партий. Но все они – даже троцкистские группы – служат контрреволюции.

Нет одной – единственной партии: классовой политической партии пролетариата.

Только Коммунистическая Левая осталась с пролетариатом, только она сохранила верность марксизму, верность коммунистической революции. Только на основе этой программы пролетариат сможет вернуть свои организации – т.е. инструменты, необходимые для его борьбы и победы. Этими инструментами являются новая Коммунистическая партия и новый Интернационал.

Против всех видов оппортунизма, против любого оппортунизма и отказа от классовой борьбы Фракция [5] призывает вас помочь пролетариату освободиться от гнета капитала.

Против объединенных сил капитализма нужно строить непобедимую силу пролетарского класса.

Рабочие и солдаты всех стран!

Только вы можете остановить беспрецедентную в мировой истории чудовищную бойню. Рабочие! Во всех странах останавливайте производство продукции, предназначенной для убийства ваших братьев, ваших жен и детей.

Солдаты! Прекратите огонь, бросайте оружие! Братитесь поверх всех искусственных границ, навязываемых капитализмом. Объединяйтесь в фронт интернациональной классовой борьбы!

Да здравствует братание всех эксплуатируемых!

Долой империалистическую войну!

Да здравствует мировая коммунистическая революция!

Приложение 4

PARTITO COMUNISTA INTERNAZIONALISTA, MILANO, 1944

NATURA DELLA GUERRA

Le guerre napoleoniche, come tutte le altre susseguitesì, tra le quali quella del risorgimento italiano, portavano l'impronta della rivoluzione borghese. In effetti queste guerre non rappresentavano altro che l'atto conclusivo di una nuova fase economica, la quale aveva potuto procrearsi nel grembo stesso della vecchia società; l'economia borghese dopo aver penetrato in seno alla società feudale ricorre alla guerra per poter suggellare la vittoria politica.

La guerra aveva quale obbiettivo l'abbattimento delle barriere traballanti del feudo, in vista della creazione dello stato nazionale, il che voleva dire aprire nuovi orizzonti economici alla nuova classe dirigente.

Ad un certo momento dello sviluppo dell'economia allargata nazionale, con la presenza del nuovo fattore procreato dallo stesso sviluppo dell'economia industriale, il proletariato - il quale per le sue esigenze rivendicative era portato a lottare sul terreno di classe - conseguentemente spingeva indirettamente la classe nemica alla ricerca dei nuovi mercati per collegare quella merce che sul mercato nazionale non aveva più possibilità di essere smerciata. Fu da questa lotta inevitabile tra proletariato e borghesia che ebbe inizio il periodo della guerra del brigantaggio coloniale.

La corsa alle colonie aveva due significati intimamente legati: da una parte la guerra rappresentava di per se stessa un fattore d'impiego del plusvalore, che non trovando posto di collocamento negli ambiti dell'economia nazionale, rappresentava un fattore di crisi permanente; dall'altra i frutti delle conquiste di nuove terre di influenza che si sarebbero verificati in un secondo tempo con la messa in valore dei nuovi territori nel senso di creare un nuovo mercato di consumo.

Quale contraccolpo ai due suddetti fattori, si verificava un crescente potenziamento numerico del proletariato, in effetto dell'inevitabile sviluppo industriale dovuto alle necessità dei nuovi mercati, ed inoltre un risveglio della potenza politica del proletariato, il quale da quest'epoca passava dalla fase iniziale dei grandi organismi di massa (organi di difesa) a quella della formazione di organi di partito.

L'epoca di floridezza economica che si aperse in relazione diretta alle conquiste coloniali, comportò in seno al proletariato il manifestarsi di una fatale illusione: l'illusione riformista. La tendenza riformista in seno ai partiti socialisti ebbe il sopravvento; essa si basava su una falsa visione del come la classe proletaria realizza la sua emancipazione di fronte al suo nemico capitalista. La posizione controrivoluzionaria consisteva nel fatto di credere possibile staccare il fattore economico da quello politico. Lo strappo di una rivendicazione economica da parte proletaria avrebbe dovuto comportare di riflesso una nuova tappa verso la strada *rivoluzionaria* dell'abbattimento dello stato capitalista, e solo su questa direzione di lotte per il continuo riallacciamento del fattore minimo al fattore massimo del potere, il proletariato avrebbe potuto evitare di essere trascinato nel vertice della guerra 1914-1918.

Il tradimento socialista, viceversa, si appoggiava su un piano completamente opposto, cioè la rivendicazione economica veniva valorizzata quale punto di partenza per il raggiungimento della *riforma* politica, la quale a sua volta doveva rappresentare una tappa vittoriosa verso il potere proletario.

Alla fine di questo tragitto di penetrazioni (il quale dopo aver fatto economia di una rivoluzione doveva concludersi con il trionfo pacifico del socialismo), il mostro della guerra si presentò sotto le spoglie degli stessi uomini e organismi che giuravano per l'idea socialista.

Era inevitabile che al termine della fase evoluzionistica che ebbe inizio a favore nei nuovi margini dei mercati coloniali, una crisi di dominio doveva sconvolgere le base stesse della società capitalistica. La classe proletaria mondiale era annientata dalla politica riformista e perciò impotente ad opporsi allo scatenamento del conflitto.

Se le guerre napoleoniche e quelle del risorgimento italiano aprivano nuovi orizzonti all'economia borghese, la quale poteva dilagare su scala nazionale, le guerre coloniali davano respiro di una maggiore portata e lo sviluppo tecnico industriale poteva lanciarsi in spazi quasi illimitati. Ma l'illusione di una evoluzione economica senza fine su basi borghesi cadde nella constatazione che il mercato coloniale si saturava nel capovolgimento della sua funzione primitiva, cioè da cliente minacciava di trasformarsi in offerente. Lo stesso fenomeno che travalicava l'economia metropolista avvolgeva disperatamente nel loro irresistibile sviluppo industriale le stesse colonie.

Da questo fenomeno ebbe origine la guerra 1914-1918, guerra di decadenza dunque, giacché non si trattava più di andare alla conquista di nuovi mercati, ma bensì di una nuova ripartizione delle zone di influenza già acquisite dal capitalismo mondiale. Il trattato di Versailles doveva rappresentare la base di una pace duratura, ma fu invece il punto di partenza del diversivo per la preparazione di un nuovo conflitto. Infatti i vincitori della ultima guerra non poterono evitare di essere travolti nella crisi mondiale iniziata nel 1929 con il crac americano, e ciò nonostante la spogliazione delle colonie tedesche, mentre la Germania di Hitler poté iniziare la sua campagna demagogica antiversagliese per trascinare le masse verso la guerra. Dall'altro canto le democrazie poterono galvanizzare la masse verso la guerra antifascista, per poter nascondere quella crisi congenita al capitalismo mondiale che si chiama mancanza di sbocchi commerciali. In realtà la ripresa economica iniziata nel dopoguerra aveva una sola origine e certamente non quella del passaggio delle colonie tedesche in nuove mani, ma bensì dal fatto concreto della distruzione del potenziale economico verificatosi nell'immane guerra.

Ripresa ricostruttiva dunque, anzi *ripetizione* economica: ecco l'unico mercato conquistato dal capitalismo mondiale, mercato che ha la sua chiusura nel 1929 e che si apre in pieno solo nel 1932 con la messa in piedi dell'economia di guerra.

Le caratteristiche della guerra attuale si pongono su un piano molto più elevato, pur avendo quale punto di partenza le stesse basi della guerra 1914-1918, cioè anche questa guerra fa parte della serie di conflitti a carattere distruttivo.

Mentre nella guerra 1914-1918 si sperava risolvere la crisi con la spogliazione del "nemico" dei suoi blocchi coloniali, nell'attuale conflitto l'obiettivo prende delle proporzioni molto più profondo, giacché il capitalismo mondiale ha realizzato la coscienza del pericolo che lo sovrasta.

Il fallimento della stabilizzazione a lunga portata dell'economia mondiale, costringe il capitalismo ad evadere dal vecchio concetto di guerra, basato puramente su antagonismi economici tra stato e stato, ed i nuovi obiettivi saranno molto più chiari in quantoché non si tratterà più dell'obiettivo minimo di strappare una nuova zona d'influenza ad un concorrente, bensì di

infrangere ed annientare i punti fondamentali di un'industria capace di trasformarsi in base di partenza verso il socialismo.

L'incrocio del formidabile potenziale industriale tedesco con il bacino agricolo danubiano, avrebbe realizzato l'embrione decisivo del socialismo. Impedire la comunione di questi due fattori, ecco l'obbiettivo del capitalismo mondiale. Se la Germania nel suo formidabile sviluppo industriale minacciava di valicare gli argini-base della società borghese - e questo pericolo non era possibile evitarlo neanche con la buona volontà di Hitler - evidentemente il capitalismo, e per lui Hitler stesso, non poteva non convincersi che l'unica strada per risolvere la crisi di sviluppo era la guerra. La guerra giacché l'altro corno del dilemma si chiamava rivoluzione ed esso pure covava in potenza nelle viscere del capitalismo.

La situazione tedesca dopo la decapitazione degli spartachisti nel 1919 con l'assassinio di Rosa Luxemburg e Carlo Liebknecht da parte di sicari militaristi diretti della socialdemocrazia per il capitalismo mondiale, era soddisfacente e poteva vivacchiare tranquillo intervenendo attraverso aiuti economici finanziari ecc.

La possibilità di vittoria proletaria nel periodo di crisi del 1923, era già compromessa dall'errore commesso al congresso di Halles nel 1922 con la fusione degli spartachisti e socialisti indipendenti; fatto, questo, che comportò l'annegamento della parte sana degli spartachisti in seno alla zavorra opportunistica. Le tesi opportuniste del III Congresso dell'Internazionale completarono il quadro della disfatta del proletariato tedesco, il quale, guidato dai centristi, doveva cadere nelle braccia del fascismo e trascinato alla guerra. Il capitalismo mondiale poteva giudicare pacificamente l'evolversi della situazione tedesca che la mancanza di un vero partito impediva di sboccare verso la rivoluzione. Il trionfo di Hitler ha rappresentato la conclusione della crisi che aveva già imboccato la via della guerra.

Il ruolo controrivoluzionario dei Noske, Scheidemann e compagni, rappresentanti della socialdemocrazia tedesca, e la politica centrista, erano la garanzia per il capitalismo mondiale dello svolgersi inevitabile della situazione tedesca verso il fascismo: cioè la guerra.

Hitler al potere in Germania nel 1933 rappresentava l'unica via di salvezza della situazione tedesca nei confronti degli interessi mondiali del capitalismo. La corsa sfrenata agli armamenti fatta dal nazismo, era l'unica politica capace di dare respiro ad una economia senza via d'uscita. Il riarmamento della Russia, l'annessione della Sarre ecc. non erano altro che gli anelli di una stessa catena, che aveva diretto legame alle basi stesse della società borghese. Più che un disperato tentativo di arginare l'irruenza tedesca verso la guerra alla conferenza di Monaco verso il 1938 si recitò una commedia che consisteva nel reciproco tasto di polso per misurarsi la temperatura che, pur essendo altissima nei confronti della Germania, travagliava tutti i presenti della stessa febbre; la diagnosi era senza appello: la GUERRA.

La crisi sociale acuta del subito dopoguerra che investì il settore italiano, permise al capitalismo di infrangere l'assalto proletario del 1919, grazie ad un partito che per la sua stessa struttura ideologica politica e organizzativa, non poteva essere idonea per guidare la classe proletaria alla conquista del potere. Da questa posizione la borghesia italiana, fiancheggiata dal capitalismo mondiale, passò all'offensiva dimostrando di aver compreso il significato rivoluzionario del congresso di Livorno del 1921, dal quale sortiva un partito comunista diretto dalla sinistra. Questo fattore costrinse il nemico a precipitare gli eventi verso il trionfo fascista. La borghesia italiana trattata da Cenerentola, sul tappeto verde di Versailles, potrà sfogare la sua bile controrivoluzionaria per più di vent'anni sul corpo del proletariato; invece di rivendicazioni territoriali essa riceverà con grande orgoglio il manganello forgiato a Londra e benedetto dal rappresentante del mondo religioso: il Papa.

La crisi di sviluppo che scosse nel 1935 la borghesia italiana, ebbe ancora una volta al suo fianco i rappresentanti quotati del capitalismo mondiale, il quale era preoccupato di una sola cosa: impedire alle grandi masse italiane di veder chiaro nell'avventura africana, giacché essa era l'unica via d'uscita per risolvere momentaneamente la crisi sociale interna; risolvere momentaneamente la crisi interna significava impedire il manifestarsi di quei sintomi che avrebbero potuto rappresentare i punti di appoggio di una ripresa mondiale del meccanismo di classe. A completare l'annebbiamento della realtà ai proletari italiani furono le sanzioni. Si trattava di far credere infatti alle grandi masse che il loro problema d'esistenza era legato alla conquista di nuovi territori. Applicare le sanzioni voleva dire, in un certo senso, facilitare il compito di propaganda guerriera della borghesia italiana, la quale poteva facilmente convincere le masse che l'ostilità inglese era dovuta alla sua tendenza rapace che la spingeva a lottare contro ogni tentativo altrui di conquistare nuovi territori.

La prova di connubio della borghesia italiana con il capitalismo mondiale, viene data dal beneplacito inglese al passaggio delle navi italiane in rotta verso l'Africa, e dall'altro canto della inutilità dal punto di vista economico delle terre occupate, non rappresentando esse una *contropartita immediata di una messa in valore commerciale*. Questo al tempo stesso prova che la guerra d'Etiopia non era altro, per il capitalismo, che un diversivo necessario a far deviare un complesso di contraddizioni interne, aventi quale origine la crisi di sviluppo di cui era travagliata la società italiana.

La necessità di dirigersi immediatamente dopo verso il settore spagnolo non fa altro che rinsaldare la tesi suaccennata. Lo svolgimento della guerra di Spagna potrebbe far supporre l'esistenza di guerre *fondamentalmente* differenti l'una dall'altra, ma tale supposizione non può sorgere che da un giudizio fatto sulle apparenze. Infatti l'assoluta assenza in questo conflitto di particolari interessi territoriali, conferma la natura di questa guerra, la quale trova anch'essa origine nella lotta che il capitalismo mondiale ha ingaggiato contro il proletariato mondiale. La presenza nella guerra di Spagna di tutta la gamma del capitalismo mondiale, Russia compresa, dimostra l'interessamento che il nemico manifestava impedendo al proletariato spagnolo di trovare la via della sua vera lotta. Inchiodarlo sui campi di battaglia al servizio dei due diversivi di preta marca borghese, il Burgos di Franco e la Barcellona di Companis, ecco il loro vero obiettivo.

Se la guerra di Spagna può sorgere dalla *deviazione* di un movimento di classe (sciopero generale) la guerriglia partigiana si presenta nelle situazioni di frattura militare e politica, cioè dei momenti propizi per una possibile entrata in campo della classe proletaria. Difatti il proletariato in genere è preso nell'ingranaggio della guerriglia partigiana in un momento che, stanco e demoralizzato cerca una via d'uscita e la trova nell'indicazione centrista che, sotto il manto del comunismo, può facilmente trascinarlo ed inchiodarlo di nuovo alla guerra illudendolo di lottare per la rivoluzione.

Si può affermare che nell'ambito della guerra il partigianismo si presenta quale manovra estrema in vista di chiudere il passo allo straripamento delle masse sul terreno della lotta contro la guerra.

CONCLUSIONI

1°) L'enorme sviluppo dell'apparato produttivo mondiale, costringe il capitalismo a dirigersi verso uno sbocco che possa essere nello stesso tempo *distruttore e realizzatore* di plus valore. Il punto di partenza per la realizzazione di questo piano si trova nello stesso meccanismo dell'economia di guerra, la quale troverà nel vasto campo della guerra in atto la base per sviluppare al massimo le capacità distruttive. Ma sarà solo nelle direttive fondamentali dell'azione bellica che il capitalismo svelerà la mostruosità del suo duplice obiettivo.

2° Tenuto conto della formidabile potenzialità dell'apparato industriale tedesco, che rappresentava una permanente minaccia di sfuggire al controllo, diviene evidente che la direttiva bellica era in Germania, giacché annientare questo potente meccanismo vuol dire *distruggere* un fattore socialista di primo ordine e nello stesso tempo creare le condizioni per una ripresa economica su scala mondiale, fattore quest'ultimo necessario alla realizzazione del plus valore, caratteristica fondamentale dell'economia capitalistica.

3°) Non esiste problema economico senza quello politico: da questa elementare nozione marxista si deve concludere logicamente l'esistenza di una direttiva capitalistica nella condotta della guerra, con obiettivo il fattore politico, che scaturisce da quella stessa potenza economica, contro la quale la guerra ebbe il suo punto di partenza.

Evidentemente la guerra attuale nella sua conclusione ultima, si concretizza come manifestazione di lotta contro il proletariato. Non esiste possibilità di distacco tra il fattore economico, procreatore di socialismo, e la classe proletaria, prodotto diretto del concentramento industriale. Il nemico di classe chiama il proletariato alla guerra per l'annientamento di se stesso, giacché distruggendo l'apparato economico, elimina ciò che lo ha procreato, quale fattore politico e storico capace di gettare le basi di una nuova società.

4°) L'instaurazione del fascismo sul settore italiano, in un periodo di ritirata del proletariato, dimostra l'importanza decisiva del partito di classe, importanza che lo stesso nemico deve riconoscere e correre ai ripari preventivi. Il pericolo rappresentato dal partito comunista italiano subito dopo Livorno, si concretizzava non nella sua forza organica o numerica e nemmeno nelle sue intenzioni di guidare il proletariato al potere, ma bensì nelle sue armi politiche e tattiche, le quali per aver saputo elevarsi e completare l'esperienza russa, potevano realmente essere un pericolo mortale per la società capitalista.

L'abbandono della situazione tedesca, malgrado la crisi acuta che ne era preda nelle mani della socialdemocrazia e del centrismo, dimostra con quale profondità il capitalismo analizza gli organismi di guida del proletariato, mettendo al servizio dei propri interessi certe posizioni politiche che non hanno la qualità di presentarsi nettamente contro di esso.

Il partito di fronte alla guerra

1°) Nel chiamare i proletari a disertare la guerra, il Partito non fa altro che indicare ad essi un orientamento elementare di *difesa* contro una violenza che tende ad eliminarli quale fattore di concorrenza sia sul terreno economico come su quello politico.

2°) La posizione degli operai di fronte alla guerra deve essere di lotta e non di passività, la posizione passiva vuol dire incoscienza del pericolo che la guerra rappresenta per gli operai, le loro famiglie e per la loro classe, estremo limite del progresso. La coscienza di classe del proletariato di fronte alla guerra si manifesta concretamente nei seguenti punti: Nel disertare i sindacati divenuti organi dello Stato; nel rigettare con disprezzo l'arma delle rivendicazioni immediate giacché essa rappresenta un legame diretto all'economia distruttiva e produttrice di morte proletaria, cioè la collaborazione con la guerra. L'indirizzo che il Partito dà ai proletari di sabotare la macchina bellica, rappresenta l'unica arma che gli permette l'azione *minima* contro la guerra. La violenza proletaria contro il meccanismo produttivo, realizza la coscienza di classe nei confronti del conflitto.

3°) Ai proletari devianti verso la guerra partigiana, il Partito si rivolge chiamandoli alla diserzione ribellandosi alla disciplina militare. Il P. farà capire a questi proletari la loro falsa posizione nei confronti dei loro interessi ed inoltre il mortale pericolo, in cui essi si trovano, di farsi massacrare in una lotta impari con un organismo ancora in efficienza quale il militarismo tedesco.

Chiamandoli alla diserzione indicherà loro la posizione di *attesa difensiva*, unico atteggiamento che potrà dare loro la possibilità di partecipare alla grande battaglia di classe nel prossimo domani.

4°) *Disertare e sabotare* la guerra sono due parole d'ordine di applicazione concreta, giacché sono i punti di partenza per raggiungere il fine ultimo nei quadri della guerra: quello di trasformarla in rivoluzione.

5°) Per il proletariato la questione della lotta armata si pone in due situazioni fondamentali differenti l'una dall'altra: periodo di ritirata dopo una disfatta, cioè *lotta difensiva*; sfacelo statale, disorientamento del nemico di classe, periodo d'assalto proletario, cioè *lotta offensiva*.

Lo scatenamento della guerra da parte del capitalismo presuppone la completa disfatta della classe proletaria. La guerra rappresenta l'arma di aggressione della borghesia contro il proletariato. Allo scoppio della guerra il proletario si pone contro la guerra in una posizione difensiva *disertandola*, ma all'atto stesso della diserzione esso si trova nell'assoluta necessità di armarsi per difendere la sua posizione di disertore cioè... [manca del testo]

In questa fase della guerra dunque, la lotta armata espressa da minoranze proletarie si trova sul terreno difensivo ed in collegamento diretto con la lotta quotidiana del proletariato nel suo insieme sui posti di lavoro, che si concretizza con il *sabotaggio*. *Lotta difensiva armata* e *sabotaggio* sono due punti di partenza in direzione della lotta armata *offensiva* che realizza la formula finalista della lotta proletaria contro la guerra. Il centrismo pur di alimentare la guerra, cerca di incanalare il malcontento della massa sul terreno delle rivendicazioni immediate pur sapendo l'impossibilità assoluta di rompere il cerchio infernale della guerra con questa arma diventa preda del nemico; spinge il proletariato allo sciopero generale armato, in condizioni e rapporti di forza assolutamente sfavorevoli adempiendo perfettamente il suo ruolo di provocazione nelle file proletarie.

La provocazione centrista in questo caso non consiste nel fatto delle parole d'ordine di per se stesse; *rivendicazioni* e *sciopero armato* sono due armi che appartengono all'arsenale proletario. Ma nel servirsi di queste armi in situazioni contingenti e storiche, non corrispondenti agli interessi proletari e perciò indirettamente legate all'atmosfera dominante della guerra.

6°) Su questi capisaldi concreti della lotta proletaria lanciati dal Partito, si costruisce realmente il fine ultimo della presa del potere.

Un partito che pur essendo presente organicamente, non avrà saputo vivere la guerra nella sua posizione reale di lotta contro di essa, non potrà domani presentarsi alle masse. La forza organica di un partito è meno che nulla se non è aggiunta la forza politica, la quale può essere assente anche per il mancato lancio di una sola parola d'ordine.

Luglio 1944. Dattiloscritto.